À. À. SSêîâëåâ

•

Î÷åðê èñòîðèè ñàðàòîâñêîé

(1943–1993 ãã.)

Саратов
«Летопись»
2002

ББК
Я

ISBN

Саратов, 40-е годы

К началу Великой Отечественной войны в Саратове церковная жизнь прекратилась. Последний довоенный управляющий епархией преосвященный Вениамин (Иванов) сложил свои полномочия в 1937 году и был расстрелян в октябре 1937 года[1]. До своей смерти 14 мая 1939 г. управляющим епархией числился архиепископ Афанасий (Малинин). Лишь в 1941 году епархия вновь обрела своего предстоятеля. С 9 декабря им стал Высокопреосвященный архиепископ Андрей (Комаров), с титулом Саратовский и Петровский (по 28 августа 1942 г.). О служении Владыки Андрея оставил свидетельство Преосвященный Василий (Васильцев), епископ Кировоградский и Александрийский: «Прослужив в Саратове менее года, архиепископ Андрей оставил о себе добрую память вдохновенного проповедника, мужественного наставника и утешителя верующих, которые в годы войны, как никогда нуждались в духовной поддержке и утешении». (К воспоминаниям преосвященного Василия о других Саратовских преосвященных мы еще будем не раз обращаться). Обстоятельства служения архиепископа Андрея тем более загадочны, что по некоторым сведениям, последний храм Саратовской епархии, Свято-Троицкий кафедральный собор, был закрыт в 1939 году...

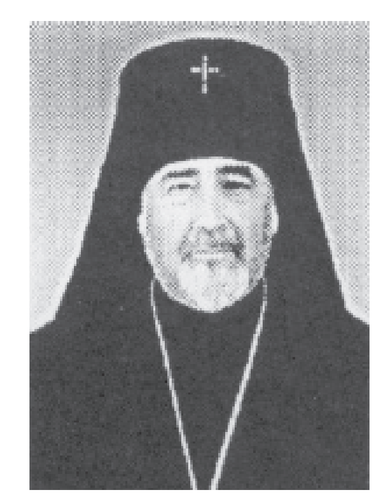

Все церкви в области были не просто закрыты, а разрушены или переоборудованы под светские учреждения. Например, храм «Утоли моя печали» был в разные годы клубом дома Охраны матери и ребенка, магазином «Сарпищеторга», недолгое время атеистическим лекторием, вытрезвителем и завершил свою «светскую карьеру» в качестве планетария.

Свято-Троицкому собору, по сравнению с сотнями других храмов Саратова и области, повезло. Он не был разрушен, в 1939 году его закрыли и передали на содержание Саратовскому областному краеведческому музею, позднее, в связи с войной, в 1941 году в нем был устроен склад военного обмундирования. При этом по распространенной практике тех лет, настенные росписи были срублены, а ризница стала экспонатом музея краеведения (благодаря чему и сохранилась).

Впрочем, если бы собор оставался открытым, богослужения в нем вряд ли проводились бы служить было некому, так как духовенство частью (большей) находилось в местах лишения свободы, частью оставило служение, подвизавшись на поприще светской деятельности. Были и такие (ничтожное меньшинство), кто, сняв сан и, уйдя из Церкви, перешли в стан идеологических противников и стали читать лекции по атеизму.

Благодаря открытости архивов, прежде всего архива Управления Федеральной службы безопасности по Саратовской области, мы можем составить представление об объеме массовых политических репрессий против духовенства и мирян Саратовской епархии. В конце 1991 года произошло важное событие — Саратовское областное Управление Агентства федеральной безопасности РФ передало Саратовскому епархиальному управлению списки лиц православного вероисповедания (в большинстве — православные, но в списках встречаются также старообрядцы, баптисты, пятидесятники), реабилитированных в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. По этим официальным данным в Саратовской области в предвоенные годы было подвергнуто репрессиям разной тяжести более тысячи священнослужителей и мирян Русской Православной Церкви.

Все репрессированные по политическим мотивам в настоящее время реабилитированы, но пока не видно активной работы по изучению их биографий, которые наверняка представляют интерес для Синодальной комиссии по канонизации святых. Напомним, что Саратовская область долгое время считалась, не официально, конечно же, если не богооставленной, то сильно кое в чем обделенной. Дело в том, что в Саратовской епархии до недавнего времени не было ни одного местночтимого святого — факт для соседних с нами областей поразительный[2].

Перемена государственной политики в отношении Церкви во время Великой Отечественной войны произошла очень быстро, как, впрочем, и все мероприятия советской власти того времени. Они были для всей общественности и духовенства, в первую очередь, тем более неожиданны и удивительны, что являли собой резкое потепление к Церкви, а не наоборот.

По данным на 1936 г., «из 53 районов Саратовского края в 34 районах нет совершенно функционирующих церквей». Оставшиеся храмы занимались под ссыпку колхозного хлеба — «...по Саратовскому краю свыше 500 церквей»[3]. Разумеется, плачевное состояние Саратовской епархии было следствием тяжелых гонений на Русскую Православную Церковь, и к рубежу 40-х годов легальное богослужение в ее пределах прекратилось.

К началу Великой Отечественной Войны церковная организация в Советском Союзе была фактически разгромлена. Аппарат управления Церковью состоял из Местоблюстителя

Иконостас Свято-Троицкого (верхнего) храма
Свято-Троицкого кафедрального собора г. Саратова

Патриаршего Престола митрополита Сергия (Страгородского), митрополита Ленинградского и Ладожского Алексия (Симанского) и митрополита Нижегородского Николая (Ярушевича). Десятки архиереев были арестованы, а число сосланных или подвергнутых заключению священнослужителей и мирян составляло сотни тысяч. Но оставался народ, который не забыл своей Церкви...

Облегчению в положении Церкви, несомненно, способствовало огромное по политическому значению обращение Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия ко всем верующим и гражданам страны, которое он обнародовал на второй день начала войны (напечатанное им самим на печатной машинке). Обращение решительно осуждало нападение Германии на Советский Союз и призывало к борьбе с захватчиками. Напомним, что руководитель Советского государства И. В. Сталин смог выступить с подобным обращением только через десять дней после вторжения фашистских войск, начав его церковным воззванием «Братья и сестры».

Сразу же после обращения митрополита Сергия в Москве с помощью благочестивых прихожан еще сохранившихся столичных храмов началась благотворительная работа по сбору средств на нужды обороны. Собирали не только деньги и драгоценности, но также теплые вещи и продовольственные посылки для бойцов Красной Армии. Эта деятельность ширилась и стала на несколько лет, наряду с открытием новых приходов, одной из основных составляющих церковной жизни. Церковно-патриотическая работа (так благотворительность именовалась официально) проводилась и в Саратовской епархии.

После исторической встречи в Кремле 4 сентября 1943 г. митрополитов Сергия, Алексия и Николая со Сталиным, подробно описанной в девятой книге «Истории Русской Церкви»[4], церковная жизнь стала пробуждаться и в Саратове.

Но прежде нам заняться изложением фактов и событий возрождения церковности в нашем городе, скажем и о том, благодаря чему это возрождение состоялось. Мы не откроем каких-то прикровенных истин. Простой православный народ, заполнявший храмы, не забывший веры отцов и стал той благодатной почвой, на которой возрастала Церковь после войны. Люди снова шли в храмы, в поиске утешения, уврачевания душевных ран.

У нас есть редкий случай взглянуть на церковную жизнь Саратова глазами очевидца. В архиве епископа Паисия (Образцова) сохранилось письмо старосты Свято-Троицкого собора Владимира Ивановича Орешникова Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию I, написанному 5 ноября 1945 года. Обратимся к этому редкому документу:

«Святейший Владыко! Прежде всего, прошу Ваших святительских молитв и благословения, а также и извинения за причиняемый труд на прочтение этого моего, может быть и нескладного на Ваш взгляд письма, но конечно Вы не будете строго судить меня, простого мирянина.

Вот закончилась великая война, великое бедствие почти всех народов мира. Море слез пролито и нашим русским народом от постигших его несчастий, бед и разорений, но русский православный человек не потерял своей веры в Истинного Бога, во Святую Животворящую Троицу, и во Святую Апостольскую Церковь, где он всегда находил и на-

ходит себе духовную поддержку и утешение, веруя во всесильную помощь Божию... Наблюдая во всех деталях жизнь своего народа русского, я никак не могу забыть лица молившейся одно время пред иконой Богоматери за какой-то службой в нашем соборе, одной пожилой женщины. Сколько в нем было веры. Какое-то оно было одухотворенное. Глаза у ней были устремлены на лик Богоматери и беззвучно шептали ея губы слова молитвы. И наверное эта горячая молитва ея была за близкого ея сердцу человека, может быть за сына... Вот вошли в храм с дорожными мешочками приехавшие с фронта молодые красноармейцы, а некоторые из них даже с офицерскими погонами. И я смотрел на них, как они усердно и искренне молились. И среди них был молоденький офицер, может быть сын этой православной матери, воспитавшей его в почтении и уважении к Церкви, с таким восторгом в лице слушал пение и с таким усердием молился... А сколько ходит в церковь раненых из госпиталей, ведь их, увечных, никто не понуждает, и я видел, как один из них, на костылях, стоял на одной ноге всю обедню, прислонившись немного только к решетке возле архиерейского места... Мы — родители этих людей, сражающихся бойцов и командиров, стойких защитников нашей Великой Родины, тех «винтиков» нашего великого русского государственного механизма, как сказал в своей речи о русском народе, его стойкости, храбрости, терпеливости и беззаветном патриотизме наш Великий Вождь тов. Сталин. И мы являемся тоже «винтиками» в этом государственном механизме. Наша родительская горячая молитва есть тоже вклад в общее дело, и он, я уверен, поддерживает дух наших детей и веру во Всесильную десницу Божию...»

Многое сделал, и многое определил на будущее в жизни Са-

ратовской епархии Владыка Григорий, будущий митрополит Ленинградский и Новгородский, который был хиротонисан епископом Саратовским и Сталинградским 14 октября 1942 года. Вспоминает архиепископ Василий (Васильцев): «Епископ Григорий, впоследствии митрополит Ленинградский и Новгородский, отличался необыкновенной эрудицией, был добрый и хлебосольный хозяин, обаятельный собеседник. Преосвященный Григорий, управлявший епархией в годы войны, воодушевлял верующих на исполнение своего патриотического долга, призывал саратовскую паству к труду и обороне Родины, организовывал сбор пожертвований на нужды армии... Активная патриотическая деятельность епископа Григория позволила значительно смягчить отношения Церкви и власти, в городе вновь начались богослужения в Троицком кафедральном соборе».

В связи с важностью этой личности остановимся поподробнее на его биографии. Николай Кириллович Чуков родился 1 февраля 1870 г. в Олонецкой губ. Отец, поморский крестьянин, стал состоятельным человеком, содержал в Петрозаводске гостиницу. В 1882 г. юный гимназист стал прислуживать в алтаре петрозаводского собора епископу Олонецкому Павлу. Высокий духовный настрой, молитвенность архипастыря произвели столь сильное впечатление на мальчика, что он решил встать на стезю церковного служения и перешел из гимназии в духовную семинарию. Окончив ее, Николай Чуков был назначен надзирателем Петрозаводского духовного училища. К тому времени отец его разорился, и он на свое небольшое жалование должен был поддерживать родительскую семью. Уже в те годы юный педагог обнаружил особый интерес к вопросам воспитания. В 1891 г. Николай Чуков поступил в Петербургскую Духовную Академию и через четыре года окончил ее кандидатом богословия, написав курсовое сочинение по экзегетике Ветхого Завета.

По окончании Академии он был назначен наблюдателем церковных школ Олонецкой епархии и вскоре, в 1897 г., принял сан священника. Благодаря его неустанным трудам церковноприходские школы Олонецкой епархии были приведены в весьма благополучное состояние. Церковное служение будущий архипастырь сочетал с разносторонней общественной и земской деятельностью. В течение 17 лет он представлял духовенство в земском собрании Олонецкой губернии. Архиепи-

скоп Финляндский Сергий, будущий Патриарх, привлек отца Николая к руководству Олонецким советом Карельского братства, созданного для противодействия панфинской и лютеранской пропаганде в Карелии. В 1911–1918 гг. протоиерей Николай Чуков исполнял обязанности ректора Олонецкой семинарии. Во время первой мировой войны протоиерей Николай Чуков возглавил важное дело по устройству лазаретов на территории Олонецкой губернии, часто совершая там богослужения, духовно окормляя раненых воинов.

В 1918 г. о. Николай становится настоятелем университетской церкви в Петрограде, а после ее закрытия настоятелем кафедрального Казанского собора. Исключительно опытный педагог и администратор, в 1920 г. он стал ректором Православного богословского института, а через два года был арестован, судим вместе с св. сщмч. митрополитом Петроградским и Гдовским Вениамином (Казанским), перенес смертный приговор, был помилован. После обращения Патриарха Тихона в Верховный суд в 1923 г. вместе с другими заключенными и осужденными священнослужителями был освобожден и назначен настоятелем Николо-Морского собора Петрограда.

В 1925 г. возглавил Высшие богословские курсы, которые просуществовали до 1928 г. Во время т. н. «иосифлянского раскола» в Ленинграде о. Николай в своих проповедях призывал паству к верности Патриархии. В 1926 г. успешно защитил на Богословских курсах магистерскую диссертацию «Мессианские представления иудеев по таргуму Ионафана, сына Узиелова». В 30-х гг. отец Николай не раз подвергался кратковременным арестам.

В 1935 г. его выслали из Ленинграда в Саратов. Поскольку здесь не было возможности служить, о. Николай занимался литературным трудом и написал четыре тома «Воспоминаний». А также разрабатывал систему духовного образования

в условиях атеистического государства.

В 1939 г. у о. Николая умерла матушка, в первый месяц Великой Отечественной войны без вести пропал сын, в Ленинграде во время блокады умерли два других сына и дочь. После кончины матушки Местоблюститель патриаршего престола предложил о. Николаю принять постриг. В письме от 10 декабря 1941 г. он пишет: «Кто Вас видел недавно, говорят, что Вы до сих пор сохраняете почти прежнюю бодрость. Зачем же Вам сидеть на каком-то инвалидском положении? Мне же как будто улыбается возможность использовать Ваши силы более производительно для Церкви Божией. Я разумею архиерейство и, конечно, с принятием монашества... Препояшьте, как муж, чресла и выходите на делание».

О. Николай колебался, и, только, как писал сам, «узнав о гибели детей, я понял зов свыше и послал телеграмму митрополиту Сергию, что согласен вступить в монашество».

Сразу после пострига с именем Григория 14 октября 1942 г. состоялась его епископская хиротония, а уже на следующий день он был возведен в сан архиепископа и назначен на Саратовскую кафедру.

8 октября 1943 года по инициативе И. В. Сталина был образован Совет по делам Русской Православной Церкви при Совнаркоме СССР, призванный проводить в жизнь новую политику государства по отношению к Церкви. Его председателем стал полковник Георгий Георгиевич Карпов, до этого — начальник 4 отдела III управления НКВД по борьбе с церковно-сектантской контрреволюцией. О деятельности и роли Совета написано немало в специальной литературе, напомним лишь самое главное: без СДРПЦ Московская Патриархия и епархиальные управления не могли решить ни одного более или менее значительного вопроса.

В своем выступлении перед участниками архиерейского собора 1944 года председатель Совета сказал слова, внушившие участникам собора надежду на устойчивый характер перемен к лучшему в церковной политике Советского государства: «Русская Православная Церковь в период Великой Отечественной войны показала, как она вместе со всем народом любит свою Родину и защищает ее всеми доступными для Церкви средствами... Немецкая политика стремилась использовать Русскую Православную Церковь в качестве орудия для достижения своих разбойничьих планов, для борьбы с

советской властью, с советским народом... Но она натолкнулась на непреодолимое препятствие — на любовь и верность духовенства и верующих к своей Родине... Те явления, которые сейчас происходят в жизни Церкви, во взаимоотношениях между Церковью и государством, не представляют чего-то случайного, неожиданного, не носят временный характер, как пытаются представить это дело некоторые недоброжелатели или как это иногда выражается в обывательских рассуждениях. Эти мероприятия вытекают из той тенденции, которая наметилась еще до войны»[5]. Последняя фраза, согласитесь, весьма загадочна...

10 апреля 1945 года, вскоре после окончания работы архиерейского собора Русской Православной Церкви и интронизации Святейшего Патриарха Алексия (Симанского), состоялась встреча Патриарха со Сталиным, в ходе которой обсуждалась патриотическая деятельность церкви, возможность расширения сети духовных школ, создание церковной издательской и полиграфической базы. И. В. Сталин говорил, что Церкви предстоит внести огромный вклад в дело укрепления международных позиций Советского государства, в налаживание внешних контактов. Последующая история Церкви в Советском государстве подтвердила «прозорливость» вождя...

Плоды новой политики появились вскоре после первой встречи Сталина с первоиерархами. 28 ноября 1943 года было принято постановление Совнаркома № 1325 «О порядке открытия церквей». В 1945–1946 гг. Совнарком принял ряд постановлений, разрешающих Церкви приобретение недвижимости и автотранспорта, строительство домов, производство утвари. В епархиях начался процесс открытия храмов. Конечно, полной свободы действий Церковь не получила, и на большее число своих мероприятий епархии и приходы на местах должны были иметь санкцию местного Уполномоченного по делам Русской Православной Церкви. Первые инструктивные письма Совета за подписью Г. Г. Карпова дают основания предполагать, что власть еще сама не знала точно, в какие правовые и экономические рамки поставить Церковь в целом и ее епархии и приходы. С одной стороны, как незаконные «действия и притязания» рассматривались, обнаруженные в некоторых городах «черные кассы», из которых выдавались крупные пособия разным людям, пострадавшим во время вой-

ны. (Для непосвященного читателя поясним, что таинственные «черные кассы» есть не что иное, как т. н. «братские кружки», куда собирались во все века пожертвования прихожан, распределявшиеся по решению клира.) А с другой, налоговым органам не рекомендовалось интересоваться реальными доходами священнослужителей и при начислении налога руководствоваться налоговыми декларациями, поданными самими клириками. Такая непоследовательность, конечно, не была случайной ввиду предстоящего Собора Русской Православной Церкви, акта политически важного как для государства, так и для Патриархии. Другой пример. Постановлением СНК СССР от 22 августа 1945 предложено не препятствовать церковным организациям производить колокольный звон и приобретать для этих целей готовые колокола. Но запрещалось производить их отливку и делать заказы госпредприятиям. Готовых колоколов, в силу известных причин, в распоряжении церквей было немного.

Первым храмом, открытым в Саратове во время войны, стал Свято-Троицкий кафедральный собор. Возобновление богослужений в древнейшем храме епархии в конце 1942 года стало возможным благодаря усилиям архиепископа Григория и настоятеля игумена Бориса (Вика). 6 октября был заключен договор об аренде общиной в лице председателя Цуриковой и настоятеля о. Бориса (Вика) собора у Облотдела Наркомпроса РСФСР в лице директора Областного музея Краеведения М. Г. Голубевой. Также во временное пользование музеем были передана часть церковного имущества, в частности —иконы, которая должна была быть возвращена музею по первому его требованию.

Вообще же при архиепископе Григории было открыто в епархии 4 храма — Свято-Троицкий собор в Саратове, церкви в Пугачеве, Петровске и Ртищеве. Вступив в управление епархией Владыка повел активную патриотическую работу по сбору средств на нужды обороны.

Следует сказать особо о личности игумена (впоследствии — архимандрита, епископа) Бориса (Вика). В документах тех лет, а именно в одном из информационных докладов уполномоченного по делам РПЦ по Саратовской области, архимандрит Борис именуется инициатором открытия кафедрального собора. Коренной саратовец, начинавший монашеский

подвиг в 1923 г. в составе братии Спасо-Преображенского монастыря, иеромонахом он в 1937 г. прибыл в Саратов и стал работать в Сармашстрое и затем в Тресте № 13 управделами промучастка до сентября 1940 г. С 3 мая 1941 г. он — комендант Треста зеленого строительства. 28 августа мобилизован военкоматом, работал ответственным исполнителем отдела снабжения, исполняя обязанности начальника снабжения и зав. центрально-материальным складом промстроительства. В октябре 1942 г. архиепископ Григорий (Чуков) назначил иеромонаха Бориса настоятелем Саратовского кафедрального собора. 6 сентября 1942 г. Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Сергием возведен в сан игумена, а 19 августа 1943 г. им же возведен в сан архимандрита[6].

Начиная с 1943 года, в Саратовский областной совет и Саратовскому уполномоченному СДРПЦ (Совета по делам Русской Православной Церкви) начинают поступать заявления от граждан с просьбами об открытии церквей. С конца 1943 по 1944 год верующими было подано 25 ходатайств об открытии церквей, из которых удовлетворено в том же году только два.

В 1943 г. архиепископ Григорий по поручению Патриарха Сергия составляет проект организации духовных учебных заведений Русской Православной Церкви. В мае 1944 г., после кончины Патриарха Сергия и назначения Местоблюстителем патриаршего престола митрополита Алексия, архиепископ Григорий был перемещен из Саратова на Псковскую кафедру, временно ему было поручено управление Ленинградской кафедрой[7].

СДРПЦ имел в каждой области своего уполномоченного, который следил за соблюдением советских законов в отношении религии, как со стороны Церкви, так и органов государственной власти. Но, прежде всего, уполномоченный был проводником государственной политики в отношении церкви.

Первым саратовским уполномоченным был Петр Васильевич Полубабкин. Он был назначен на должность в 1944 году.

Известный саратовский священник протоиерей Георгий Васильевич Лысенко[8], выпускник Саратовской духовной семинарии вспоминал, что уполномоченный приветствовал выпускников семинарии словами: «Желаю вам послужить на благо нашей Родины и Русской Православной Церкви».

Теплые слова уполномоченного по делам религий, конечно, не могли быть вызваны одним лишь его личным расположением к Церкви. Общее послевоенное потепление в отношении государства к Русской Православной Церкви явилось, в частности, следствием патриотической и благотворительной деятельности Церкви в годы Великой Отечественной войны, значение и масштабы которой были настолько велики, что игнорировать их было невозможно.

Трудно сказать, каким человеком был Петр Васильевич, но по его отчетам создается впечатление, что это был человек, принявший всерьез государственный курс на легализацию РПЦ.

В его информационных отчетах за первые несколько лет работы на посту уполномоченного, примерно до 1947 года, направляемых в СДРПЦ, содержится немало фактов, свидетельствующих о его расположении к Церкви и духовенству. В 1946 году П. В. Полубабкин просит Совет помочь епископу Паисию (Образцову) приобрести машину плановым порядком.

В том же году уполномоченный просит Совет «ускорить решение об открытии церкви в г. Хвалынске». Одно из сообщений стоит процитировать: «Об отрицательном влиянии церкви на дела общественные и государственные сведений

со стороны советских органов не поступает. Имеется несколько примеров положительного порядка, когда священник призывал выйти на прополку и граждане делали массовый выход, как мне об этом сообщили руководящие работники Духовницкого района, такой же случай был в Алексеевском затоне Хвалынского района, где по призыву священника Хвалынской церкви Волкова (граждане) сделали массовый выход на работу, как об этом сообщил секретарь исполкома Хвалынского райисполкома». «Прекраснодушие» уполномоченного не всегда находило понимание в Совете. В одном из информационных докладов уполномоченный дал нелестную характеристику печально известному впоследствии активному пропагандисту атеизма, а тогда преподавателю Саратовской семинарии Евграфу Дулуману: «Такие преподаватели как Петров и Дулуман... являются свидетельством того, что подбор преподавательских кадров для семинарии оставляет желать лучшего» и «такие преподаватели не могут подготовить нужных кадров». Совет отвечал: «...непонятно Ваше беспокойство по поводу того, что подготовка и подбор преподавательских кадров для семинарии оставляет желать лучшего. В данном случае Вам не следует беспокоиться, пусть об этом думают заинтересованные в этом лица»[9]. В том же году П. В. Полубабкин предложил совету не облагать подоходным налогом незарегистрированных священнослужителей. Предложение не нашло понимания.

Кстати, о Дулумане. Позднее, в 1958 г. была опубликована атеистическая брошюрка, составленная преподавателем уже Одесской духовной семинарии Е. Дулуманом. 30 декабря 1959 г. Св. Синод вынес постановление извергнуть из сана бывшего профессора Ленинградской Академии прот. А. Осипова извергнуть из сана и лишить всякого церковного общения, «Евграфа Дулумана и прочих бывших православных мирян,

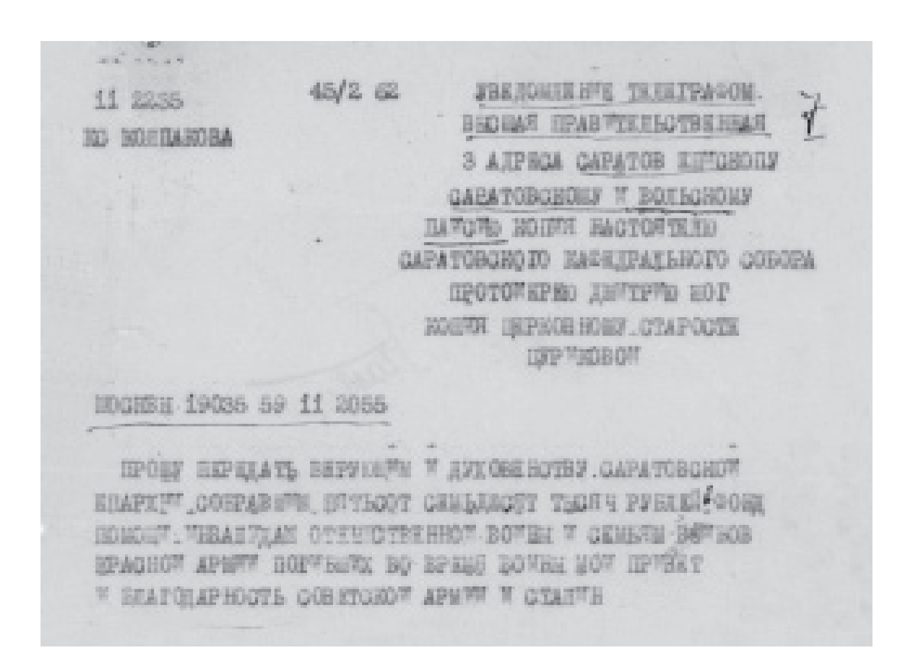
похуливших имя Божие, отлучить от Церкви»[10].

16 мая 1944 г. вместо архиепископа Григория Саратовским архиереем становится Паисий (Образцов) (епископ Саратовский и Сталинградский до 13 января 1947 г.). Владыка Паисий хиротонисан был 26 августа 1944 г. во епископа Брестского, однако, сразу же он был перемещен на Саратовскую кафедру с титулом Саратовского и Сталинградского, затем Саратовского и Вольского. Вот как о нем писал архиепископ Василий (Васильцев): «Епископ Паисий отличался необыкновенной скромностью и невзыскательностью, что, вообще говоря, не характерно для русских архиереев. Его кроткой душе были присущи скромность и простота, любовь к каждому, нуждающемуся в утешении человеку. Приходя на службу как простой монах с одним посошком, Владыка Паисий совершал богослужения истово, неторопливо, избегая внешних эффектов, объясняя это усвоенной от юности привычкой не дополнять по своему разумению литургического творчества святых Отцов Церкви. Хорошо знавшие Преосвященного Паисия верующие Саратова, отмечали благодатный дар прозорливости Владыки. Внимательный духовный руководитель, епископ Паисий предостерегал обращавшихся к нему за советом от неправильного выбора жизненного пути, помогал своим духовным чадам избежать недальновидных и вредных для души поступков».

Преосвященный Паисий был весьма активен в церковно-патриотической работе. При нем в епархии проходил сбор средств на нужды обороны в годы войны и на восстановление народного хозяйства и детям и семьям погибших воинов. Его руководящая роль в деле церковной благотворительности была высоко оценена властями, он не раз получал благодарственные телеграммы от И. В. Сталина и был награжден, в числе других священнослужителей епархии медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной Войне». В годы правления епископа Паисия была собрана на благотворительные нужды страны довольно крупная сумма.

Об этом говорит, в частности, такая телеграмма «Прошу передать верующим и духовенству Саратовской епархии, собравшим пятьсот семьдесят тысяч рублей в Фонд помощи инвалидам Отечественной войны и семьям воинов Красной Армии погибших во время войны и благодарность Советской Армии. И. Сталин»(ноябрь 1946 г.).

Скромнее были его успехи на ниве управления епархией,

11 2235 45/2 62 УВЕДОМЛЕНИЕ ТЕЛЕГРАФОМ.
[illegible]
ВЫСШАЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ
3 АДРЕСА САРАТОВ ЕПИСКОПУ
САРАТОВСКОМУ И ВОЛЬСКОМУ
ПАИСИЮ КОПИЯ НАСТОЯТЕЛЮ
САРАТОВСКОГО КАФЕДРАЛЬНОГО СОБОРА
ПРОТОИЕРЕЮ ДМИТРИЮ [illegible]
КОПИЯ ЦЕРКОВНОМУ СТАРОСТЕ
[illegible]

МОСКВЫ 19035 59 11 2055

ПРОШУ ПЕРЕДАТЬ ВЕРУЮЩИМ И ДУХОВЕНСТВУ САРАТОВСКОЙ ЕПАРХИИ СОБРАВШИМ ПЯТЬСОТ СЕМЬДЕСЯТ ТЫСЯЧ РУБЛЕЙ ФОНД ПОМОЩИ ИНВАЛИДАМ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И СЕМЬЯМ БОЙЦОВ КРАСНОЙ АРМИИ ПОГИБШИХ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ МОЙ ПРИВЕТ И БЛАГОДАРНОСТЬ СОВЕТСКОЙ АРМИИ И СТАЛИН

Одной из главных задач преосвященного было открытие в Саратове Богословско-пастырских курсов. Владыка ходатайствовал перед уполномоченным, перед областным Советом народных депутатов, но, видимо, недостаточно убедительно. Курсы открыты не были. В своей деятельности после ухода с Саратовской кафедры Владыка Паисий за девять лет с перерывом в служении нигде долго не задерживался и сменил семь титулов[11].

На 20 августа 1944 года в Саратовской области было 4 действующих церкви в Саратове, Вольске, Петровске и Ртищеве. Всего по области состояло на учете 230 молитвенных зданий и церквей. Недействующие церкви были заняты ссыпными пунктами Заготзерна, клубами и домами культуры, складами, МТС, военными складами. По сравнению, например, с Нижегородской областью Саратовская выглядела довольно скромно: у нижегородцев в те же годы на учете состоял 1101 недействующий храм, а открытых было 22. Кстати, следует отметить, что по данным 1912 года в Нижегородской и Арзамасской епархии было 1130 храмов. О построении новых храмов в годы советской власти не могло быть и речи, следовательно, в Нижегородской области было к этому времени уничтожено только 7 (семь!) храмов. В Саратовской епархии на 1912 год состояло 3 мужских и 11 женских монастырей, церквей: соборных — 11, приходских — 718, домовых — 30, приписных — 31, кладбищенских — 16, всего — 897, а также часовен — 159. Разрушение храмов в нашей области было значительно более распространенным явлением, чем в Нижнем Новгороде — из 897 храмов (не считая монастырских) осталось менее 230 (молитвенные здания, вероятнее всего, образовались позднее 1917 г., до революции в них особой необходимости не было, ведь были «стационарные» храмы).

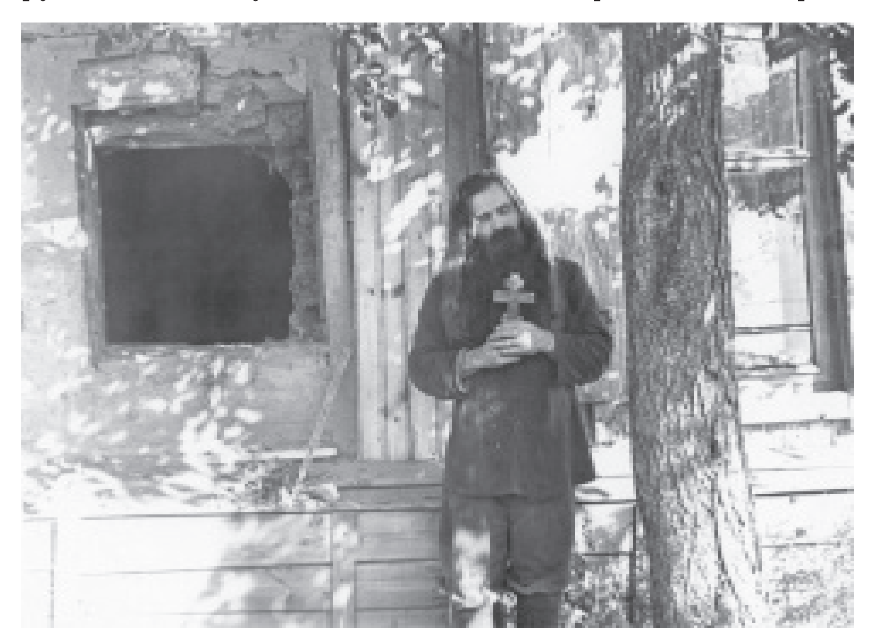
Как видно, в годы войны процент прошений верующих об открытии, решенных положительно, был очень мал. Как отмечает церковный историк Д. В. Поспеловский в книге «Русская Православная Церковь», это была общая практика СДРПЦ по всей России.

Но и прошений об открытии церквей, согласно сведениям СДРПЦ, в Саратовской области было немного. В письме Совета саратовскому уполномоченному П. В. Полубабкину от 11 февраля 1948 года говорилось: «Характерная особенность церковной обстановки в области состоит в том, что, при наличии 13 действующих церквей, ходатайств об их открытии поступает сравнительно мало... Каково действительное состояние религиозности в области? Имеет ли место, в какой мере и где распространение нелегальных религиозных отправлений и их характер? Почему так резко увеличивается число крещений взрослых? Чем объяснить высокие доходы церквей? Имеет ли место переход верующих к сектантам? Чем объяснить наличие небольшого поступления ходатайств об открытии церквей?..» По всей видимости, у Совета имелись веские основания считать, что в Саратовской области широко распространена религиозная деятельность без соответствующей государственной регистрации, то есть, если не проводимая подпольно, то вне контроля органов власти и уполномоченного. В письме П. В. Полубабкину от 3 апреля 1948 года Совет повторяет, что «...необходимо полнее выявлять и изучать факты отправления религиозного культа без оформления открытия церквей и молитвенных домов и регистрации». Действительно, малое число открытых храмов было «характерной особенностью» Саратовской епархии. В соседних Сталинградской, Куйбышевской и более отдаленной

Астраханской было в несколько раз больше (в каждой). При этом за 1945–1950 годы исполкомом Саратовского городского совета было отклонено 193 ходатайства верующих об открытии церквей. Религиозность населения должна была найти какой-то выход, и Совет не без оснований беспокоило, что религиозная жизнь примет нелегальные формы.

Вероятно, было велико недоверие к власти, которая внезапно стала поощрять активность верующих.

Нелегальная религиозность, видимо, не затухала в области в советские годы никогда. Архивные материалы, в особенности уголовно-следственные дела 20–30-х годов дают массу примеров организованной нелегальной деятельности религиозных общин, которые были беспощадно разгромлены. Некоторые, опасаясь репрессий, ушли в глубокое подполье, как в случае с аткарским священником Поздеевым, проведшим в подполье (в прямом смысле — в подвале крестьянской избы) без малого тридцать лет. В сороковых годах по отбытии сроков наказания в область возвратились уцелевшие в ссылках и лагерях руководители и участники нелегальных религиозных организаций. Возвратилась последняя настоятельница Саратовского Крестовоздвиженского женского монастыря игумения Антония (Заборская)[12]. После закрытия монастыря благодаря именно ее стараниям удалось сохранить общину, организовав трудовую артель. В стенах монастыря тайно совершались богослужения, постриги монахинь, оказывалась поддержка ссыльному духовенству. Кстати среди просителей об открытии церквей встречаются бывшие монахини.

Свящ. Поздеев возле места своего убежища

В 1948 г. вернулся из 13-летней ссылки протоиерей Константин Михайлович Соловьев, ученик епископов-мучеников Гермогена (Долганева) и Николая (Парфенова), участвовавший в тайных рукоположениях священников организованных архиепископом Саратовскиим и Петровским, впоследствии канонизированным, св. Фаддеем (Успенским) в 30-х годах. Являясь одним из двух клириков епархии, имевших высшее богословское образование (второй – протоиерей Николай Иванович Черников, окончивший Санкт-Петербургскую Духовную Академию), о. Константин становится духовником всех послевоенных архиереев, под омофором которых служил, а именно: епископа Бориса (Вика), архиепископов Филиппа (Ставицкого) и Гурия (Егорова). С 1949 г. по 1953 г. по благословению архиепископа Филиппа (Ставицкого) он состоит духовником Саратовской духовной семинарии. Преклонных лет старец-исповедник в этот период прославляется обилием проистекающих по его молитве чудотворений. Духовник и катехизатор, аскет и молитвенник, бессребреник и прозорливец, он, по мнению саратовских православных, стяжал благодать Св. Духа, проявившуюся в самых различных дарах. Могила его находится на Саратовском Воскресенском кладбище и особо чтится православными[13].

В 50-х годах из длительного заключения возвращается

священник Иоанн Заседателев, священник с. Корнеевка, где в 1917 году произошло явление иконы Божией Матери «Испанская» и св. вкмч. Пантелеимона, прославившиеся многочисленными исцелениями на все окрестные епархии[14]. Словом, «контингент» был хорошо подготовлен для нелегальной религиозной работы.

Вместе с этим было немало т. н. «самочинников» — священников, не имевших государственной регистрации и лиц под них работающих, но не рукоположенных во иереи, которые разъезжали по области и совершали таинства и требы, служили молебны. В отношении последних все было ясно — их деятельность подпадала под ст. 123 и 169 УК РСФСР. С рукоположенными, но не имевшими государственной регистрации священниками было сложнее — в уголовном кодексе не было прямой статьи, запрещавшей им проводить службы. Им чинились административые препятствия как со стороны исполнительной власти, так и от епархиального управления. Основной мерой борьбы с ними было взимание подоходного налога, весьма значительного.

В 1948 году по указанию Совета в Саратовской области была произведена перепись самочинников. Их набралось 12 человек (православных). Что интересно, один из двенадцати носил фамилию Ленин. Так как перепись производилась по данным сельсоветов, мало сведующих в богословских вопросах, то в списки попали и сектанты. Самочинники и самосвяты концентрировались всего в нескольких районах — в Терновском 3 человека, в Ртищевском — 2, в Базарно-Карабулакском — 1, в Татищевском — 1 (баптист), в Куриловском — 7, в Широко-Карамышском — 7, в Салтыковском — 1. По сведениям СДРПЦ, нелегальные службы в Саратовской области проводились с 1941 года.

Последние годы войны и в течение двух-трех лет после победы в Великой Отечественной войне церковная деятельность в Саратове имела три основные составляющие. Это работа по

возвращению епархии церковных и других зданий, налаживание нормальной работы в приходах (здесь на первом месте по значимости было богослужение) и сбор средств в помощь бойцам и на нужды обороны страны.

Столь масштабные задачи для Церкви в целом и для епархии в частности было бы невозможно решить без изменения советского законодательства. Прежде вся церковная жизнь регламентировалась печально известными Постановлениями СНК от 1918 года об отделении Церкви от государства и школы от церкви. Теперь Церковь получила ограниченные права юридического лица. Чрезвычайно важным было принятие на Поместном соборе 1945 года «Положения об управлении Русской Православной Церковью», проект которого составил архиепископ Псковский Григорий (Чуков). Согласно «Положению», если сформулировать кратко, епископ является «ответственным главою вверенной ему епархии», настоятель храма является председателем церковного совета (исполнительного органа) и на его попечении находится все приходское хозяйство, то есть, настоятель, фактически, становится хозяином на своем приходе и ответственным только перед архиереем. «Положение» открывало широкие возможности для укрепления Церкви. Действовало это «Положение» 16 лет, до следующего Архиерейского собора…

Оздоровилась и общественная атмосфера вокруг Церкви и священнослужителей. Атеистическая кампания, неистовствовавшая в 20–30 годы, во время войны утихла совсем, а после победы уже не возобновлялась в прежних объемах и качестве. Теперь говорили не о борьбе с мракобесием и церковной контрреволюцией, а о пропаганде естественнонаучных знаний и материалистического мировоззрения[15].

Остановимся подробнее на существовавшей практике открытия церквей.

В соответствии с циркулярным письмом СДРПЦ, чтобы прошение верующих было принято органами государственной власти к рассмотрению, оно должно быть подписано не менее двадцатью гражданами (т. н. «двадцатка»), совершеннолетними, не лишенными по суду избирательных прав, с указанием их возраста, места жительства и рода занятий. Правильно поданное заявление не гарантировало положительного решения, что подтверждают приведенные сравнительные данные.

Непременным условием было также наличие церковного здания в населенном пункте, откуда поступало прошение. Было немало других причин, сводящих на нет усилия просителей. Например, церковь не открывалась, если «вблизи» уже был действующий храм. Другим условием, было наличие в списке двадцати бывших церковно-священнослужителей, которые, по мнению СДРПЦ, могли поддерживать ходатайство исключительно из соображений личной выгоды, имея ввиду перспективу занятия какой-либо доходной должности в церкви. В письме СДРПЦ саратовскому уполномоченному говорилось: «Следовало бы также осветить вопрос о том, кто является инициаторами подачи заявлений, в особенности, обратить внимание на лиц, ранее занимавших те или другие должности при церквах и рассчитывающих на выгоду материального характера при открытии церквей». Заявления отклонялись, если церковные здания находились занятыми учреждениями культуры, школами, складами Заготзерна, несмотря на то, что СДРПЦ инструктировал уполномоченного, что в отдельных случаях, когда верующие настойчиво добиваются открытия церкви и группа верующих значительна, следует освобождать церковные здания, занятые под склады. Не одобрялось, если прошение подписывали члены ВКП(б) или участники гражданской и Великой Отечественной войн. В общей советской практике причинами отклонения ходатайства могли быть — наличие в районе одного километра от храма учебного заведения (хотя известно, что до революции церковно-приходские и земские школы обычно строились возле храмов), донос хотя бы на одного члена «двадцатки», и, наконец, удивительная по абсурдности — несогласие местного отделения «Союза воинствующих безбожников»!

В 1944 году массового движения за открытие церквей в Саратовской области не было. При наличии 230 храмовых зданий, было подано заявлений только на открытие 27. Такие прошения поступали только из 17 районов области, из 46 не поступали. Правда, через год движение за открытие церквей заметно увеличилось. За год Победы — 1945 было подано 37 заявлений.

Епархиальное управление, казалось бы, главная заинтересованная в открытии новых приходов сторона, далеко не всегда поддерживало заявления верующих. Например, епархия (т.

е. правящий архиерей) не поддержала ходатайств верующих с. Садовка Балтайского р-на, с. Рассказань Родничковского р-на, с. Челизовки Аткарского р-на, с. Алексеевки Базарно-Карабулакского р-на, с. Бобылевки Романовского р-на, об открытии второй церкви в г. Балашове и другие. Скорее всего, это объяснялось причинами экономического характера. Архиерея пугало, что маленькие приходы не смогут существовать по принципу самоокупаемости. Такими и станут вскоре приходы в с. Никольском и Дурникино. Открытые в них храмы не могли не только производить ремонт церковного здания и платить установленные налоги, но даже содержать священника, который находился на дотации епархиального управления. Юридическая причина заключалась в том, что в соответствии с советским законодательством, финансовая помощь епархии приходам рассматривалась как благотворительность и запрещалась. Заметим, что позиция архиепископа Пимена (Хмелевского) в начале 1990 годов была принципиально иной — он открывал все приходы, которые подавали документы в установленном законом порядке, не заботясь об их доходности. Но тогда уже была возможность взаимоподдержки и бедным приходам оказывалась помощь как от епархии, так и от давно действующих крепких приходов. Конечно, епископ Паисий (Образцов) или епископ Борис (Вик) служили в других условиях, чем Владыка Пимен (после 1988 года).

По свидетельству уполномоченного, правящий Владыка Паисий «ни по одному заявлению своего заключения не дал, ограничиваясь передачей уполномоченному на рассмотрение, ссылаясь на то, что он новый, области не знает, а потому и заключения давать не может»[16]. По городу Саратову в 1944 году поступило два ходатайства об открытии Христорождественской церкви и Петропавловской. Оба отклонены, первое потому что в церкви находилась поликлиника мединститута (в настоящее время в здании располагается областной кожно-венерологический диспансер), второе потому что в церковном здании располагалась макаронная фабрика (на ул. Московской, сейчас на ее месте газон перед зданием Правительства Саратовской области). С 1945 года верующие начинают ходатайствовать об открытии Духосошественской церкви (на пересечении улиц им. Антонова-Саратовского, Веселой и Б. Горной), в которой находился военный склад Госрезерва.

Количество действующих церквей начинает медленно, но увеличиваться. В 1945 году было открыта церковь в Пугачеве, через год в Балашове, Ершове, Аркадаке. В 1947 году СДРПЦ разрешил открытие сразу четырех приходов — в Балаково, с. Дурникино Романовского р-на, с. Дергачи, с. Никольском Духовницкого р-на. В 1948 году открыт второй саратовский храм — Духосошественский собор. В 1955 году — молитвенный дом в г. Энгельсе. Число открытых церквей достигло 15, после чего, вплоть до массового открытия храмов после 1988 года, не увеличивалось.

Открытия новых приходов проходили по-разному. Одни спокойно, вокруг других разгоралась настоящая борьба. Наиболее сложно развивались события вокруг открытия Духосошественского собора и молитвенного дома в г. Энгельсе.

Для такого города как Саратов, областного центра, конечно, было мало одного Свято-Троицкого собора и епархиальное управление стремилось открыть и другие церкви. В течение многих лет, начиная с 1946 года епископ Паисий и следующий Саратовский епископ Борис (Вик) ходатайствовали о постройке часовни на Воскресенском городском кладбище. Бывшая кладбищенская церковь во имя Воскресения Господня к тому времени была уже разрушена и на ее месте до сих пор находится аллея мемориала Н. Г. Чернышевскому. Краткое письмо епископа Паисия уполномоченному П. В. Полубабкину — «В целях правильного удовлетворения религиозных запросов верующих на городском кладбище (отпевание умерших, панихиды, памятные дни) прошу Вашего ходатайства перед исполкомом Саратовского горсовета депутатов трудящихся о разрешении Саратовскому епископу произвести на территории саратовского городского кладбища постройку часовни» как будто нашло понимание в горсовете. 20 мая 1946 года исполком городского совета на суженном совещании вынес вполне благоприятное для епархии решение: «1. Разрешить постройку на городском кладбище часовни для совершения обрядов при погребении умерших. 2. Поручить управлению благоустройства (тов. Кавторову) совместно с уполномоченным Совета по делам РПЦ тов Полубабкиным, — определить место на городском кладбище для постройки часовни». Вслед за этим и СДРПЦ дал добро на строительство. Если место и было выбрано, то этим дело и ограничилось. По свидетельству

прихожанки саратовских храмов О. К. Пудовочкиной, отпевания на кладбище все равно проводились и без часовни. Вот что она рассказала автору в частной беседе: «...отпевали на повороте дороги к памятнику Н. Г. Чернышевскому. Напротив современного памятника Вавилову был перевернутый старый бетонный памятник, и на нем отпевали. А батюшки дежурили в конторе. При священнике была и певчая — пожилая женщина. С 1966 года я часто ходила на кладбище — отпеваний там уже не было». А открыт кладбищенский храм был только... в 1998 году (Свято-Николаевский на новом Елшанском кладбище)!

Ходатайство Владыки Паисия об открытии Свято-Серафимовской церкви (построенной вскоре после канонизации в 1903 г. преп. Серафима Саровского на ул. Университетской) более развернуто: «Поступающие цифры сборов и отчислений от Саратовского собора на патриотические нужды Страны свидетельствуют не только о высоком патриотическом настроении верующих, но и о посещаемости храма. Храм переполнен богомольцами, особенно в воскресные и праздничные дни. Жажда открытия нового пункта в Саратове для удовлетворения религиозных нужд велика. В связи с неоднократными ходатайствами верующих г. Саратова и указаний Святейшего Патриарха о необходимости открытия в Саратове второго храма и деятельного решения этого вопроса, прошу со своей стороны ходатайствовать перед Исполкомом саратовского городского совета депутатов трудящихся о возможности предоставления нам здания бывшей Серафимовской церкви, занятой ныне под общежитие работников института «Микроб». Так как здание это находится по дороге к городскому кладбищу, то б. Серафимовская церковь могла бы быть не только приходским храмом, но и служила бы вместо кладбищенской часовни. С открытием б. Серафимовской церкви, находящейся в западной части города, отпал бы вопрос о подыскании другой церкви для Саратова». Инициатива епископа поддержки не нашла. А суждено было Серафимовской церкви снова принять в свои стены богомольцев только в 1993 году...

В 1946 году в Саратовский горисполком поступило заявление группы верующих об открытии Духосошественского собора. Ходатайство поддержал епископ Паисий. Заявление было отклонено и не последней причиной этого было наличие

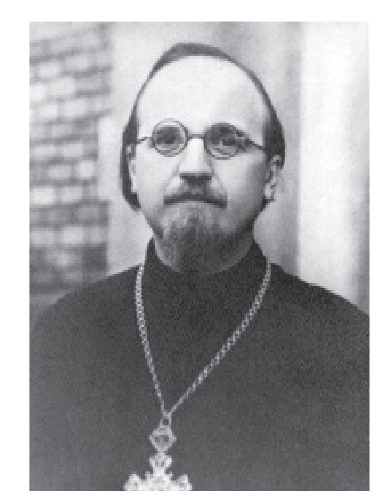
среди подписавшихся граждан бывших членов церковного исполнительного органа Гусевой, Кох, Орешникова. Уполномоченный П. В. Полубабкин сообщал в Совет, что отказ горисполкома вызван, якобы «отрицательным отношением части священнослужителей Саратовского кафедрального собора к открытию Духосошественской церкви, находящейся на расстоянии 700 метров от кафедрального собора»[17].

Вскоре изменилось отношение к открытию и городских властей, даже председатель горисполкома тов. Шишкин стал относиться к разрешению вопроса положительно, что, впрочем, открытия не ускорило. Дело тормозилось тем, что склад, расположенный в церкви, находился в введении Нижне-Волжского территориального управления Министерства материальных резервов СССР и Министерство соглашалось его освободить только при предоставлении другого склада.

Об открытии Духосошественского собора начал хлопотать епископ Саратовский и Вольский Борис (Вик), который 13 января 1947 г. постановлением Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия I становится епископом Саратовским и Вольским. До этого бывший первый настоятель Троицкого собора после его открытия 2 апреля 1944 г. в Богоявленском патриаршем соборе был хиротонисан во епископа Нежинского, викария Черниговской епархии, а в апреле 1945 г. он был назначен правящим епископом Черниговским и Нежинским. 24 апреля 1947 г. Владыка Борис прибывает в Саратов. Надо сказать, кстати, что епископ Борис является единственным из саратовских правящих архиереев коренным уроженцем города. Обратимся к статье епископа Василия (Васильцева): «В самое трудное для Православной Церкви время с поразительным оптимизмом отец Борис (до хиротонии — прим. авт.) говорил всем знавшим его людям, что Церковь ни за что не погибнет, непременно возродится, а он сам будет не меньше чем митрополитом... Эффектные богослужения Преосвященного Бориса привлекали в кафедральный собор тысячи прихожан».

Открытие Духосошественского собора произошло, наконец, в 1948 году.

После убийства во Львове протопресвитера о. Гавриила Костельника в Саратов был переведен львовский протоиерей Серафим Антонович Казновецкий, который много потрудился

противодействуя распространению унии на Западной Украине. Он был зачислен в клир Св.-Троицкого кафедрального собора. В сопроводительном письме Святейший Патриарх обращался к епископу Борису назначить о. Серафима настоятелем кафедрального собора. Архиерей принял решение перенести кафедру Духосошественский собор и назначить его настоятелем о. Серафима. Именно под попечением о. Серафима храм был открыт, вычищен и расписан, хотя кафедральным он не стал[18].

История с открытием молитвенного дома в г. Энгельсе длилась почти десять лет. И думается, главная причина столь длительной тяжбы была в том, что бывшая церковь оказалась занятой библиотекой, т. е. учреждением культуры.

Были группы верующих, которые последовательно, настойчиво в течение многих лет, но безрезультатно ходатайствовали об открытии церквей. Это, прежде всего, верующие г. Аткарска, с. Бобылевки, с. Корсаковой Поляны, с. Рассказань, с. Алексеевки Базарно-Карабулакского района. В с. Алексеевке эти ходатайства были с самого начала обречены на неудачу, так как инициаторами открытия были бывший священник Фофанов и бывший церковный староста Галактионов.

Советское общество, в котором долгое время пропагандой и репрессиями насаждался воинствующий атеизм, оказалось не однородным и часть его с радостью воспринимала перемены в политике государства по отношению к Церкви. Несмотря на то, что бдительные органы неустанно наблюдали за каждым движением Саратовской епархии, люди небоязненно шли в Церковь и исповедовали себя православными.

В предисловии иеромонаха Дамаскина (Орловского) к книге «Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия» цитируется докладная записка министра МГБ Абакумова Сталину от 25 июля 1948 г., раздел «Участие коммунистов и комсомольцев в отправле-

нии религиозных обрядов и использование некоторых из них церковниками и сектантами во враждебной деятельности»[19].

«Начальник цеха завода № 1 города Саратова Левшаков — кандидат ВКП(б) — обвенчал в церкви сына, женившегося на комсомолке. На свадьбе и при венчании в церкви присутствовали секретарь парторганизации завода Соломатин и член ВКП(б) Скосирский...»[20]. «...Настоятель одной из церквей Сталинградской обл. Гусельников С. Л., бывший инженер-лесовод, в 1947 г. перед началом учебного года созвал в церковь до 300 детей школьного возраста и отслужил с ними специальный молебен...»[21].

1948 год принес с собой перемены к худшему в положении Русской Православной Церкви. В конце сороковых, начале пятидесятых годов вышел ряд партийных и правительственных документов, газетных статей, в которых недвусмысленно давалось понять, что Церковь зашла слишком далеко... Было даже арестовано и осуждено несколько видных церковных иерархов — инспектор МДА архимандрит Вениамин (Милов) (в 1948 г.), архиепископ Оренбургский Мануил (Лемешевский) (в 1948 г.) (оба как «повторники», т. е. за то же преступление, за которые они уже отбыли наказание), священник Иоанн Крестьянкин (в 1951 г.) и другие.

Не осталась в стороне и Саратовская епархия. 10 февраля 1949 г. бюро Саратовского горкома ВКП(б) принимает постановление «О фактах притупления большевистской бдительности со стороны отдельных партийных и советских работников города». В праздник Крещения Господня «произошел возмутительный факт скопления большой толпы горожан на льду реки Волги, где кучкой религиозных фанатиков и пьяных хулиганов было спровоцировано купание в проруби большого количества людей».

«Прямыми виновниками, допустившими такое изуверство и дикость, угрожавшие жизни и здоровью трудящихся», названы председатель исполкома Волжского райсовета И. Д. Прибыток (он, потеряв чувство партийности, превысил свои права, незаконно разрешив церковникам Троицкого собора организацию шествия на Волгу и отвод места для отправления религиозного обряда»), а также зав. коммунальным отделом райсовета Скрябин и зам. Начальника горуправления милиции Комаров. Все получили строгий выговор, первые двое еще

и сняты с работы[22].

В главной газете страны «Правде» 19 февраля 1949 года[23], появляется фельетон И. Рябова под названием «Саратовская купель» в критическом тоне описывающий Великое Водосвятие на Волге совершенное епископом Борисом (Виком) и традиционное купание в проруби на Крещение. Приводим его в сокращении с сохранением авторской орфографии и пунктуации.

««Иордань» была оборудована в Саратове накануне «Крещенья».

Ватага охочих людей, вооруженных циркулем, сделанным из двух длинных спиц, железными ломами и секирами, то-бишь топорами, спустилась на волжский лед и, прорубив его толщу, сделала большой водяной круг.

В центре этого круга была охотниками водружена высеченная изо льда фигура – трехметровый крест с голубем наверху.

По соседству с «Иорданью» появилась еще прорубь. Она была размером побольше. Она предназначалась для купанья православных, возжаждавших божьей благодати.

Иконы и хоругви были подняты в Старом соборе, что стоит на Покровской улице. Сияя ризами образов и одеяниями духовенства, крестный ход двинулся к «Иордани».

19 января текущего года в Саратове было десять градусов мороза. Это правда, не трескучие крещенские морозы, доходящие до тридцати градусов, но и в такую погоду выходить голым на лед и погружаться в воду медицина не рекомендует даже закаленным физкультурникам.

Паства советовалась с пастырем.

Крестный ход на Волгу. Крещение Господне, 19 января 1949 г.

— Боюсь, как бы не простудиться, отец? — вопрошала пожилая тетка, подступая к полынье, дышавшей ледяным холодом.

— Не бойся, раба, смело иди в святую купель. Принявший обряд спасен будет...

— Может быть, не все снимать с себя, отец?

— В таком случае не будет тебе, раба полной благодати...

И пожилая тетка сбрасывала с себя все покровы и, оставшись в чем мать родила, сигала в ледяную воду.

Зрелище для богов!

Жертвами слепого фанатизма были дети, — они не могли оказать стойкого сопротивления неистовым родителям и твердокаменным церковникам.

Любители порнографии явились на волжский берег. Фотографы щелкали аппаратами, выбирая наиболее пикантные моменты крещенского купанья. Днем позже фотоснимки продавались на Покровской улице по три рубля за штуку. Фотографы конкурировали с церковниками в смысле дележа прибыли от крестного хода в Саратове.

К оборудованию саратовской «Иордани» приложил свою мощную длань начальник местного отделения общества спасания на водах Иван Кириллович Карамышев.

За разрешением на все эти процедуры церковники обратились к председателю райисполкома Ивану Денисовичу Прибытку.

Председатель райисполкома должен был разъяснить отцам церкви и их покорным рабам и рабыням вред и юродство крещенской купели. Он должен был выступить против этого обряда, продиктованного идиотизмом старой жизни.

Знатный земляк председателя райисполкома великий русский просветитель Н. Г. Чернышевский возмущался картиной кулачного боя в старом Саратове. Но разве в саратовской ледяной купели меньше дикости и безобразия, чем в кулачном бою? Нет, не меньше.

И как не совестно землякам великого просветителя итти на поводу у юродствующих кликуш и мракобесов, помогая им воскрешать дикие обряды времен язычества и бога Ярилы!

Конечно, Карамышев и Прибыток не выражают ни воли, ни чувств, ни морали населения Саратова. Граждане этого большого университетского, индустриального города возмущены тем, что произошло в церковный праздник на волжском льду.

Их здоровое чувство протестует против действий церковников и их прислужников».

Саратовский «Коммунист» перепечатал фельетон 20 фев-

Берег Волги у Саратова. Крещение Господне, 19 января 1949 г.

раля 1949 г. и вскоре опубликовал обзор писем в редакцию под заголовком «Против религиозных суеверий и предрассудков». Советские граждане, естественно, выражали чувство негодования.

4 марта 1949 г. последовал Указ Патриарха о снятии с поста управляющего Саратовской епархией епископа Бориса (Вика)[24]. Исполком Саратовского горсовета потребовал от уполномоченного П. В. Полубабкина принять ряд мер по «прекращению деятельности церковников»: 1) немедленно закрыть молитвенный дом по Новоузенской улице, 116, в Агафоновском поселке. 2) приостановить деятельность Саратовской духовной семинарии. 3) приостановить деятельность Духосошественской церкви. 4) выполнить требование горисполкома по реставрации Троицкого собора.

Саратовская епархия вместе со снятием правящего архиерея была даже лишена самостоятельности! 4 марта 1949 г. бывший ректор Нью-Йоркской духовной семинарии, старейший по хиротонии архиерей Московской Патриархии, неоднократно подвергавшийся репрессиям Архиепископ Филипп (Ставицкий) был назначен управлять Саратовской епархией с титулом Астраханский и Саратовский[25].

Остается добавить, что следующее Великое Водосвятие на Волге было совершено только в 1994 г. и провел его 19 января временно управляющий епархией после кончины архиепископа Пимена архиепископ Волгоградский и Камышинский Герман (Тимофеев).

Доступ верующих в молитвенный дом в Агафоновском поселке был прекращен. Но Владыка Филипп возбудил перед уполномоченным ходатайство о перенесении самого здания на Воскресенское кладбище для устройства там часовни, в чем ему было отказано. Уполномоченный предложил передать дом для нужд духовной семинарии, которая давно нуждалась в расширении общежития. Ректор протоиерей Иоанн Иоаннович Сокаль[26] от предложения отказался, мотивируя тем, что неудобно устраивать в молитвенном доме общежитие. В конце концов молитвенный дом передали в жилищный фонд горисполкома. Семинарию и Духосошественскую церковь пока оставили в неприкосновенности. Первую — ненадолго. Требование о выполнении реставрации явно было рассчитано на невыполнение, и реставрационные работы действительно

затянулись из-за общего дефицита стройматериалов. К тому же ремонт существенно затруднил бы проведение богослужений и уменьшил наполнение храма молящимися.

В том же 1949 году Саратовский областной совет «заслушал» (читай — отчитал) председателей Пугачевского и Балашовского горсоветов, доброжелательно настроенных к Церкви. Первому указали на «грубую политическую ошибку, выразившуюся в проявлении заботы об авторитете церковников» и предупредили, что при повторении оной он будет привлечен к строгой ответственности. Второму «за покровительство служителям культа, выразившегося в том, что посылал телеграмму в Самойловский район с требованием изъятия у частных лиц и возвращении плащаницы, принадлежащей Балашовской церкви» вынесен строгий выговор.

Все это, конечно, повлияло на настроение верующих и политику епархиального управления. По епархии прошло сокращение числа священников. В таких приходах как Пугачев, Хвалынск, Ртищево, Ершове, Дергачах было оставлено по одному священнику. Нависла угроза закрытия над бедными сельскими приходами в селах Никольском и Дурникино и над церковью в г. Ершове. В течение трех лет с 1950 по 1953 заявлений об открытии церквей не поступало. В действующих храмах значительно упала доходность. В совсем бедственное состояние пришли сельские церкви. По причине бездоходности из церкви в с. Никольском ушел священник, и приход с 1950 года временно бездействовал. Недействующие храмы облисполком стал передавать под учреждения культуры — в селах Новоалексеевке и Галицыно церкви были переданы под школы, в с. Савкино Петровского района под клуб, в с. Нечаевке Вязовского района под школу, в с. Новозахаркино Жерновского района под больницу, в с. Борках Новопокров-

ского района под школу. Причем верующие из сел Савкино, Нечаевки, Новозахаркино в разное время ходатайствовали об открытии этих церквей.

О действительно начавшемся «прекращении деятельности церковников» свидетельствует увеличившееся количество жалоб от церковных советов, верующих и епархиального управления на действия местных органов власти. За 1951 год уполномоченному поступило 38 жалоб и заявлений. Церковные советы жаловались на запрещения разъездов священниками для совершения треб (ранее СДРПЦ в письме уполномоченному разъяснял, что такие разъезды возможны по приглашению верующих), на запрещения хождения по домам с молебнами, на выключение в церквах электрического освещения и снятие телефонов, на запрещение строительства оград вокруг церквей, на снятие сторожек и т. д. Верующие жаловались на запрещение сельскими и районными советами служб в частных домах незарегистрированными священниками. Такие службы, всегда считавшиеся незаконными, тем не менее, проводились прежде довольно открыто с молчаливого согласия местных властей, а служащие священники платили подоходный налог. Теперь к подобным службам районные исполнительные органы стали подходить более «принципиально». От епархиального управления поступили жалобы на запрещение совершения молебнов на кладбище, на запрещение строительства и ремонт зданий, на запрещение разъездов священников для совершения обрядов, на отказ торгующих организаций Сарпищеторга отпускать продукты семинарии.

«В Центральном архиве документов новейшей истории Саратовской области в одном из информационных докладов о состоянии и деятельности Саратовской епархии снабженном грифом «секретно» есть следующие данные. В начале 1950 г. в области имелось 214 недействующих храмов и молитвенных домов. 14 из них уже ни к чему не были пригодны, а остальные использовались «для общественных нужд» следующим образом: 43 здания отвели под Дома культуры, клубы и школы, 63 — под «глубинные пункты Заготзерно», 61 — под хлебные склады колхозов, 5 — под машинно-тракторные станции. Еще 28 зданий занимали различные организации»[27].

С 28 января 1953 г. по 31 июля 1954 г. архиепископом Саратовским и Сталиградским был Владыка Гурий (Егоров), до этого бывший узником Соловецкого лагеря и наместником возрожденной Троице-Сергиевой Лавры.

После смерти И. В. Сталина проводимая им политика в отношении Церкви была подвергнута критике как «примиренческая». По указанию Н. С. Хрущева ЦК КПСС и ЦК ВЛКСМ готовит ряд постановлений, направленных на усиление научно-атеистической пропаганды в стране. Начались, так называемые «хрущевские гонения». Но — это были уже не 30-е годы. И повернуть колесо истории вспять оказалось не под силу. Как ни странно, но именно эти годы, середина 50-х, оказались для Церкви наиболее благоприятными за весь советский период[28]. И Саратовская епархия не была исключением.

Чин умовения ног в Великий Четверток в Духосошественском соборе совершает Владыка Гурий (Егоров), 1954 г.

С 1955 года церковная жизнь активизируется. По времени это совпало и, скорее всего, было связано с назначением на Саратовскую кафедру двух уважаемых архиереев епископа Вениамина (Милова) и митрополита Вениамина (Федченкова).

Нельзя обойти молчанием краткий восьмимесячный период, когда саратовскую кафедру возглавлял священноисповедник епископ Вениамин (Милов)[29], прошедший три ссылки длительностью, в общей сложности, 18 лет. Владыка Вениамин один из немногих преосвященных, с кем навсегда останется титул «Саратовский» — он преставился в нашем городе и похоронен на саратовском Воскресенском кладбище. В нашем городе этот подвижник благочестия завершил свой земной путь. Известно, что уже будучи тяжело больным, Владыка Вениамин много ездил по епархии служил и проповедовал. Владыка посетил Балаковский, Петровский и Вольский районы. В церквах Балакова и Пугачева он заменил настоятелей, «прославившихся» недостойным поведением. В кафедральном Свято-Троицком соборе преосвященный служил каждое воскресенье с произнесением проповедей. Всего в главном храме епархии он отслужил около 60 служб. Владыка предвидел свою скорую кончину, упомянув в речи при наречении во епископа, что переживает «одиннадцатый час»[30]. На Сретение (2 (15) февраля) он приезжает в Саратов. 15 апреля 1955 г. Владыка обращается с Пасхальным посланием всем церквам Саратовской епархии: «...с теплой любовью приветствую Вас праздником Пасхи. Молюсь, да благословит Вас всех Воскресший Господь и утвердит в вере святой жизни...». В частном письме (к о. Тихону Пелиху) Владыка писал: «Утешаюсь вполне богослужением праздничным... Проповедую за

литургиями всегда. В Троицком соборе служу охотно...». В «Журнале Московской Патриархии» № 7, 1955 г. выходит статья Владыки о Троицком кафедральном соборе (к 260-летию со времени освящения). По всей видимости, в Саратове он завершил работу над своей магистерской диссертацией «Божественная любовь по учению Библии и Православной Церкви. Рукопись этой работы хранится в Саратове. Выдающийся богослов, аскет и подвижник благочестия скончался 2 августа 1955 г. Консилиум врачей в составе проф. Цветкова, доктора Степанова, доц. Рязанского поставили диагноз «Универсальный атеросклероз с преимущественным поражением сосудов головного мозга и коронарных сосудов сердца. Тромбоз сосудов головного мозга и коронарных сосудов сердца». Консилиум констатировал смерть вследствие острой сердечно-сосудистой недостаточности.

После кончины Преосвященного Вениамина осталось нехитрое имущество монаха, из которого самым ценным были его труды и книги. Из богословских работ епископа в описи имущества значатся: «Чтения по литургическому Богословию»[31], «Богоматерь при свете библейской истории», «Грехопадение человеческой природы в Адаме и восстание во Христе», «Православные переживания истин христианской веры и нравственности», «Христианское вероучение и подвижничество», «Опыт приспособления догматики митрополита московского Макария к потребностям современной духовной школы», рукопись казахско-русского словаря в 4-х томах (написанный в ссылке). Наследник покойного, его родной брат Александр Дмитриевич Милов пожертвовал весь багаж с рукописями в библиотеку Саратовской духовной семинарии.

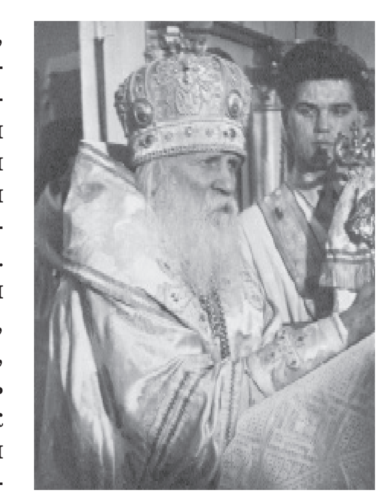
На вдовствующую кафедру был назначен бывший епископ Белой армии и флота юга России, Экзарх Патриархии в Америке, участвовавший там в сотнях собраний, митингов и лекций,

особенно во время Великой Отечественной войны, связанных с помощью России и борьбой против фашизма митрополит Вениамин (Федченков). В октябре 1941 года, когда положение на фронтах было совсем плачевным, митрополит Вениамин выступает со патриотическим посланием «Ко всем русским людям в Америке». Биография митрополита Вениамина позволяет предположить, что именно он послужил прототипом образа епископа Африкана в известной повести Михаила Булгакова «Бег». С 28 декабря 1955 г. по 20 февраля 1958 г. он — митрополит Саратовский и Балашовский. Всю свою деятельность Владыка направлял на расширение влияния Церкви. Особую заботу он проявлял к укомплектованию клира подготовленными и грамотными священнослужителями, к созданию в храмах благолепия, на что отпускал средства епархиального управления. Часто выступал с проповедями в храмах Саратова[32].

Митрополит Вениамин сразу же попал под пристальное внимание и опеку уполномоченного В. Ф. Филиппова. По информационным отчетам уполномоченного кажется, что вся епархия состояла из одного человека — митрополита Вениамина, все остальные личности и события отошли на второй план.

В основном, все интриги вокруг митрополита носили бытовой характер и строились на его высказываниях, мягко говоря, не всегда идейно выдержанных. То он, якобы, критиковал речь Н. С. Хрущева на Верховном Совете СССР, то он в день 40-летия Октябрьской революции начал молебен словами: «Ну, помолимся за царя...», то сетовал: «как трудно молиться за коммунистов» (комментируя необходимость произнесения в ектении молитвы «О богохранимей стране нашей, властех и воинстве ея»), и тому подобное. Реально то, что престарелый митрополит каждое воскресенье и в двунадесятые праздники служил в Троицком соборе, совершил поездку по приходам епархии, внес умиротворение в некоторые приходы, беспокоимые внутренними противоречиями, ассигновал два миллиона рублей на ремонт церковных зданий. В 1956 году Митрополит Вениамин провел совещание благочинных епархии. Это было второе совещание благочинных после 1953 года. Остановимся на нем подробнее.

Совещание отцов благочинных Саратовско-Балашовской епархии проходило 23–25 октября 1956 года. Всего при-

сутствующих было 15 человек, включая митрополита. Самих благочинных было всего четыре человека — саратовский благочинный прот. Иоанн Цветков, Петровский прот. Федор Волков, Балашовский прот. Сергий Олейник, Борисоглебский прот. Андрей Учамприн. Остальными участниками были настоятели крупных приходов, ректор и инспектор семинарии, бухгалтер, казначей и секретарь епархиального управления. Как положено, был совершен молебен и послана телеграмма Святейшему Патриарху Алексию: «Послано прежде прошение и 21 (вероятно, 21 октября — прим. авт.) телеграмма благословить совещание благочинных. Ожидаем ответа. Митрополит Вениамин». Резолюция Патриарха было лаконичной: «Благословляется». Повестка дня Совещания содержала семь вопросов: 1. Доклад Высокопреосвященнейшего митрополита Вениамина «О благодати Божией». 2. Отчет бухгалтера епархиального управления, 3. Отчет оо. благочинных о вверенных им приходах, 4. Доклад секретаря епархиального управления священника Василия Миськова об организации епархиальной базы предметов церковной утвари. 5. Богослужебная часть. 6. Доклад ректора о состоянии Саратовской духовной семинарии.

Доклад митрополита Вениамина начался словами: «Я намеревался прежде говорить о Промысле в жизни и отдельных людей и всего мира... Но этот вопрос труднее, сложнее: нужно знать глубоко историю мира. И притом — судьбы Божии — тайна. Поэтому переменил тему, решил говорить о благодати: это нужнее для нас, потому что это — цель христианства, следовательно, задача каждого из нас». Уполномоченный Филиппов увидел в совещании цель совсем иного рода: «Совещание благочинных началось 23 октября, т. е. в день начала контрреволюционного путча в Венгрии (случайно ли)».

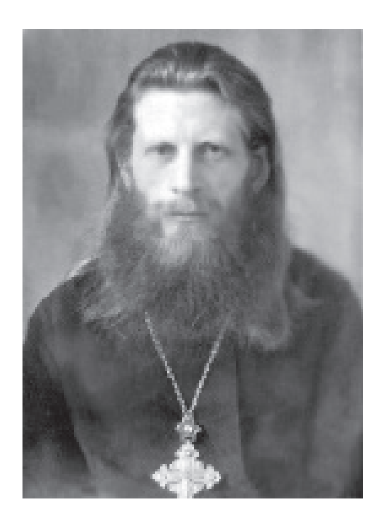
Материалы совещания благочинных представляют большую ценность для истории епархии тем, что из них мы мо-

жем почерпнуть сведения о состоянии приходов и церковной жизни, как их видели сами настоятели и благочинные, а не уполномоченный или чиновники исполкомов. Доклад митрополита и благочинных, затрагиваемые в них темы, поднимаемые вопросы также дают нам редкую возможность через несколько десятков лет увидеть духовный облик этих людей.

Доклад митрополита Вениамина «О Благодати Божией» представляет собой конспект из творений св. Симеона Нового Богослова и высказываний св. Серафима Саровского, заимствованных их дневника Н. А. Мотовилова и совсем немного из св. еп. Феофана Затворника. Говорил Владыка просто и эмоционально. Приведем наиболее характерные места: «... Ослабели мы духовно... Превратились в обрядоверов. Недаром же сложилась пословица: «Отзвонил, и с колокольни долой!» Прочитал, например, Правило ко св. причащению и успокоился. Но иногда, по милости Божией, и нам, грешным, дается ощутить благодать Божию явно. Осмелюсь поделиться немного живым своим опытом. Читал я Деяния просто, для молитвы: и умилительно было на душе. Но захотелось соединить с этим и практическую цель: отмечать нужные места для богословской работы (тогда я интересовался вопросом о Царствии Божием). И сразу дух жизненности исчез. И после я должен был бросить эту практическую цель: она гасила молитву. Или: не раз я испытывал, как какое-нибудь слово Евангелия точно «оживало», или «загоралось огнем»; а в другое время делалось холодным. Или слова: «Христос», «Бог», «Богородица», — были настолько жизненны, что трудно было удержать слезы. Не раз я, грешный, переживал слова «Отец, Сын и Святый Дух», так что не мог даже выговорить их. И записал себе на память: отныне для меня нет более дорогих слов, как «Отец, Сын и Святый Дух»... Но, кроме того, мы знаем, что проявления благодати разнообразны: сознание своих грехов, переживания на Пасху и другие праздники, даже мучения от своей греховности... Все это известно, хотя и в ничтожной мере. Лишь бы была с нами благодать Божия, благодать Духа Святого, Господа Животворящего».

Благочинный 1 центрального округа, настоятель Свято-Троицкого кафедрального собора протоиерей Иоанн Цветков отчитался о том, что сделано в соборе для того, чтобы он стал более благоприятным для молитвы верующим и духовенству. Рассказывал о. Иоанн тоже довольно ярко, в форме вопросов и ответов. «В соборе не было тепла? Создали тепло (имею в виду верхний храм). Не было уюта? Построили иконостасы, киоты, расписали стены. Отсутствовала утварь-ризница? Приобрели утварь-ризницу, даже иконы. Плохое было паникадило? Приобрели новое одно и еще заказали два. Не было подъезда к собору? Положили асфальт на площадь. В небрежении совершалась служба? Организовали любительский и будничный хоры, увеличили штат чтецов. Не было при соборе гаража, уборной? Таковые сделали по всем правилам техники, включив в городскую сеть». Говорил благочинный и о духовном: «Нравственное состояние духовенства благочиния, т. е. в основном г. Саратов, определено Владыкой митрополитом как благополучное. Я это определение сначала не понял, но потом с ним согласился и понял так, что мы не пьяницы, не развратники, усердны в меру исполнения возложенных на нас обязанностей. Но как пастыри являемся лишь рядовыми батюшками, к счастью, не соблазняющими людей своим поведением... Высокого горения духа в сане пастыря среди нас незаметно и этому приходится завидовать и учиться разве только у самого Владыки при его служении или, главным образом, при слушании его проповеди. Вот, думаешь, каким должен быть пастырь!? Очевидно, средством для достижения этого, нужно действительно возгревать в себе дар Духа Божия молитвой, больше читать Евангелие, Святых Отцев Церкви, Апостольские послания, служить, внимательно совершать всякое требоисполнение. Здесь и частная жизнь священника много должна значить, священник должен быть, прежде всего, и в слове, и в жизни, и в чистоте (1 Тим. 4, 12) Апостол Павел говорит: «Не неради о своем даровании живущем в тебе, еже дано тебе бысть пророчеством с возложением рук священничества (1 Тим. 4, 14) и в другом месте: «Напоминаю тебе возгревати дар Божий». Для охранения этого священнику необходимо, конечно, являть себя пред Богом делателем достойным, непостыдным. Чаще очищать собственную совесть, дабы проповедуя Слово Божие другим, самим не оказаться недостойными (1 Кор. 9, 27)».

Неформальным и нравоучительным было выступление архимандрита Иоанна (Вендланда)[33]. Главная его тема — как добиться благоговейности верующих и духовенства при

совершении богослужения. Вот некоторые обобщения. «Главное же, отцы и братья, — говорил о. Иоанн, — лежит в нас самих. Мы должны готовиться к своим службам. Готовясь, мы должны заранее пережить предстоящую службу, тогда мы с еще большим чувством будем служить во время ее совершения. Ничто даже малое священнодействие, как, например, благословение кадила не должно нами совершаться небрежно. Мы должны к службе подходить как голодный к трапезе, желая насытиться от изобильного богатства ее нравоучительного и богословского содержания. Мы должны пережить богослужение чувством своего сердца, чтобы и миряне ушли из храма вдохновленные этим живым чувством... Еще несколько слов относительно исполнения треб... Мы к требам можем отнестись слишком ремесленно, как к работе, как к источнику заработка... У священника, исполняющего требу, может появиться такое греховное рассуждение: «Пусть заказчики молятся. Я буду только вычитывать положенное, но не молиться...» Такое рассуждение неизбежно влечет за собой равнодушие, унылое состояние священника во время исполнения требы.

В своем докладе о. Иоанн говорил и о проповеди в церкви, в которой, по его мнению, священники должны затрагивать не только религиозные, но и патриотические темы.

В недавно изданной брошюре митрополита Вениамина «За православие помилует меня Господь» несколько страниц отведено истории его назначения в Саратов и служения. Брошюра написана в форме дневника, весьма прикровенно. Но, тем не менее, из текста ясно, что житие Высокопреосвященного было нелегким.

В 1955 году было, наконец, удовлетворено многолетнее ходатайство верующих г. Энгельса об открытии молитвенного дома, который стал одиннадцатым приходским храмом в Саратовской области и пятнадцатым в епархии (в 1955 году

из Саратовской была выделена Балашовская область, а епархия именовалась Саратовской и Балашовской). Здание под молитвенный дом было куплено верующими у частного лица за 44 тысячи рублей. Посещаемость новооткрытого прихода оказалась столь велика, что один священник с трудом справлялся с исполнением треб, так как в Энгельс стали приезжать верующие из Александрово-Гайского, Новоузенского, Питерского, Краснокутского и других районов Заволжья. Заметим, что из всех перечисленных районов поступали неоднократные заявления верующих об открытии церквей, но ни одно не было удовлетворено.

Какой трудной была борьба за открытие этого молитвенного дома, таким неспокойным было и его бытие. Вскоре после открытия в здании стали проводить капитальный ремонт. Так как в те годы для церкви почти ничего не строилось, то стройплощадка молитвенного дома попала под пристальное внимание уполномоченного, который однажды решил проверить, что же там строят. Каково было его удивление, когда вместо ремонта, его взору предстали возведенные под карниз стены новой церкви, причем ее размеры в три раза превышали габариты молитвенного дома. Начался скандал. Уполномоченный сообщил, куда только возможно, в обком КПСС, Облисполком, ОБХСС. Инициаторами строительства и являлись настоятель молодой священник Георгий Лысенко и член двадцадки Ярковой, отбывший наказание по ст. 58. Естественно, строительство прекратили, причастные к делу понесли суровое наказание. Отец Георгий направлен простым священником в Духосошественский собор, в наказание у него отобрана камилавка. Ярковой исключен из членов двадцадки, уволен с работы инженер епархиального управления Шеин. Был снят с работы инженер коммунального отдела Энгельсского горисполкома Скачков, утвердивший проект строительства. Строительство было начато с размахом. По сведениям уполномоченного, было закуплено 120 м^3 кирпича-половняка, 30 тонн цемента, а для ремонта деревянной церкви (молитвенного дома) 200 листов белой жести. Кстати, на продавца жести дело передали в прокуратуру.

Открытие прихода в Энгельсе вселило надежду в верующих других районов. Стали поступать ходатайства из Аткарска (далеко не первое), с. Куриловка Новоузенского района, с. Ко-

лояр Черкасского района, с. Старая Порубежка Пугачевского р-на, пос. Баланда, с. Золотое, пос. Базарный Карабулак, г. Маркса, пос. Красный Кут и др. Верующие этих населенных пунктов ходатайствовали перед управляющим епархией о присылке священников для совершения треб.

Верующие стали активнее отстаивать свои права. Инициатор открытия церкви в Красном Куте монахиня А. Ф. Широченко, получив отказ, продолжала писать заявления руководителям Советского правительства. Верующие с. Базарный Карабулак направили жалобу в ЦК КПСС, в которой сообщали о грубом вмешательстве в их дела со стороны местных советских работников.

По сведениям саратовского уполномоченного духовенство стало ходатайствовать о расширении церквей и проведении ремонтов. Настоятель Балаковского прихода поставил вопрос о передаче церкви здания бывшей Свято-Троицкой церкви, построенной в 1914 г. по проекту и под наблюдением Ф. О. Шехтеля называемой в народе Мальцевской по имени крупного купца-старообрядца Анисима Михайловича Мальцева заказавшего и оплатившего строительство. Этот храм был передан епархии только в 1992 году. Начались ремонтные работы в бедной Никольской церкви, на которые епархиальным управлением было отпущено 70 тысяч рублей. Всего епархиальным управлением в 1956 году было отпущено на ремонт церковных зданий свыше 1 миллиона рублей — сумма по тем временам немалая. Мы располагаем сведениями о росте доходности церквей, которые сообщает саратовский уполномоченный в СДРПЦ: доходность по 9 церквам (за исключением четырех приходов в Балашовской области) составила в 1953 году — 4 437 442 руб., в 1954 г. — 4 735 039 руб., в 1955 г. — 4 949 871 руб. Разумеется, эти цифры показывают лишь тенденцию роста, реальные доходы церквей они вряд ли отражают, поскольку частные пожертвования прихожан не могли быть точно учтены.

Из наиболее заметных явлений церковной жизни конца пятидесятых годов необходимо отметить окончание работ по росписи стен Свято-Троицкого собора. Эти работы, выполненные ленинградскими художниками обошлись примерно в двести тысяч рублей. Надо сказать, что ремонтные и художественные работы в главном храме епархии проводились

часто и средств на них выделялось много, примерно 30% всех затрат на ремонты церквей по епархии. Это никогда не вызывало возражений местных органов власти и уполномоченного — Троицкий собор, построенный и освященный в 1697 г., значился как памятник архитектуры и объект посещений иностранных туристов, его благолепие, по выражению уполномоченного Филиппова, должно производить на гостей «политически выгодное для нас впечатление».

В 1958 году взаимоотношения между церковью и государством осложняются. Новая политическая линия включала в себя «борьбу с религиозными пережитками капитализма». В стране набирала обороты широкомасштабная научно-атеистическая (т. е. антирелигиозная и, прежде всего, антихристианская) кампания. В том же году выпустил атеистическую брошюрку бежавший из Саратова Евграф Дулуман. Через год «Правда» опубликовала статью профессора Ленинградской Духовной академии Александра Осипова, в которой он публично похулил Бога и Церковь. Кроме этих особенно болезненных для Церкви печатных выпадов, было несколько и других подобных статей ренегатов от Церкви рангом пониже.

Кстати, о Дулумане. Как известно в 1952 году Евграф Дулуман был преподавателем Саратовской духовной семинарии. Где-то в первых числах июня 1952 года Дулуман неожиданно вылетает из Саратова на самолете, а своим бывшим сослуживцам направляет письмо возмутительного содержания. Письмо было настолько дерзким, что 6 июня 1952 года было созвано экстренное педагогической собрание Саратовской семинарии. Повестка дня состояла из одного вопроса: обсуждение письма преподавателя Е. К. Дулумана. Корпорация преподавателей постановила: «Содержание письма считать крайне дерзким и незаслуженно оскорбительным, так как все члены корпорации не только ничем его не обижали, а очень много терпели от его дерзких выходок в надежде, что он постепенно исправиться». А письмо действительно довольно мерзко, состоит большей частью из оскорблений, и повторять его здесь вряд ли уместно.

В 1958 году митрополит Вениамин (Федченков) был уволен на покой. Бразды правления епархией принял архиепископ Палладий (Шерстенников) (с 20 февраля 1958 г. до 29 мая 1963 г.)[34]. Стиль его правления почти не вызывал нареканий уполномоченного и вообще он «проявил себя... как деятель

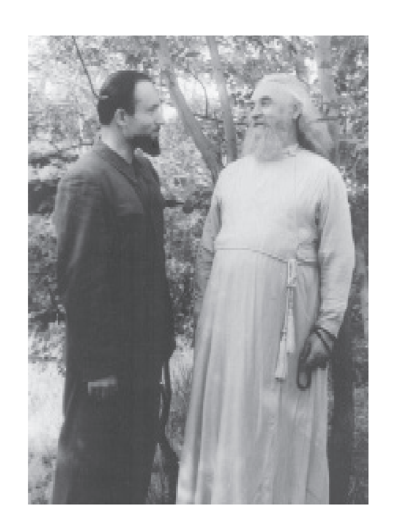
Православной Церкви, твердо стоящий на лояльной к советской власти позиции» (формулировка уполномоченного Филиппова).

Но главное событие, коренным образом переменившее уклад церковной жизни, было впереди, и его принес 1961 год.

18 июля 1961 года Архиерейский Собор Русской Православной Церкви установил новую организацию приходского управления, согласно которой настоятель и клир устранялись от участия в приходском собрании и приходском совете. Все финансовые и хозяйственные дела сосредотачивались в руках приходского совета и приходского собрания во главе со старостой, которые всецело контролировались уполномоченными. Таким образом, настоятель и священнослужители были низведены до положения наемников у церковных исполнительных органов. Следует заметить, что все архипастыри, участвовавшие в обсуждении реформы приходского управления, высказались за ее проведение, в том числе и архиепископ Саратовский Палладий (Шерстенников). Главным аргументом за реформу преосвященные считали то, что освобождение настоятелей от финансово-хозяйственных забот даст им больше возможностей заниматься духовным окормлением паствы — своим прямым долгом. Разумеется, реформа приходского управления принималась Собором под мощным давлением СДРПЦ, и иерархи прекрасно понимали, к чему она может привести.

С 1961 года в стране начинается очередная кампания по борьбе с религией, которую теперь принято называть «хрущевскими гонениями». Начинается массовое закрытие приходов, монастырей, духовных семинарий. Всего за годы хрущевских гонений с 1959 по 1964 годы по стране было закрыто около 1500 храмов.

Конец 50-х годов прошел под девизом борьбы с так называемыми «святыми местами». В Саратовской области было

несколько мест, которые пользовались широким почитанием православных верующих. Почитание это оформилось без какого-либо участия и сочувствия епархии и, тем более, местных органов власти. «Святые места находились в Ивантеевском районе — «Авилов дол»[35], в селе Лопатино Балашовского района, в Хвалынском районе на месте бывшего скита, в Новопокровском районе, вблизи села Мелик. Епархия проводила довольно активную работу среди верующих по прекращению паломничеств к этим местам. Паломничество к святым местам было характерным явлением религиозной жизни страны конца 50-х, начала 60-х годов, и было связано, скорее всего с массовым закрытием храмов и монастырей.

В 1959 году закрыта Никольская церковь по причине бездоходности. Число церквей в епархии сократилось до 14.

Реформа приходского управления проходила очень болезненно для духовенства. Вместе с отстранением клира от управления приходом, священнослужителей в церквях стали переводить на твердые оклады, которые были намного ниже прежних доходов. Некоторые открыто выражали недовольство. В 1963 году оклады священников саратовских церквей составляли 250 рублей в месяц. К 1963 году реформа приходского управления в Саратовской епархии была полностью завершена.

Храмы и духовенство облагались высокими налогами. При неблагоприятной, если не сказать враждебной, обстановке вокруг Церкви, создаваемой органами государственной власти, духовенство имело довольно высокие заработки. Доход священнослужителя во все времена складывался из двух основных составляющих: жалованье, положенное ему по месту службы и плата верующих за исполнение различных треб. Естественно, что фиксированная заработная плата зависела

от доходов храма, а вот количество исполненных треб от популярности священника в среде верующих. Правда, в начале 90-х годов, когда количество треб возросло и появилась «мода на религию», авторитетность священника перестала быть столь значимой среди прихожан — старые прихожане, которых с каждым годом становилось все меньше, продолжали обращаться к хорошо знакомым священникам, а молодежи было все равно, кто совершает требу.

Полтора года после Владыки Палладия Саратовскую кафедру занимал Владыка Варфоломей (Гондаровский), архиепископ Саратовский и Волгоградский (с 16/29 мая 1963 г. по 9/22 декабря 1964 г.)[36]. К середине 1964 г. в Саратове было два действующих храма — Свято-Троицкий и Духосошественский[37].

Преосвященный Варфоломей в течение своего недолгого правления стремился улучшить церковные дела. Он много ездил по епархии, служил и проповедовал. Владыка высказывал желание возобновить колокольный звон в церквах, но уполномоченный разъяснил ему вредность излишнего шума для нормальной работы учреждений и здоровья людей. Управляющий епархией призывал священников больше проповедовать, и обязал их перед праздничными службами объяснять прихожанам значение того или иного праздника или события. В кафедральном соборе был даже введен график проповедей на евангельские темы на каждое воскресенье. Но уполномоченный не рекомендовал епископу увлекаться проповедничеством.

Статистика по епархии 1965 г., составленная уполномоченным Совета по делам РПЦ: «На 1 января 1965 г. в области 12 церквей. Две в Саратове, Вольске, Балашове, Энгельсе, Пугачеве, Петровске, Балакове, Ртищеве, Хвалынске, Аркадаке, Дергачах.

Посещаемость в обычные дни невелика во всех церквах, кроме кафедрального собора, где в обычные дни собирается до 1000 прихожан, а в праздники до 2000 тысяч.

Духовенство — 20 священников, 5 диаконов, 12 псаломщиков, архиерей.

Наиболее видные священники — Игорь Константинович Мальцев, окончил Военное училище химической защиты, участник ВОВ, офицер запаса; Иван Федорович Волков, окончил офицерское училище в 1954 г.

Обслуживающий персонал церквей — 160 человек, членов двадцаток — 292 человека, оплачиваемых хористов — 164 человека».

Период с середины 50-х годов и до 1964 года беден на события. Храмы не открываются и не закрываются, хотя и имелись попытки это сделать. Пожалуй, самыми яркими явлениями этого десятилетия были служения на нашей кафедре двух ярких личностей — епископа Вениамина (Милова) и митрополита Вениамина (Федченкова).

Как уже говорилось, принятие в 1961 году Священным Синодом нового Положения об управлении Русской Православной Церкви принесло в церковную жизнь малоприятные социальные и экономические изменения. Полновластными хозяевами на приходах, в той части его жизнедеятельности, которая не касалась богослужения, стали приходские советы. Ужесточился контроль за финансовыми поступлениями в храмах (система квитанционного учета всех совершаемых треб). Наметилась тенденция к закрытию малодоходных церквей и сокращению числа духовенства. В конце 1961 года был закрыт бедный приход в с. Дурникино Романовского района. Факт, казалось бы, довольно ординарный, закрылся малодоходный приход, но что интересно. По сведениям уполномоченного, священник отказался служить в этом приходе по причине малой доходности. История сохранила для нас письмо этого священника о. Перова, где он жалуется уполномоченному, что райфо наложило на него налог в сумме 47069 руб., и в то же время его официальный доход установлен в размере 15000 руб. в год. Так кто же лишил о. Перова доходов? А что же собратья? Не помогли? Нет. Приходской совет Михаило-Архангельской церкви г. Балашова, к которой был приписан бедненький приходик, в письме уполномоченному (в шапке письма не написано даже, как обычно, «копия — Управляющему епархией...») заявляет, что оказание помощи

другому приходу есть нарушение советского законодательства о культах. Вот так. Священник отказался, собратья не помогли... Словом, как выразился печатным словом уполномоченный в одном и докладов в Москву, «в формах и методах контроля за соблюдением законодательства о культах стала чувствоваться определенная СИСТЕМА...»

Как явствует из доклада уполномоченного, количество зарегистрированного духовенства сократилось в 1961 году с 43 до 29 человек, при чем, из оставшихся — 17 священнослужителей в возрасте до 40 лет и почти все окончили Саратовскую духовную семинарию.

Совершившее настоящий прорыв в деле освоения космического пространства советское государство видимо посчитало, что уж теперь говорить о небесном никто более не имеет права. Церковь, хотя и оказывавшая советскому руководству дипломатические услуги на международной арене, никак не вписывалась во всемирное чествование советского космонавта Юрия Гагарина, сам полет которого, по мнению некоторых идеологов, ставил точку в дискуссии с Церковью. Все, дискуссия окончена! В который раз над Церковью стали сгущаться тучи.

60-е годы прошли под девизом борьбы с религиозными верованиями. К счастью, времена изменились, и борьба велась только на бескровных идеологическом и финансово-хозяйственном фронтах. 16 марта 1961 года Совет министров СССР издал постановление «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах». В апреле в Москве прошло Всесоюзное совещание уполномоченных Совета, посвященное тому же вопросу. По области прокатилась волна всевозможных совещаний и конференций работников идеологического фронта: секретарей РК и ГК партии по идеологии, редакторов газет, работников научного атеизма. Проводились семинары секретарей парторганизаций Волжского района, где были расположены действующие церкви, семинар комсомольцев-атеистов и т. д.

Был ужесточен контроль за содержанием проповедей. Духовенству не рекомендовалось говорить с амвона о церковном воспитании детей, затрагивать темы нравственного богословия, которые расходились с официальной моралью. Не вызывала нареканий проповедническая деятельность, пожалуй, одного только Управляющего епархией архиепископа

Палладия, который говорил в основном о борьбе за мир, а в других случаях придерживался тем и сюжетов, апробированных на страницах «Журнала Московской Патриархии». Проповеди читались преимущественно на темы Священного Писания и о религиозном значении церковных праздников. Многие священники стремились как можно реже выходить на амвон. И не только из-за отсутствия дара устного слова. Как многозначительно заметил уполномоченный А. Никаноров «...наиболее пожилые священнослужители, УМУДРЕННЫЕ ЖИЗНЕННЫМ ОПЫТОМ, избегают читать проповеди».

1962 год прогремел грозными постановлениями ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по ликвидации нарушения духовенством советского законодательства о культах» и «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах». Не могло быть и речи о невыполнении высочайших постановлений и в Москву полетели доклады о «некотором ослаблении позиций религии и Церкви».

Какие реальные последствия имела новая идеологическая кампания? С уверенностью можно констатировать следующее. Часть духовенства, причем значительная оставила служение, активность священников была значительна стеснена даже в делах культовых (требоисполнение) и финансовых и организационных. Зато в храмах остались наиболее стойкие и преданные делу клирики. Даже Уполномоченный был вынужден признать в одном из докладов в Совет, что председатели приходских советов продолжают согласовывать свои действия с настоятелями. Особенно это характерно для внутриприходской жизни Пугачева, Петровска и Балакова. В Пугачеве, например, при избрании председателя приходского совета двадцатка учредителей отвергла кандидатуру Горсовета и избрала угодного верующим человека.

Ощутимых результатов идеологические мероприятия не принесли. Посещаемость и доходность церквей оставались высокими, не снизилась и обрядность. Например, крещений в 1962 году, по официальным данным, было 14,1% к числу родившихся (по другим данным около 24%), венчаний менее 1%, погребений 14,1%, примерно столько же, как и в 1961 году. В действительности, эти показатели наверняка были несколько выше, потому что имело место и тайное требоисполнение. Как было установлено специальными проверками с участием

уполномоченного, своих детей крестили даже коммунисты и комсомольцы (Петровский район). А в Аркадакском районе был выявлен совсем вопиющий факт. В селах Потьма и Чиганак колхоза им. В. И. Чапаева почти в каждом из 460 домов имеются иконы. Мало того, из 52 коммунистов колхоза у 30 в домах иконы и почти во всех домах, где живут комсомольцы, тоже имеются иконы. Хотя в колхозе и не имеется церкви, но там отмечаются все религиозные праздники. По данным уполномоченного, которые он сам признает неполными, в 1962 году по Саратовской области было крещено 30 детей коммунистов. Разумеется, все коммунисты, участвовавшие в крещениях заносились в списки, а те передавались по назначению. Вот один интересный факт: среди новокрещенных дочка лаборантки кафедры истории КПСС Саратовского Государственного университета...

10 января 1965 г. в Москве состоялась хиротония очередного епископа Саратовского и Волгоградского. Им стал преподаватель логики Московской Духовной Академии архимандрит Пимен (Хмелевской)[38]. Вряд ли кто предполагал, что наступает новая эпоха истории Саратовской епархии, которая отныне будет тесно связана именно с этой личностью.

Период правления архиепископа Пимена подробно описан в его дневниковых записях, изданных вместе с избранными проповедями в книге «Всегда с Богом», вышедшей в саратовском издательстве «Летопись» в 2000 году. Мы постараемся осветить те аспекты жизни епархии, которые по разным причинам остались за рамками дневников.

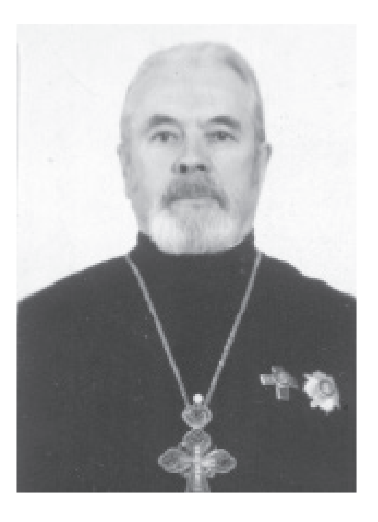
Итак, епископ Пимен сменил на кафедре Преосвященного Варфоломея. Сразу стало ясно, что преемник намного активнее. Уполномоченный Никаноров в 1966 году записал, характеризуя нового управляющего: «Весьма энергичный и деятельный, активный проповедник религии. В целях поднятия активности церковной деятельности создал епархиальный совет, назначил благочинных округов, чего раньше не было. Часто проводит службу в кафедральном соборе и других церквах области. Для участия в архиерейских службах всегда привлекает заштатных маститых протоиереев. Усиливает хоры. За последние два года расходы церквей на содержание хоров увеличились на 12 тысяч рублей. Перед выходом на кафедру в большие праздники старательно репе-

тирует порядок, стройность службы. От попов требует четкости в проведении служб и ритуалов, а также внешней опрятности. Все это создает видимое благолепие, пышность служб и привлекает массы верующих на архиерейские службы. Между тем службами с акафистами не увлекается и не требует от настоятелей церквей их частого проведения. Почти при каждой службе произносит проповедь. В 1966 году в 12 церквах области священнослужителями произнесено 860 проповедей. Изучение комиссиями содействия контролю при горрайисполкомах характера проповедей показывает, что священнослужители активизировали проповедническую деятельность, в проповедях воздействуют на чувства верующих, усиливают свое влияние на них.

27 марта 1966 года епископ Пимен в Саратовском кафедральном соборе рассказывал верующим о деятельности экзархатов и миссии Русской Православной Церкви за границей. В заключении он сказал: «Всюду за границей, где имеется наша православная церковь, она молится за нашу Родину, за наш народ и духовно питает, сплачивает живущих там русских православных христиан». Этот рассказ Пимена верующие слушали с особым вниманием, тем более что он рассказывал о своем пребывании за границей».

Следуя примеру архиерея, некоторые священники, те, кому было, что сказать прихожанам, стали чаще выступать с проповедями. Особенно активны были настоятель Свято-Троицкого кафедрального собора о. Василий Байчик[39] и настоятель Покровского молитвенного дома в г. Энгельсе о. Георгий Лысенко (вернувшийся к служению на место своей, так сказать, «трудовой славы» в г. Энгельс (см. выше)). Кстати, в 1966 году молитвенный дом занял первое место по области (выражение уполномоченного) по числу крещеных детей. Ходили также разговоры, будто о. Георгий, опираясь на свой огромный опыт строительства церкви в «недружественном

окружении» (1955 год) собрался строить новый молитвенный дом, так как имеющийся, построенный им самим, слишком мал.

В общем, факты говорят о том, что начало служения Владыки Пимена было в пользу церкви. По свидетельству уполномоченного, доходы церквей росли из года в год, не снижалась и обрядность. Отчисления храмов епархиальному управлению тоже росли. В 1965 году они составили 169 300 руб., в 1966 — 188 700 руб., в 1967 — 207 500 руб. Соответственно росли отчисления епархии в Патриархию. Не остался без внимания и Фонд мира. На борьбу за мир отчислено в 1967 году 167 000 руб., что на 49 000 руб. больше 1966 года.

Проявил епископ Пимен заботу о пополнении кадров священнослужителей. Он разослал настоятелям храмов циркулярное письмо, в котором предлагал подобрать кандидатов на поступление в духовные учебные заведения, ознакомить их с правилами приема, оказать содействие в изучении предметов, необходимых при приемных экзаменах.

Советская и партийная печать постоянно помещала публикации, в которых критиковались как внутрицерковные порядки, так и отдельные священнослужители. Не раз на страницах прессы фигурировал и управляющий епархией, и его образ, как впрочем, и всех духовных лиц удостоенных внимания журналистов, никак не походил на героя того времени. Думается, нет особой необходимости разбирать здесь эти писания, которые, кстати, по современной терминологии можно смело назвать заказными. Достаточно яркий образчик уже был нами подробно цитирован (фельетон «Саратовская купель», опубликованный в газете «Правда»). Но одна история, связанная с газетной кампанией, заслуживает внимания. Среди саратовских журналистов, пишущих на темы Церкви и религии, критически выделялся В. Яшин. По всей видимости, этот человек был совершенно честен в своей убежденности о вреде Церкви и свято верил в идеалы коммунизма

(неправда ли, странное сочетание слов, а ведь его активно употребляла партийная печать). Перу В. Яшина принадлежал фельетон, в котором главным героем был известный священник о. Георгий Лысенко, всячески обличаемый и клейменный. Прошли годы... Даже десятилетия. И как-то после службы по дороге домой протоиерей Георгий Васильевич Лысенко повстречал пенсионера В. Яшина. Поздоровались. Состоялся даже короткий разговор. И старый журналист признался: «Вы как были при вере, надежде и любви, так и остались. А я всего этого лишился». Был конец 80-х годов...

Несмотря на газетные выпады, правление епископа Пимена протекало спокойно. И причиной тому была личность архиерея. Образованный академист, кандидат богословия, опытный дипломат (2 года в Русской Духовной Миссии в Иерусалиме) и администратор (8 лет в должности наместника Свято-Троице-Сергиевой Лавры), он сумел выстроить отношения с власть предержащими так, что как-то незаметно они оказались отодвинутыми от рычагов управления епархией. Недаром уполномоченный несколько раз замечал, что позиция управляющего сводится к тому, чтобы «отгородиться от горисполкома». Словом, в Саратове не нашлось епископу достойного оппонента, даже в лице уполномоченного.

Благополучие в Церкви — вещь нетерпимая в условиях советского государства. И вскоре, в соответствии с практикой «сдержек и противовесов», не в меру активному епископу был найден весьма достойный оппонент. В Саратове появился новый уполномоченный Игорь Петрович Бельский. Убежденный коммунист, И. П. Бельский из всех саратовских уполномоченных, был самым последовательным и бескомпромиссным проводником в жизнь государственной политики в отношении Церкви. Для епископа Пимена начались непростые времена...

Митрополит Алексий (Ридигер) на празднование 40-летия Победы в Великой Отечественной войне. Волгоград, 1985 г.

* * *

Поворот в отношении государства к Русской Православной Церкви в нашей стране (СССР, а затем России) особенно заметный в год празднования 1000-летия Крещения Руси, наметился за несколько лет до самого торжества и даже до апрельского 1985 года Пленума ЦК КПСС, когда стали говорить о «потеплении» этого отношения. Архиепископ Саратовский и Вольский Пимен в своих дневниковых записях, к которым мы будем не раз обращаться, записал слова чиновника Совета по делам религий, сказанные ему, архиепископу в присутствии Уполномоченного по делам религий по Саратовской области: «Больше не будет такого давления».

Управляющий Саратовско-Волгоградской епархией арх. Пимен после 1985 года сразу развил большую работу по нормализации церковной жизни, укреплении авторитета Русской Православной Церкви в обществе и ее материальной базы. Делать это было очень не просто, так как вся финансово-хозяйственная деятельность церквей после печально известного Положения об управлении Русской Православной Церкви находилась в руках церковных советов. С ними-то архиерей и повел борьбу. В 1985 году управляющий епархией пишет письма исполнительным органам крупных приходов, где недвусмысленно дается понять последним, кто теперь в епархии хозяин. Письма эти, хотя и написанные на официальном бланке, весьма резки и эмоционально окрашены. Чувствуется, что Владыка был рад возможности наконец-то высказать исполнительным органам все, что он о них думает... Приведем выдержки из наиболее характерного и яркого письма архиепископа исполнительному органу Благовещенской церкви г. Вольска.

«Мною получено ваше письмо № 05 от 10 мая 1985 года. Оно представляет собой набор несуразностей.

Вы пишете, что не имеете средств приобрести автомашину и потому Вам не нужен гараж. Ну и что? Кто Вас заставляет покупать машину? Я впервые слышу о такой проблеме. Не нужна машина — и не покупайте. Может быть вы имеете ввиду расширение двора за счет соседей? Тогда я не могу не напомнить вам о необходимости устройства для церкви двух туалетов, мужского и женского, вдали от входа в храм и о ремонте прилегающих к храму комнатушек. Неужели вам нравится существующий ныне перед храмом хаос и антисанитария?

Регистрация Саратовской епархии

Прот. Всеволод Кулешов проводит занятия в воскресно-приходской школе Свято-Троицкого кафедрального собора

Вы пишете: «Регент для церковного хора не нужен, потому что в хоре нет ни тенора, ни баса». Видимо, потому и нет ни тенора, ни баса, что нет хорошего регента. Когда строится дом, сначала ищут инженера, а потом уже каменщиков и плотников. Так и с хором: сначала надо иметь регента, который будет формировать приличный хор. Должен вам заметить, что с каждым годом ваш хор поет все хуже и хуже. А вы вместо заботы о хоре толкуете о ненужности регента. Бессмыслица! Кстати, вопрос о пении хора вы должны согласовывать с настоятелем и духовенством, так как богослужение — это их компетенция, а не ваша (в соответствии с Положением об управлении Русской Православной Церковью)...»

В начале 1985 года архиепископ Пимен направляет рапорт управляющему делами Московской Патриархии митрополиту Таллинскому и Эстонскому Алексию (ныне — Святейший Патриарх Алексий II) о положении в некоторых приходах Саратовской епархии. В рапорте говорилось о том, что течение церковной жизни встречается с «рядом трудностей»: необходимость и невозможность для некоторых церквей оградить прочной оградой свою территорию,

проведение ремонтно-строительных работ, решительная нецерковность церковных советов и их председателей, отказ в установке телефона в епархиальном управлении и, наконец, главная трудность — Уполномоченный Совета Игорь Петрович Бельский, отношения с которым приняли характер неразрешимого противоречия. Все, обозначенные в рапорте проблемы вскоре, после апрельского 1985 Пленума ЦК КПСС, стали успешно разрешаться, в том числе и отношения с уполномоченным. В 1987 году И. П. Бельский оставил свою должность. Его сменил В. Г. Аникеев, которому было суждено войти в историю епархии, как последнему человеку, занимавшему должность уполномоченного Совета. Вскоре и должность, и сам Совет были упразднены. Жизнь, и в стране и в Церкви, менялась с головокружительной быстротой. Устанавливались новые общественные отношения и институты. Церковь тоже стала занимать свою нишу.

Архиерей стал желанным гостем на различных общественных мероприятиях, встречах с интеллигенцией, студентами, военнослужащими, на телевидении. Владыка пишет много публицистических статей. Диапазон его интересов

Прот. Георгий Лысенко с новокрещенными заключенными в ИТК

А. Пенькевич проводит занятия в воскресно-приходской школе храма «Утоли моя печали»

обширен, от вопросов православного вероучения до отечественной истории, экологии, музыки. В 1991 году архиепископ Пимен был приглашен выступить на сборах пропагандистов авиационных частей Приволжско-Уральского военного округа. Владыка с радостью принял приглашение. И в своем выступлении перед людьми в погонах он прямо высказал свое отношение к армии: «Мы приветствуем существование армии в пределах нашего государства, потому, что без армии немыслимо существование защищенного государства... Некоторые религиозные общины выступают против того, чтобы верующие люди держали в руках оружие, выступали в качестве, как они говорят, убийц. Мы такой позиции не придерживаемся, потому что учение Православной Церкви состоит в том, что нужно защищать своих близких, свою Родину, своих родственников, своих единокровных братьев на земле, если им угрожает опасность...»
Стали более интенсивными международные контакты. В 1990 году архиепископ Пимен возглавил делегацию Русской

Православной Церкви, принимавшую участие в мемориальных торжествах в г. Ковентри (Великобритания), посвященных 50-летию бомбардировки города немецко-фашистской авиацией. В ходе торжеств состоялось перенесение иконы «Сталинградская мадонна» из главного алтаря г. Ковентри в русский придел. Само перенесение было совершено архиепископом Пименом и епископом Берлинским доктором Краузе (протестантская деноминация) 14 ноября 1990 года. Учитывая предысторию явления иконы и политическую ситуацию начала 90-х годов, перенесение

Свято-Алексиевский женский монастырь, г. Саратов

Проповедь Владыки Пимена

иконы было событием большой общественной значимости[40]. В Ковентри архиепископ Пимен встретился и имел беседу с королевой Великобритании Елизаветой II. Эта встреча имела продолжение в переписке, вплоть до смерти Владыки. Вот, например, несколько мест из малоизвестного интервью Владыки корреспонденту саратовской малотиражной газеты «Авторское право» Д. Кулькову. Интервью вышло под названием «Благо для России — Православная Церковь».

Д. К. — В 1978 году заместитель председателя Совета по делам религий Совета министров СССР Фуров разделил всех архиереев на три группы по принципу лояльности к советским властям. Вы попали в категорию самых неблагонадежных...

Вл. П. — Вы знаете, выводы товарища Фурова читать нужно с точностью до наоборот. И выходит, что тот, кто, по его мнению плох, тот на самом деле хорош.

Д. К. — Между тем, ныне здравствующий Патриарх Алексий, тогда митрополит Таллинский, являлся наиболее лояльным к Советам...

Вл. П. Митрополит Алексий очень хороший дипломат. А хороший дипломат при любом строе будет считаться хорошим. Эту свою дипломатию он направлял на благо Церкви, а такие как Фуров, не могли вовремя раскрыть это. Митрополит Алексий вел себя всегда деликатно, как будто он со всем согласен, и в то же время решал вопросы, важные для своей епархии.

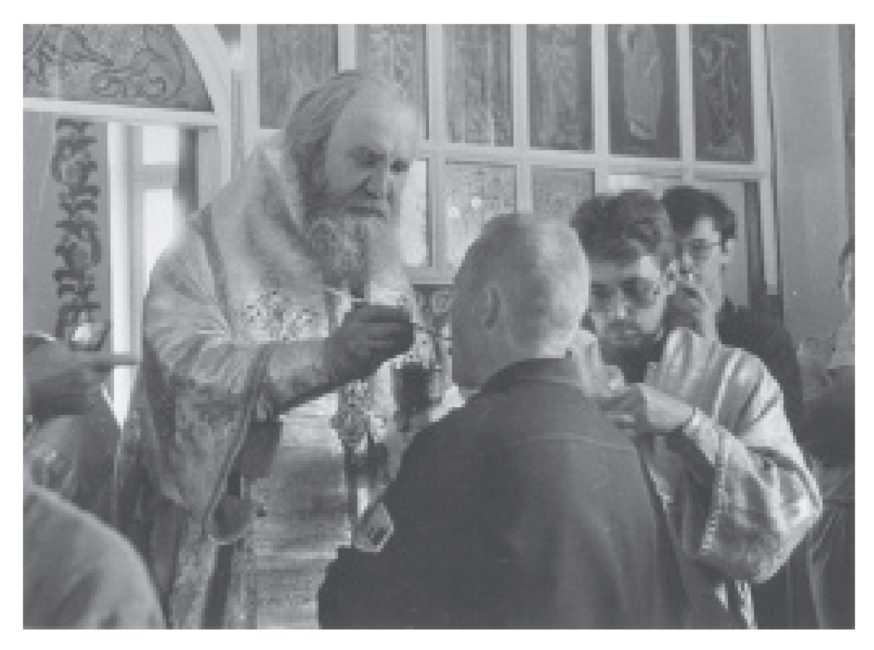
Д. К. — Что изменилось в РПЦ с перестройкой?

Вл. П. — Когда началась перестройка, на Церкви это никак не отразилось. Может быть, отношение государства стало мягче. Но крутой поворот произошел после визита Патриарха и членов Синода к Горбачеву в 1988 году. После этого стали открывать храмы, семинарии (во многом это было связано с 1000-летием Крещения Руси). В 1990 году был избран новый Патриарх и дело пошло более энергично.

— Алексий II много внимания уделяет развитию христи-

Настоятель Воскресенского храма (г. Пугачев) прот. Анатолий Капцов
с воспитанниками воскресной школы

Таинство св. Евхаристии в храме св. блж. Ксении Петербургской (в ИТК № 33)

анской культуры, часто посещает епархии. Предыдущий Патриарх Пимен епархии никогда не посещал. Причины этого надо искать в том, что на это косо смотрел Совет по делам религий, он видимо, и подсказывал Патриарху о нежелательности таких поездок. Совет боялся, что посещение Патриархом епархий вызовет подъем религиозного духа.

Д. К. — Не назрела ли необходимость реформ в самой Православной Церкви? Возможно, в части перехода богослужения на русский язык?

Вл. П. — Нет, не предвидится и не будет. Разве можно что-либо изменить в геометрии или алгебре? И здесь то же самое. На мой взгляд, каждый русский человек прекрасно понимает церковно-славянский язык.

Д. К. — Как Вы считаете, должна ли Православная Церковь в России обрести статус государственной? В последнее время создается впечатление, что это уже произошло (интервью дано в сентябре 1993 года — прим. авт.).

Вл. П. — Нет, то, что наблюдается (присутствие высших должностных лиц на богослужениях, активное участие на-

ших городских и областных властей в осуществлении визита Патриарха) — это хорошие контакты властей и Церкви, но не более того. И я считаю, что отделение Церкви от государства — явление положительное.

Д. К. — Не секрет, что в результате того, что советская власть препятствовала рукоположению в сан лиц с высшим образованием, многих священников отличает низкий образовательный уровень, нередка грубость. Как обстоят дела в нашей епархии?

Вл. П. — У нас так же, как и везде. Очень мал процент священников, получивших духовное образование. Хотя в общении с верующими главным является душевная расположенность к священнику, никто не требует знания английского или греческого языка. Так что беды большой нет. А что касается отрицательных явлений среди духовенства, то процент священников, поступающих не совсем правильно, довольно низок...

Д. К. — А приблизительно сколько составляла зарплата священнослужителя в годы застоя?

Вл. П. — До наступления рыночной экономики — 1000 ру-

Интерьер Покровской церкви в г. Саратове на момент передачи епархии, 1992 г.

Иерей Александр Михеев, протоиерей Всеволод Васильцев, протоиерей Николай Архангельский, протодиакон Лазарь Новокрещеных, протоиерей Георгий Лысенко, протодиакон Василий Султанов

блей и меньше. В сельских храмах около 200 рублей, во всяком случае, я старался, чтобы было не меньше 200. Надо учесть, что у священников явно ненормированный рабочий день.

Д. К. — Владыка, в последнее время можно наблюдать большую активность протестантских проповедников на территории России. Как по-Вашему, благо ли это для России?

Вл. П. — Благо для России — это Православная Церковь. Однако я против ущемления других религий. Большой демократизм РПЦ до революции заключался в том, что она не преследовала последователей других церквей. Вместе с тем всегда считалось, что протестантские и католические священники присутствуют на территории России для того, чтобы обслуживать интересы тех, кто уже является католиком или протестантом. А сейчас они ставят вопрос о том, что надо захватывать души, они рассматривают Россию как полигон. Это объясняется тем, что за годы застоя, люди были оторваны от религии. Они также пользуются нашей бедностью, раздавая бесплатные Евангелия.

Д. К. — Удовлетворены ли Вы делами в епархии? Какие основные проблемы?

Вл. П. — Основные проблемы — недостаток духовенства, особенно в сельской местности, отсутствие финансов для реставрации разрушенных храмов, замедленная передача властями церквей и церковных зданий. Но в целом обстановка по сравнению с тем временем, когда у власти была КПСС, значительно изменилась к лучшему. Дышать стало легче.

Д. К. — Владыка, известно, что у Вас большая коллекция грампластинок.

Вл. П. — Да, 3500 экземпляров, кстати, примерно столько же книг в моей библиотеке.

Д. К. — Кто Ваш любимый композитор?

Вл. П. — Бетховен. И только потом Моцарт, Чайковский и все остальные.

Д. К. — А из современных?

Вл. П. — Артемьев, Свиридов, немного Таривердиев, но он последнее время ударился в эстраду. Что касается Шнитке,

Начало реставрации храма «Утоли моя печали». Саратов, 1991 г.

Визит Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Саратов, 21 июня 1993 г.

то его творчество мне не нравится, хотя знаю, что он может писать в классическом стиле. Эстраду и рок отвергаю и никому не советую увлекаться этими направлениями».

В конце 1990 г. при епархии возрождается издание журнала «Саратовские епархиальные ведомости», редактором которого становится протодиакон Свято-Троицкого кафедрального собора Лазарь Новокрещеных, вскоре рукоположенный в сан иерея. Значительную часть журнала составляли материалы, предоставленные самим управляющим епархией. Откликнулась часть духовенства, которое впервые получило возможность открыто печатно выразить свои мысли. В каждом номере обязательно помещались дневниковые записи архиерея, его проповеди. Каждый номер журнала в гранках Владыка просматривал, помимо редактора.

Журнал вызвал к себе большой интерес в среде духовенства, главным образом, из-за архиерейских воспоминаний и рекомендаций литургического характера. Ученые гуманитарных вузов также открыли для себя журнал, как возможность опубликования статей церковно-исторического и литературного характера. Хотя, некоторые статьи светских

ученых и предлагаемые ими материалы не всегда были безупречны с точки зрения богословия, редакция их не отклоняла, чтобы не отпугнуть от Церкви интеллигенцию.

То же самое можно сказать и о материалах о контактах с представителями других конфессий — уже тогда проблемы межэтнического и межрелигиозного диалога были весьма актуальны. «Епархиальные ведомости», помимо продажи в храмах епархии, рассылались более чем по 60 адресам, не менее половины из них были зарубежные. Со временем у журнала сформировалась небольшая, но постоянная аудитория прихожан саратовских церквей.

Поистине подвижническую деятельность развил архиепископ в деле возвращения епархии церковных зданий. Причем количество вновь возвращенных храмов значительно превышало число священнослужителей, и породило очень острую кадровую проблему. Чтобы дать новому храму настоятеля, архиерей был вынужден рукополагать людей без какого-либо специального богословского образования.

Первая волна рукоположений включала в себя певчих, и это были люди как-то подготовленные к предстоящему служению, по крайней мере, в общих чертах знавшие порядок богослужений. Когда певческий источник иссяк, то

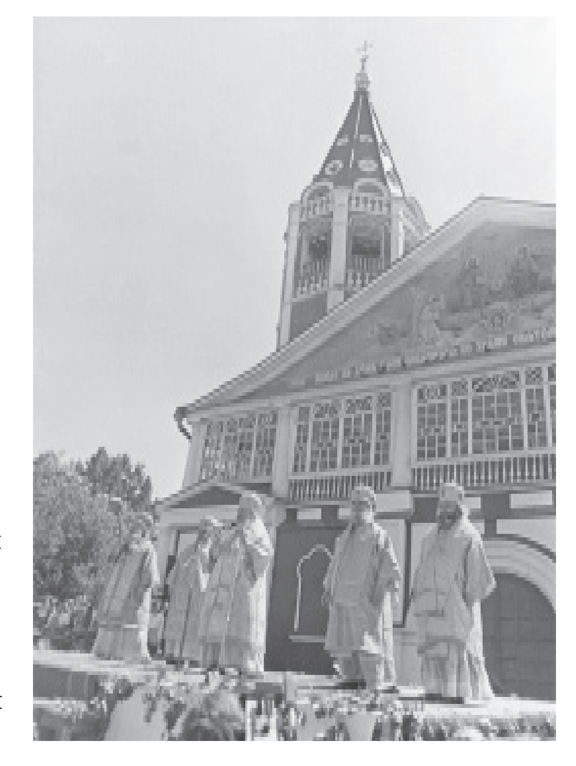

Святейший Патриарх Алексий II в храме «Утоли моя печали»

к алтарю стали приходить люди совершенно не подготовленные, и обучавшиеся в процессе службы.
Архиепископ Пимен считал первоочередной задачей юридически закрепить за епархией новые храмы и другие здания, ранее принадлежавшие церкви, хотя реставрировать

их или эксплуатировать не хватало ни финансовых, ни людских ресурсов.
Неподготовленность новорукоположенных священников и диаконов стала видна настолько, что некоторые старые священники прямо обращались к архиепископу с просьбой больше не брать новых приходов. Такие просьбы исходили, прежде всего, от духовенства Свято-Троицкого кафедрального собора, где новорукоположенные клирики проходили «практику», которая заключалась в усвоении, прежде всего, азов богослужения. Случаи из служебной практики новоиспеченных батюшек ходили по епархии в виде анекдотов, многие из которых, увы, основывались на действительных фактах. Так, например, один священник, из комсомольских работников, повесил на дверях храма расписание богослужений, которое начиналось словами: «Товарищи прихожане». Время показало, что архиепископ был прав в выборе приоритетов. Через несколько лет церковная жизнь в большинстве приходов нормализовалась.

В 1993 году на плечи престарелого и тяжело больного Владыки Пимена легла новая забота — обеспечить достойный прием в епархии Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Визит Его Святейшества состоялся в июне 1993 года и прошел на высоком уровне.

Похороны архиепископа Пимена

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1] Новомученики и Исповедники Русской Православной Церкви XX в. База данных, подготовленная Православным Свято-Тихоновским Богословским Институтом и Братством во Имя Всемилостивого Спаса. Адрес в сети Интернет: http://193.233.223.18/cgi-htm/db.exe/no_dbpath/docum/ans/nm?HYZ9EJxGHoxlTYZCF2JMTdG6Xbu0dOqcc8mcfG*cW88UfOuW668cei8is00*fO0 hv8KWeCQd** —>

[2] 27 декабря 2000 года постановлением Св. Синода Русской Православной Церкви имя священномученика священника Дионисия Щеголева было включено в поименный состав Собора новомучеников и исповедников Российских. Он стал первым подвижником, официально прославленным в лике святых в Саратовской епархии Русской Православной Церкви. 17 июля 2002 года на заседании Священного Синода Русской Православной Церкви было принято решение о прославлении в лике святых священника Иоанна Михайловича Днепровского.

[3] «Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы». — М.: Издательство Библейско-Богословского Института св. апостола Андрея, 1996. С. 302, 313.

[4] Цыпин Владислав, протоиерей. История Русской Церкви. 1917–1997. М., 1997. Кн. IX. С. 294–296.

[5] «Журнал Московской Патриархии». 1944. № 12. С. 17.

[6] Архимандрит Борис (в миру Борис Иванович Вик) родился 27 августа 1906 г. в г. Саратове в рабочей семье — отец работал в мастерских Яхт-клуба по постройке спортивных судов, мать работала на фабрике по пошиву воинского обмундирования. Получил светское образование. В 1923 г. принят послушником в Спасо-Преображенский монастырь. В 1926 г. рукоположен во диакона целибатом и служит в г. Вольске. В июне 1928 г., пострижен в рясофор с именем Серафим игуменом Спасо-Преображенского монастыря, затем в 1930 г. последовало пострижение в мантию с именем Борис, а вскоре и рукоположен в иеромонаха. С 1930–1931 гг. служил в с. Коленцы Рязанской епархии. В 1931 г. мобилизован на военную службу в тыловое ополчение, в 1933 г. — демобилизован.

[7] С 7 сентября 1945 г. он становится митрополитом Ленинградским и Новгородским. Вскоре Владыка назначается на должность председателя Учебного комитета и возглавляет дело восстановления духовного образования в России. Особое внимание, при этом уделяя возрождению семинарии в ставшей близкой для него Саратовской епархии. Преставился митрополит Григорий 5 ноября 1955 г. в здании Московской Патриархии.

[8] Протоиерей Георгий Васильевич Лысенко родился 17 мая 1931 г. В 1949 году со второго курса техникума поступил в 1 класс Саратовской Духовной семинарии, которую окончил в 1953 г. (третий выпуск). Рукоположен в сан диакона 21 сентября, в сан священника 27 сентября 1953 г. Награжден крестом с украшениями 22 апреля 1979 г. и орденом св. равноап. кн. Владимира III степени. Впоследствии с перерывами служил в Свято-Троицком кафедральном соборе. Последний раз с 1 октября 1978 г. В 90-е годы был настоятелем Духосошественского собора. С 1998 г. находился в клире Свято-Алексиевской церкви Саратовского женского монастыря. Скончался 20.09.2002 г.

[9] Руководящие документы СДРПЦ. Д. № 1. 1952 г. С. 31.

[10] «История Русской Церкви», Т. IX. М.; изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. С. 384–385.

[11] С 12 января 1947 г. Владыка становится епископом Черниговским и Нежинским. С 19 июня 1947 г. – епископ Ивановский и Кинешемский. С 3 июня 1948 г. епископ Брестский и Кобринский. С 18 ноября 1948 г. епископ Гродненский и Брестский. С 28 февраля 1949 г. епископ Гродненский и Лидский. С 13 декабря 1949 г. на покое. С 31 октября 1950 г. епископ Пинский и Лунинецкий. С 15 ноября 1952 г. епископ Ульяновский и Мелекесский. С 28 января 1953 г. на покое. Скончался

29 октября 1953 г.

[12] В миру Антонина Станиславовна Заборская, родилась в 1868 г. в г. Пошехонье, Ярославской губ. Получила фельдшерское образование. 30 октября 1904 г. поступила послушницей в Крестовоздвиженский монастырь. 25 июля 1905 г. приняла монашеский постриг. Избрана 20 марта 1912 г. настоятельницей и 15 июля 1905 г. возведена в сан игумении Саратовского женского монастыря. 6 мая 1913 г. награждена наперсным крестом, 25 июня 1915 г. за организацию лазарета награждена грамотой Саратовского архиерея, 6 мая 1916 г. награждена крестом из кабинета Его Императорского Величества. Арестована 22 июля 1927 г. и 17 февраля 1928 г. выслана в Марийскую обл. сроком на 3 г. Ссылку отбывала в г. Йошкар-Оле. 23 октября 1930 г. Особым совещанием при ОГПУ лишена права проживания в 8 областях СССР с прикреплением к месту жительства в г. Бугуруслане на 3 г. После ссылки вернулась в Саратов. 12 ноября 1941 г. была вторично арестована. Обвинялась в том, что объединяла верующих и проводила антисоветскую агитацию. 5 июня 1942 г. во время следствия скончалась. Исповедница и ревнительница Православного дела, которую не смогли сломить застенки коммунистического режима. Могила на Саратовском Воскресенском кладбище до сих пор посещается верующими.

[13] Константин Михайлович Соловьев родился 13 мая 1877 г. 23 июня 1892 г. окончил Саратовское духовное училище, 13 июня 1898 г. окончил Саратовскую духовную семинарию. Рукополагается в сан диакона 14 ноября 1898 г. Преосвященным Николаем (Налимовым). 31 октября 1899 г. хиротонисан епископом Иоанном (Кратиковым) в сан священника. Служил на сельских приходах Саратовской епархии. Епископ Гермоген (Долганев) переводит о. Константина в Саратов, для активной миссионерской деятельности, одновременно о. Константин является законоучителем в 6 местах. 2 марта 1910 г. назначается Владыкой Гермогеном окружным миссионером г. Саратова. 10 сентября 1913 г. поступает в Казанскую Духовную Академию, которую оканчивает 1 сентября 1917 г. За сочинение «Владимир Сергеевич Соловьев как русский богослов» удостоен степени кандидата богословия. В это время он становится духовным сыном иеромонаха (позже — епископа) Николая (Парфенова), который, в свою очередь, являлся духовным сыном епископа Гермогена. 24 мая 1918 г. избран благочинным 3 округа церквей Саратова. 19 декабря 1921 г. епископом Досифеем (Протопоповым) возводится в сан протоиерея. На Радоницу 30 апреля 1930 г. ОГПУ по Нижне-Волжскому краю арестовывает о. Константина в первый раз, но по недостатку улик 18 августа того же года из-под ареста освобождает. Указом архиепископа Афанасия (Малинина) награжден митрой. В ночь с 21 на 22 апреля, день рождения В. И. Ульянова (Ленина), 1935 г. был лишен свободы на основании ст. 58-10 УК (антисоветская агитация и пропаганда). На допросах исповеднически отстаивал свою православную веру и отрицательное отношение к Советской власти. 13 сентября постановлением Особого Совещания осужден на 3 года и выслан в Шаульдерский район Южно-Казахстанской области республики Казахстан, где со смирением занимался неквалифицированной работой. По свидетельствам духовных чад, даже находясь в ссылке о. Константин по возможности не прекращал тайно совершать Таинство святой Евхаристии. 21 ноября 1948 г. о. Константин возвращается в Саратов и епископом Борисом (Виком) назначается внештатным священнослужителем Свято-Троицкого кафедрального собора. Скончался 17 апреля 1953 г. клириком Свято-Троицкого кафедрального собора. За свое 55-летнее служение на благо Русской Православной Церкви, в частности, в пределах Саратова и Саратовской епархии, отец Константин служил в 15 храмах и преподавал в 15 учебных заведениях. По свидетельству его духовных чад, праведник предсказывал свою кончину и был готов к ней, а его предсмертные слова: «После моей смерти придете ко мне на могилу и спросите о том, в чем нуждаетесь. А я вам из гроба скажу», — по вере его почитателей вполне оправдались. Для местного прославления в Саратове

на протяжении двух десятилетий собирается житие праведника, основанное на документальном материале государственных и личных архивов и свидетельствах церковного предания.

[14] См.: «Саратовские епархиальные ведомости». 1918 г. № 18. С. 28.

[15] Из постановления ЦК комсомола «Об улучшении политико-воспитательной работы комсомольских организаций среди молодежи» (январь 1945 г.).

[16] Отчет уполномоченного за 1945 год. С. 6

[17] Отчет уполномоченного за 1946 год. С. 4.

[18] Протоиерей Серафим Антонович Казновецкий из духовного сословия. Родился 22 февраля 1905 г. в г. Кременце Тернопольской губ. Там же окончил семинарию, женился и был рукоположен и направлен на приход в село недалеко от города, а затем служил в Кременце. Некоторое время он был в заключении. В связи с распространением унии на Западной Украине, о. Серафим, обладая даром слова, разъяснял недопустимость ее принятия, ездил по селам, произнося длительные проповеди. О. Серафим был разносторонним человеком, пользовался академической библиотекой. Прихожане слушали его с радостью, каждый мог подойти и побеседовать с ним. После войны о. Серафим был переведен в г. Львов настоятелем единственной православной церкви на ул. Коперника. В связи с сопротивлением католикам-униатам, православным священникам-миссионерам грозили физической расправой. На паперти Преображенского собора во Львове был убит протопресвитер о. Гавриил Костельник. После чего о. Серафим был переведен в Саратов. Прихожане о. Серафима сразу полюбили и с радостью принимали участие в благоукрашении Духосошественского собора. Прекрасный проповедник, он укреплял в людях веру, пробуждая любовь, в дискуссиях с самыми искусными атеистами он всегда одерживал победу. В Саратове он был награжден митрой. Умер 12 апреля 1952 г. от рака желудка. Похоронен на Воскресенском кладбище и на его надгробной плите написаны точные для его жизни слова: «Подвигом добрым подвизахся, течение скончах, веру соблюдох».

[19] Дамаскин (Орловский), иеромонах. «Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия». Кн. 3. Тверь, изд-во «Булат», 1999. С. 33.

[20] Там же. С. 34.

[21] Там же. С. 35.

[22] Виталий Азеф. «Потеряв чувство партийности» // «Саратовские вести», 31 декабря 1999 г. «XX век: взгляд из Саратова».

[23] «Правда», № 50 (11157), суббота.

[24] 4 марта 1949 г. Владыка Борис назначен епископом Чкаловским и Бузулукским. В сентябре 1950 г. епископ Борис был назначен епископом Берлинским и Германским. В октябре 1951 г. возведен в сан архиепископа и исполняет обязанности Патриаршего Экзарха в Западной Европе. С июля 1954 г. архиепископ Борис управляет Ярославской кафедрой, а с октября того же года назначается Патриаршим Экзархом Северной и Южной Америки, архиепископом Алеутским и Североамериканским. В апреле 1956 г. становится архиепископом Херсонским и Одесским и управляет Ворошиловградской епархией с оставлением полномочий Экзарха. По прибытии в США архиепископ Борис с ревностью приступил к трудам по благоустроению жизни Экзархата. Однако отказ Государственного департамента США в продлении архиепископу Борису визы на пребывание в этой стране прервал непосредственное общение Экзарха с его паствой. Несколько раз позднее, посещая свой Экзархат, Владыка Борис с присущей ему самоотверженностью отдавал все силы, весь свой большой опыт его церковному строительству. В феврале 1959 г. возводится в сан митрополита. Многообразной была деятельность митрополита Бориса в церковной и общественной жизни страны. Святейший Патриарх Алексий I наградил его орденом св. равноап. вел. кн. Владимира, предстоятели ряда дру-

гих Поместных Православных Церквей — различными церковными орденами. За ревностное отношение к духовному просвещению Московская Духовная Академия присвоила ему звание почетного ее члена. В июне 1962 г. по состоянию здоровья освобождается от должности Патриаршего Экзарха. В 1963–1964 гг. перенес четыре инфаркта. Во время лечения в Сочи последовательно произошли два инфаркта сердца и через несколько дней — 16 апреля 1965 г. митрополит Борис скончался. 18 апреля панихиду в Успенском соборе одесского Свято-Успенского монастыря служил митрополит Киевский и Галицкий Иоасаф.

[25] В миру Виталий Ставицкий, родился 14 апреля 1884 г. в г. Новоград-Волынском в семье священника Стефана Ставицкого. Окончил Волынскую духовную семинарию и Московскую Духовную Академию, по окончании которой принял монашеский постриг. Его сокурсники по академии отмечали особую религиозность и молитвенный настрой будущего Владыки. Вскоре после пострига был рукоположен во иеромонаха и в 1910 г. был назначен противосектантским миссионером Черниговской, а затем Киевской епархии. В 1915 г. возводится в сан архимандрита и назначается ректором Нью-Йоркской духовной семинарии. С 6 августа 1916 г. по 19 октября 1920 г. — епископ Аляскинский. В 1917 г. — делегат Поместного Собора Русской Церкви. С 19 октября 1920 г. — епископ Смоленский. За сопротивление изъятию церковных ценностей, как следует из личного письма Святейшего Патриарха, в Смоленске 28 марта 1922 г. Владыка привлечен к суду, побывал в заключении. С 13 июня 1928 г. по 30 августа 1933 г. — епископ Астраханский, в 1929 г. возведен в сан архиепископа. 26 сентября 1929 г. Владыка был арестован и 3 января 1930 г. приговорен к высылке в Северный край на 3 г. С 30 августа 1933 г. по 23 февраля 1937 г. — на покое. С 8 марта 1937 г. по август 1937 г. — архиепископ Омский, после чего вторая ссылка. В ноябре 1943 г. назначается архиепископом Иркутским, а в декабре того же года — Астраханским. Как старейший по хиротонии архиерей, от имени Поместного Собора 2 февраля 1945 г. приветствовал новоизбранного Святейшего Патриарха Алексия I (Симанского). 4 марта 1949 г. Владыке поручается управление и Саратовской епархией с титулом «Астраханский и Саратовский». В последние годы открылся дар прозорливости Владыки Филиппа, еще при его жизни по его молитвам были исцеления. Предсказал день своей смерти. Умер в Москве, вызванный туда по административным делам, 12 декабря 1952 г., причастившись перед смертью Св. Таин. Похоронен Владыка в стене Покровского собора г. Астрахани. Известно, что еще при жизни Владыки преп. Кукша Новый говорил приезжавшим к нему астраханцам, что их архиепископ — огненный столп, и у него им нужно просить наставлений.

[26] В миру Иоанн Иоаннович Сокаль, родился 7 января 1883 г. в Холмской губ. Варшавское духовное училище, Холмская духовная семинария, Киевская Духовная Академия — так «от силы в силу» восходил молодой Иоанн Сокаль к вершинам Премудрости Божией. В 1910 г., по окончании Академии, он был назначен помощником инспектора Курской духовной семинарии, а в 1912 г. перемещен на должность инспектора параллельных классов Курской духовной семинарии в г. Рыльске, где 14 октября 1912 г. епископом Рыльским Никодимом был рукоположен в сан иерея и начал проходить пастырское служение. Послереволюционный период по 1950 г. прот. И. Сокаль прожил за границей, находясь до 1945 г. в составе т.н. Высшего русского церковного управления за границей (карловацкий раскол). В апреле 1945 г. прот. И. Сокаль принес покаяние Матери-Церкви, был принят в ее лоно и Указом Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия назначен настоятелем Троицкой русской церкви в Белграде и благочинным русских приходов в Югославии. В июне 1948 г. прот. И. Сокаль участвовал в Совещании Глав и представителей Автокефальных Церквей в Москве. В январе 1950 г. о. Иоанн возвратился на Родину и был назначен на должность ректора Саратовской духовной семинарии. С 25 июня 1953 г. он ректор Минской духовной семинарии, а с 1956 г. — Одесской. 20 июля 1957 г. о. Иоанн был назначен настоятелем смоленского Успенского собора и секретарем Управления Смоленской епархией. 9 февраля 1951 г. профессорский совет Ленинградской духовной академии присудил ему ученую степень магистра богословия. Овдовев, о. Иоанн принял монашеский постриг с именем Иннокентия. 24 апреля 1959 г. постановлением Священного Синода определено после возведения в сан архимандрита ему быть епископом Смоленским и Дорогобужским. 10 мая 1959 г. в Троице-Сергиевой Лавре состоялась его хиротония. В октябре 1964 г. в связи с болезнью Владыка Иннокентий ушел на покой и прикованный к одру болезни доживал в Смоленске. 14 мая 1965 г. в 7 часов утра он тихо отошел ко Господу, напутствуемый молитвами своего преемника по кафедре епископа Антония. После отпевания в Успенском соборе гроб с телом покойного был обнесен вокруг собора и препровожден на Тихвинское кладбище г. Смоленска.

[27] «Храмы и «общественная надобность» // «Саратовские вести», 15 января 2000 г., суббота. С. 12. Подготовил Виталий Азеф. «XX век: взгляд из Саратова».

[28] «История Русской Церкви», Т. IX. М.; изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. С. 364.

[29] В миру Виктор Дмитриевич Милов, родился 8 июля 1887 г. в Оренбурге в семье прот. Димитрия Милова, но в семье не получил серьезного религиозного воспитания. По настоящему обратился к Богу под влиянием подвижников Яранского монастыря во имя св. Анны Пророчицы Вятской епархии. В 1916 г. окончил Вятскую духовную семинарию. В годы учебы в семинарии епископом Вятским Никандром (Феноменовым, впоследствии — митрополит Ташкентский и Среднеазиатский, † 1933) посвящен во чтеца. Учился в Казанской Духовной Академии до 1918 г. Проходя воинскую службу в Саратове в 1919–1920 гг., пришел за духовным советом к затворнику скита Спасо-Преображенского монастыря о. Николаю (Парфенову, впоследствии — епископ Аткарский), который сказал ему следующее: «Я бы у себя оставил тебя, раб Божий, да ты очень высок… Вот что ты сделай: поезжай в Москву. Я тебе дам письмо в Данилов… В Москве тебя постригут и назовут Вениамином. Это совершится недели через две по приезде твоем в Москву. Пасху ты будешь в Даниловом монастыре, последующее же направление твоей жизни определит тебе Сам Господь. Будешь монахом — прилежи к Иисусовой молитве. Читай ежедневно 600 молитв пополам: 300 — Иисусовых и 300 — Богородичных…». Все предсказанное старцем исполнилось с буквальной точностью. В 1920 г. на Благовещение Виктор был пострижен в монашество. На второй день Пасхи, 12 апреля, епископом Алатырским Гурием (Степановым) посвящен в сан иеродиакона, а 8 октября епископ Петр (Полянский) (впоследствии — Местоблюститель Патриаршего престола, священномученик, в 1997 г. канонизирован для общецерковного почитания) возвел его в сан иеромонаха. Набедренник надел на него Св. Патриарх Тихон, наперсный крест — епископ Иларион (Троицкий) Верейский (впоследствии — архиепископ, священномученик, в 1999 г. канонизирован для местного почитания в Московской епархии), а в сан архимандрита через три года после пострига, в день Благовещения Пресвятой Богородицы, возвел епископ Гурий (Степанов). Тогда же он стал наместником Московского Покровского монастыря. Закончил Московскую Духовную Академию кандидатом богословия. Был знаком с проф. И. В. Поповым, о. Павлом Флоренским, архиеп. Варфоломеем (Ремовым). По благословению московского старца о. Исаии Афонского, написал кандидатское сочинение «Преподобный Григорий Синаит. Его жизнь и учение» с новым переводом творений преподобного. 24 ноября 1928 г. он был выслан на Соловки, где пробыл до 1932 г. После освобождения служил в Никитском храме г. Владимира. В 1937 г. арестован и сослан в г. Котлас Архангельской обл. Освобожден из ссылки в апреле 1946 г. по ходатайству Патриарха Алексия I и в июне 1946 г. зачислен в братство Троице-Сергиевой Лавры. Преподавал в Московской Духовной Академии, доцент, заведующий кафедрами Патрологии и Пастырского Богословия. В июне 1948 г. защитил магистерскую

диссертацию «Божественная Любовь по учению Библии и Православной Церкви» и был утвержден в звании профессора и инспектора Академии. «В «Божественной Любви», — писал Владыка, — я скомбиновал все, что люблю более всего на свете, чем живу и во что до глубины души погружаюсь». С июня 1949 по 1954 гг. в третьей ссылке — в Казахстане. Святитель был арестован как «повторник», т.е. единственным поводом для ареста было то, что Владыка уже побывал ранее в заключении. В ссылке работал на общих работах, ночным сторожем, учетчиком, переписчиком в районном селе. «Господь учил меня, — вспоминал Владыка, — претерпевать тесноту, неудобства жизни, бессонные ночи, холод, одиночество… показал степени страдания людей…» В сентябре 1950 г. переезжает в г. Джамбул. Псаломщик, затем священник (с лета 1954 г.) Успенской церкви г. Джамбула (до 9 октября 1954 г.). С 4 ноября 1954 г., после освобождения — настоятель Ильинского храма в г. Серпухове. 4 февраля 1955 г. патриархами Алексием I Московским и Мелхиседеком Грузинским в сослужении 3 митрополитов, 3 архиепископов и 2 епископов хиротонисан во епископа Саратовского и Балашовского. Лишь полгода судил Господь пробыть в ему в архиерейском сане — в 14.30 дня 2 августа 1955 г. святитель Вениамин преставился. Вечером 3 августа в Троицком соборе служился Парастас. Во время канона настоятель Духосошественского собора архимандрит Иоанн (Вендланд) произнес слово, посвященное жизни Владыки. В течение ночи собор не закрывался. Непрерывным потоком верующие подходили к телу своего архипастыря. После отпевания гроб с телом Преосвященного Вениамина был обнесен по галерее вокруг собора. Владыка — автор трудов «Грехопадение человеческой природы в Адаме и восстание во Христе (по учению преп. Макария Великого)», «От врат рай до райских врат. О цели жизни христианской (по творениям преп. Симеона Нового Богослова)», «Опыт приспособления «Догматики» митрополита Московского Макария (Булгакова) к потребностям современной духовной школы», «Чтения по литургическому богословию», «Христианское вероучение и подвижничество», 4-томного казахско-русского словаря и др. Его могила на Саратовском Воскресенском кладбище стала обильным источником чудес. Верующим народом Саратова почитается как святой.

[30] Известная притча Спасителя о работниках в винограднике Мф. 20, 1–16.

[31] Первое издание этой книги было осуществлено в 1977 г. в Брюсселе, изд-во «Жизнь с Богом».

[32] Митрополит Вениамин — в миру Иван Афанасьевич Федченков, родился 2 сентября 1880 г. в Кирсановском уезде Тамбовской губернии, в семье конторщика. В 1903 г. окончил Тамбовскую духовную семинарию, в 1907 г. окончил Санкт-Петербургскую Духовную Академию, 26 ноября принял монашеский постриг, 3 декабря рукоположен во иеродиакона, а 10 декабря —во иеромонаха. 1907–1908 гг. — профессорский стипендиат по кафедре библейской истории. В 1904–1908 гг. несколько раз встречался со св. Иоанном Кронштадтским, участвовал в отпевании святого. В 1910–1911 гг. — личный секретарь при архиепископе Финляндском Сергии (Страгородском). В 1911 г. инспектор Санкт-Петербургской духовной семинарии. Декабрь 1911 г. — архимандрит, ректор Таврической духовной семинарии. В 1913–1917 гг. — ректор Тверской духовной семинарии. В 1917–1918 гг. — делегат Поместного Собора РПЦ (по избранию от младших клириков Тверской епархии). Летом 1919 г. арестован ЧК, но после суда оправдан. Позднее ходатайствовал и спас от смертной казни чекиста, который его допрашивал. 23 февраля 1919 г. хиротонисан во епископа Севастопольского, викария Таврической епархии. В 1919–1923 гг. — епископ армии и флота на юге России. В 1919–1920 гг. — член Временного Высшего Церковного управления в г.Новочеркасске и Юго-Восточного Поместного Собора. 25 марта 1920 г. назначен от Синода Украинской Автономной Церкви членом Совета Министров при генерале Врангеле. В ноябре 1920 г. эвакуировался за границу в Константинополь. В 1921 г. участвовал в подготовке и работе Карловацкого Собора. Член Русского Совета при генерале Врангеле. Настоятель в Сербском монастыре Петковице (г. Шабац), где собрал 25 человек русской братии. В 1922 г. настаивал на строгом выполнении указа Святейшего Патриарха Тихона от 5 мая 1922 г. о роспуске Высшего Церковного Управления за границей. В 1925–1927 гг. — инспектор и профессор, а в 1929–1930 гг. — преподаватель Православного Богословского Института в Париже. 3 декабря 1927 г. воссоединился с Московской Патриархией. Покинул Институт после разрыва митрополита Евлогия (Георгиевского) с Московской Патриархией. В 1930-е гг. состоял в переписке со св. Силуаном Афонским. В 1930–1933 гг. организовал в Париже и других городах Франции Патриаршую Православную Церковь, первую Патриаршую Церковь в Европе. Организовал типографию в Париже, где работал наборщиком, корректором и издателем (продолжал это дело и в Америке). В Сербском монастыре участвовал во всех работах, включая земледельческие, огородные и виноградные. 19 апреля 1932 г. возведен в сан архиепископа. В 1933–1947 гг. — архиепископ Алеутский и Североамериканский с титулом Временного Экзарха Патриархии в Америке. 14 июля 1938 г. возведен в сан митрополита. В 1945 г. — член Поместного Собора Русской Православной Церкви. В 1946 г. получил советское гражданство, в 1947 г. окончательно вернулся в Россию. 21 августа 1947 г. назначен управляющим Рижской и Латвийской епархией, куда прибыл 19 февраля 1948 г. С 27 марта 1951 г. митрополит Ростовский и Новочеркасский (с 1954 г. — Ростовский и Каменский). 20 февраля 1958 г. уволен на покой и прожил последние годы в Псково-Печерском монастыре, скончался 4 октября 1961 г., похоронен в пещерах монастыря. Активный миссионер, во множестве написавший литературные и богословские труды и знавший 8 иностранных языков. Владыка Вениамин — виднейший иерарх Русской Православной Церкви, немало сделавший для дела воцерковления за пределами России. В настоящее время в Псковской епархии готовятся материалы к прославлению митрополита Вениамина в лике святых.

[33] В миру Константин Николаевич Вендланд, родился в С.-Петербурге в новолетие 1909 г. Его семья находилась в родственных отношениях с Лермонтовыми, давшими миру великого поэта. Окончил Ленинградский горный институт. В 1928 г. принят на должность научного сотрудника Геологического комитета. В это время он знакомится с архимандритом Гурием (Егоровым) (1891–1965 гг.), впоследствии митрополитом Ленинградским, а затем Симферопольским и Крымским. В конце 20-х гг. он совмещал учебу с обязанностями внештатного псаломщика киновии Александро-Невской Лавры. В 1932 г. он стал научным сотрудником Центрального научно-исследовательского геологоразведочного института. В октябре К. Вендланд — ассистент кафедры петрографии в Среднеазиатском индустриальном институте, вместе с о. Гурием они приехали в Ташкент. 2.09.34 г. о. Гурий совершил его монашеский постриг с именем Иоанн. В 1936 г. он стал иеромонахом. О. Иоанн преподавал, помимо института, в Среднеазиатском (ныне Ташкентском) государственном университете и параллельно работал в Узбекском геологическом управлении (1935–1945 гг.). В 1937 г. он участвовал в работе XVII Международного геологического конгресса. В 1942 г. о. Иоанн стал кандидатом геолого-минералогических наук. Его вклад в изучение геологии Средней Азии был весьма значительным, что нашло отражение в коллективных монографиях из серии «Геология СССР». О. Иоанн явился предвестником наук о геологических формациях и стратиграфической геофизике, он предвидел возникновение нового раздела геологических наук — геосоматологии. В 1944 г. о. Иоанн назначается в клир Успенского кафедрального собора в Ташкенте. Затем о. Иоанн был принят в братство Свято-Троице-Сергиевой Лавры. В августе 1946 г. архимандрит Гурий был рукоположен во епископа Ташкентского и Среднеазиатского, а иеромонах Иоанн стал его секретарем. В 1947 г. он награждается золотым наперсным крестом. С 1950 г. — архимандрит. В январе 1953 г. архиепископ Гурий переводится в Саратов.

23 февраля того же года о. Иоанн — настоятель саратовского Духосошественского собора. В Саратове о. Иоанн был инспектором и духовником семинарии (с весны 1953 г.). За короткий срок сдав все экзамены, окончил заочное отделение Ленинградской Духовной Академии в 1956 г. 8 августа отбыл в Киев и в 1957/1958 учеб. году был ректором Киевской семинарии. Весной 1958 г. он назначается представителем Патриарха Московского при Патриархе Антиохийском. 28 декабря 1958 г. Святейший Патриарх Алексий I совершил хиротонию о. Иоанна во еп. Подольского. В 1960 г. Владыка Иоанн назначен епископом Берлинским, Патриаршим Экзархом Средней Европы (с 22 августа 1961 г. архиепископ). В 1962 г. Владыка Иоанн назначен Патриаршим Экзархом Северной и Южной Америки, с 1963 г. он — митрополит Нью-Йоркский и Алеутский. После десяти лет заграничного служения митрополит Иоанн подал прошение с просьбой перевести его на кафедру в России и был назначен в Ярославль. За время своего архипастырского служения он официально рукоположил 82 иерея. Опасаясь, что хрущевские гонения обернутся всеобщим уничтожением видимой Церкви, как в 30-х гг., митрополит Иоанн рукоположил несколько десятков тайных священников. Многие его проповеди опубликованы в «Журнале Московской Патриархии» и журнале Среднеевропейского Экзархата «Голос Православия». В 1984 г. Владыка Иоанн был участником XXII Международного геологического конгресса и работал в секциях, где рассматривались вопросы ранней истории развития Земли и эволюции жизни. 26 декабря 1984 г. митрополит Иоанн под давлением Совета по делам религий ушел на покой. В последние годы жизни Владыка Иоанн, по свидетельству духовных чад, имел благодатные дары старца. Перед смертью он подготовил к печати свой труд «О совершенстве человеческой природы Господа нашего Иисуса Христа». Скончался 25 марта 1989 г.

[34] В миру Павел Александрович Шерстенников, родился 5 апреля 1896 г. в семье священника Вятской губернии. Окончил Вятскую духовную семинарию и Казанскую Духовную Академию. В 1922 г. пострижен в монашество. 14 декабря 1930 г. хиротонисан во епископа Елабужского, викария Казанской епархии. С 1933 г. епископ Ржевский, викарий Смоленской (с 1935 г. Калининской) епархии. С 1936 г. епископ Олонецкий и Петрозаводский. С 1937 г. епископ Калининский. С 1938 г. архиепископ. С 28 октября 1943 г. по 29 октября 1947 г. епархией не управлял. С 29 октября 1947 г. архиепископ Семипалатинский и Павлодарский. С 1948 г. временно управлял Омской епархией. С 18 ноября 1948 г. архиепископ Омский и Тюменский. С 21 февраля 1949 г. архиепископ Иркутский и Читинский. С 9 июня того же года поручено временное управление Хабаровской епархией. С 20 февраля 1958 г. он становится архиепископом Саратовским и Вольским. С 14 июля 1959 г. архиепископ Саратовский и Сталинградский. С 12 сентября 1959 г. временно управлял Куйбышевской епархией. С 10 ноября 1961 г. архиепископ Саратовский и Волгоградский. С 29 мая 1963 г. архиепископ Орловский и Брянский. С 25 февраля 1968 г. возведен в сан митрополита. Скончался 23 апреля 1976 г.

[35] Вавилов дол — урочище в 12 км от пос. Ивантеевка Саратовской обл. До 1929 г. здесь существовал мужской монастырь во имя святителя Николая Чудотворца, основанный, по преданию, покаявшимся разбойником Вавилою. В годы безбожного гонения насельники монастыря развернули активную миссионерскую и проповедническую деятельность. Господь явными чудесами, среди которых было много исцелений бесноватых, подкреплял Своих рабов. Первый мученик просиял в обители в 1918 г. — это был насельник монастыря иеромонах Анфим, расстрелянный без суда и следствия за проповеди о покаянии среди окрестных жителей. Но особенно обильно пролилась мученическая кровь в Вавиловом доле в 1929 г., при разгоне обители. За противодействие коллективизации были расстреляны окормлявшие монастырь священники Иоанн Журавлев и Онисим Пряхин, насельник обители, афонский постриженник монах Иоанн (Дорофеев), послушники монастыря Кодрат (Молодых) и Стефан (Турапин), крестьянин Феодор Малов, на

чьи средства в 1914 г. в обители был выстроен соборный храм.

[36] В миру Николай Николаевич Гондаровский, родился 27 октября 1927 г. в с. Нечаевка Белгородской области. Окончил Московскую духовную семинарию и в 1959 г. Московскую Духовную Академию. В 1954 г. пострижен в монашество. С 1960 г. был в Русской Духовной Миссии в Иерусалиме сначала заместителем, затем начальником Миссии. 26 мая 1963 г. хиротонисан во епископа Угличского, викария Ярославской епархии. С 29 мая 1963 г. назначен епископом Саратовским и Волгоградским. С 22 декабря 1964 г. епископ Венский и Австрийский. С 7 июля 1966 г. епископ Тульский и Белевский. С 20 марта 1969 г. епископ Кишиневский и Молдавский. С 11 октября 1972 г. епископ Ташкентский и Среднеазиатский. 9 сентября 1973 г. возведен в сан архиепископа. С сентября 1987 г. архиепископ Орловский и Брянский. Скончался 21 марта 1988 г.

[37] «История Русской Церкви», Т. IX. М.; изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. С. 398.

[38] В миру Димитрий Евгеньевич Хмелевской, родился 26 сентября 1923 года. При крещении было предсказано, что мальчик будет монахом, и не просто монахом, а архиереем. Во время войны от болезни и голода умерли его родители, сам он тяжело болел и трижды чудом спасался от рук фашистов. В 1943 году Дмитрий поступает в Жировицкий монастырь. Вскоре отец Боголеп постригает его в монахи с именем Пимен и назначает ризничим. В 1945 году иподиакон Пимен поступил в Минскую духовную семинарию, которую с отличием окончил в 1949 году. В том же году он был рукоположен в иеромонаха и направлен в Московскую Духовную Академию. В 1951–1953 годах иеромонах Пимен — студент Академии, исполняет обязанности благочинного академического и семинарского духовенства. В 1953 году он окончил Академию со степенью кандидата богословия (кандидатское сочинение он писал на тему «Святоотеческое учение о духе, душе и теле человека в связи с его нравственным совершенствованием») и был оставлен в ней профессорским стипендиатом. Затем его назначили преподавателем катехизиса в Академии и одновременно исполняющим обязанности священника домовой церкви в резиденции Святейшего Патриарха Алексия I в Москве. В 1955 году о. Пимен был возведен в сан игумена и назначен заместителем начальника, а потом начальником Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Там он был возведен в сан архимандрита Патриархом Иерусалимским и всея Палестины Венедиктом. В 1957 году решением Святейшего Патриарха Алексия I и Священного Синода архимандрит Пимен был вызван в Москву и назначен помощником наместника, а затем наместником Троице-Сергиевой Лавры. В феврале 1958 года Совет Московской Духовной Академии присвоил архимандриту Пимену звание доцента за его работу (стипендиатский отчет): «Христианское учение о духе, душе и теле по трудам епископа Феофана и епископа Игнатия Брянчанинова». В 1957/58 учебном году он преподавал в Московской Духовной Академии пастырское богословие, а в 1960–1966 годах — логику. За время пребывания архимандрита Пимена наместником Лавры с благословения Патриарха Алексия I он постриг в монахи многих воинов Христовых, ставших в дальнейшем видными деятелями Церкви, в том числе нынешнего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

[39] Священник о. Василий Байчик соученик еп. Пимена по Жировицкой духовной семинарии был специально приглашен Владыкой для служения в Саратов.

[40]

ВОЗРОЖДЕНИЕ САРАТОВСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

Во время встречи И. В. Сталина с Местоблюстителем патриаршего престола митрополитом Сергием (Страгородским), митрополитами Николаем (Ярушевичем) и Алексием (Симанским) 4 сентября 1943 г. местоблюститель заявил о необходимости повсеместного открытия духовных школ. Митрополиты Сергий и Алексий просили Сталина об открытии богословско-пастырских курсов в нескольких епархиях. Согласившись с этим, Сталин не возражал против открытия семинарий и академий[1]. Разработкой проекта организации Православного богословского института в Москве и богословско-пастырских школ в епархиальных центрах непосредственно занялся архиепископ Саратовский Григорий (Чуков). Этот проект был утвержден Священным Синодом уже после избрания Патриарха Сергия. Открытие Богословского института в московском Новодевичьем монастыре состоялось 14 июня 1944 г.

Возрождение духовной школы намечалось и в Саратове. Но организация богословско-пастырских курсов столкнулась с серьезной проблемой — отсутствием помещения.

После перевода Владыки Григория в Псков в мае 1944 г.

(затем он стал председателем Учебного комитета при Синоде и, конечно, курировал будущую Саратовскую семинарию) новый епископ Саратовский и Вольский Паисий (Образцов) обратился в горисполком с просьбой предоставить для курсов здание архиерейского дома — бывшей резиденции саратовских архиереев (г. Саратов, ул. Волжская, 36), в котором тогда находилась детская поликлиника мединститута. Но по этому первому ходатайству ему было отказано, причем другого помещения предложено не было.

22 мая 1946 года епископ Паисий снова обратился с заявлением, но уже к Уполномоченному Совета по делам РПЦ при Совете министров СССР по Саратовской области П. В. Полубабкину: «В связи с неоднократным напоминанием Святейшего Патриарха Алексия об открытии в Саратове Богословско-пастырских курсов, прошу Вашего ходатайства пред Советом по делам Русской Православной Церкви при Совете министров СССР о предоставлении для курсов здания и подворья бывшего архиерейского дома, находящегося в г. Саратове по Волжской улице, дом 36. Обозначенный дом и подворье в настоящее время заняты детской клиникой № 1 Сармединститута, а прилегающая к нему часовня (имеется в виду часовня во имя иконы Божией Матери «В скорбех и печалех утешение» — прим. авт.) занята магазином Сарпищеторга.

По первому моему ходатайству о предоставлении для курсов вышеуказанного здания отказано, а также и другого помещения не предоставлено, вследствие чего открытие курсов задерживается».

Дополнительной проблемой было отсутствие учебной библиотеки. По некоторым данным, часть фонда библиотеки бывших до революции семинарии и епархиального училища была вывезена в ленинградскую библиотеку им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, а часть осталась в Саратове в составе библиотеки государственного университета.

Разрешить все эти вопросы епископу Паисию не удалось.

Горисполком в передаче здания отказал и даже возбудил ходатайство перед Советом по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР об освобождении его от обязанности предоставить здание для курсов и о переводе курсов в другой город. Несмотря на то, что саратовский уполномоченный Полубабкин относился к Церкви, как нами

уже было отмечено с явной симпатией, Совет по делам РПЦ, в свою очередь, обратился в Совет Министров СССР с просьбой открыть духовную семинарию в г. Вильнюсе вместо богословско-пастырских курсов в Саратове.

По свидетельству «Истории Русской Церкви»: «На ходатайство Патриарха о преобразовании духовных школ 15 июля 1946 г. последовал ответ Г. Г. Карпова о согласии Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете министров Союза ССР на преобразование пастырско-богословских курсов в Москве, Саратове, Ленинграде, Киеве, Львове, Одессе, Минске, Луцке и Ставрополе в духовные семинарии с четырехгодичным сроком обучения»[2].

После назначения 13 января 1947 г. в Саратов епископа Бориса (Вика). Популярность среди горожан и относительно благоприятная политическая атмосфера вокруг Церкви очень помогли новоназначенному архипастырю активно включиться в борьбу за восстановление семинарии. Уполномоченный Полубабкин отмечал, что «новый епископ Борис значительно энергичнее предыдущего и имеет больший авторитет среди священнослужителей и мирян, нежели епископ Паисий...».

Новый управляющий сразу же заявил уполномоченному о своем решительном намерении открыть духовную семинарию. Уполномоченный разъяснил Владыке Борису, что, поскольку вопрос о предоставлении здания для семинарии ранее горисполком решил отрицательно и свое решение направил в высшие органы, то там он и должен получить окончательное разрешение. Дело с семинарией стало перерастать в бюрократический долгострой с бесконечными «прошениями» со стороны Церкви и «разъяснениями» от властей.

Однако энергичный епископ вскоре нашел выход. Он обратился к уполномоченному и получил согласие на приобретение дома для нужд епархии, который и был куплен за 250 000 рублей у профессора Ивановского. В этом двухэтажном каменном доме по адресу: ул. Мичурина, 124 и было подготовлено помещение для семинарии.

Итак, 16 ноября 1947 года возрожденная Саратовская Духовная семинария после 30-летнего перерыва возобновила свою работу.

В первый класс семинарии было принято 15 человек, из них 5 были посланцами других епархий. Интересно отметить, что

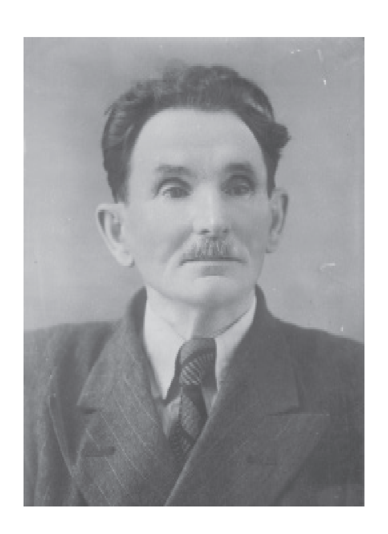
возрастной уровень воспитанников был довольно высок. Самому старшему было 46 лет, троим — 37, 35, 30, десяти воспитанникам от 25 до 21 года и одному было 19 лет.

Нетрадиционным был и социальный состав семинаристов. Вопреки дореволюционной практике, согласно которой священство в основном было наследственным и «кастовым», воспитанников из среды священнослужителей в возрожденной семинарии было очень мало. В первом наборе 1947 года из духовного сословия в семинарию поступили только 2 человека из 15. Остальные распределились по социальным группам так: рабочих — 2, крестьян — 1, служащих — 6, учащихся — 4. Низкий процент воспитанников из духовного сословия будет сохраняться на протяжении всех 15 лет, вплоть до закрытия семинарии в 1961 году.

О послевоенной семинарии рассказал со страниц «Саратовских епархиальных ведомостей»[3] протоиерей Всеволод Кулешов, единственный из саратовского духовенства — выпускник первого набора СДС. Приведем его воспоминания с незначительными сокращениями в авторской орфографии.

«Основные труды по возрождению Духовной семинарии принадлежали правящему в то время епископу Саратовскому и Вольскому Борису (Вику). Проявлял заботу об открытии семинарии и митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий (Чуков), который был с половины октября 1942 года до половины мая 1944 года правящим иерархом в Саратове.

Ректором семинарии был назначен клирик Свято-Троицкого кафедрального собора митрофорный протоиерей Николай Черников, старый академист[4]. Скажем несколько слов о первом ректоре возрожденной семинарии. Ему было тогда уже 62 года, за плечами остался жизненный путь со всеми испытаниями и невзгодами, которые выпадали в то время на долю православного священника. Он закончил Пензенскую

Духовную семинарию, Московскую Духовную Академию со степенью кандидата. Служил в Пензенской, Черниговской, Полтавской областях. 20 апреля 1935 года о. Николай был арестован в Саратове и осужден московским Особым совещанием по статье 121 УК на высылку в пределы Северного Края сроком на 5 лет. Ссылку отбывал в городах Архангельске и Каргополе. После возвращения в 1940 году из ссылки работал в Саратове в разных советских учреждениях бухгалтером до 1946 года. Затем по приглашению архиепископа Андрея (Солнцева), знавшего о. Николая по совместной службе в Саратове, он переезжает в Днепропетровск, где служит священником в кафедральном соборе и назначается благочинным. В 1947 году О. Николай возвращается в Саратов.

Преподавательский состав был следующим. Церковный устав вел настоятель Духосошественского собора митрофорный протоиерей Серафим Казновецкий, исторические дисциплины и Конституцию СССР преподавал Дмитрий Григорьевич Яхонтов, с академическим образованием старой академии, он же был инспектором. Латынь и один из богословских предметов вел Леонид Алексеевич Гринченко. Преподавателями греческого языка в разное время были Н. А. Полимпсестов, С. П. Сергиевский, Н. П. Иванов, Н. М. Рыгалов, пришедший из светского вуза о. Василий Платонов.

По данным СДРПЦ корпорация преподавателей на момент открытия состояла всего из трех человек, причем двое были преподавателями светских вузов, но имели высшее духовной образование. Протоиерей Серафим Казновецкий помимо церковного устава преподавал катехизис, преподаватель Саратовского мединститута С. Е. Победоносцев — русский и церковно-славянский языки, преподаватель Саратовского пединститута Д. Г. Яхонтов читал лекции по Истории Церкви и Конституции СССР.

Работа в семинарии преподавателей государственных вузов Д. Г. Яхонтова и С. Е. Победоносцева смутила уполномоченного, и он сделал запрос в Совет по делам Русской Православной Церкви о допустимости такого совмещения. В ответе Совета разъяснялось, что недопустимо не только совмещение преподавания в духовной семинарии и в советском вузе, но и совмещение преподавания одним лицом богословских и светских предметов внутри семинарии. Вскоре вместо умершего С. Е. Победоносцева для преподавания церковно-славянского и русского языков был приглашен М. П. Цветков, окончивший историко-филологический факультет и ранее обучавшийся в духовной семинарии.

Вспоминает о. Всеволод Кулешов: «Преподавание шло хорошо, несмотря на то, что у нас почти не было никаких учебников, и семинаристы просто записывали лекции наставников. В библиотеке было несколько учебников по катехизису, только и всего. Библиотекарем был один из однокурсников, Владимир Киреев, фронтовик, ранее учившийся в Ташкентском университете. Книги для библиотеки скупались у частных лиц и родственников умерших священников.

Для семинарии был приобретен дом на углу улиц Посад-

Здание Саратовской духовной семинарии, угол ул. Посадского и Университетской, 1948 г.

ского (бывшая Кирпичная) и Университетской, одноэтажное небольшое здание. К нему была пристроена церковь домового типа в честь преп. Серафима Саровского. Она была небольшая, и воспитанники стояли по правую и левую стороны за клиросами. Богослужения совершались по праздничным и выходным дням. Правым хором управлял Виктор Чумаченко, а левым Алексей Новиков, — оба воспитанники семинарии.

Из числа семинаристов поочередно назначались иподиаконы для участия в архиерейских богослужениях.

Епископ Борис передал для семинарского общежития двухэтажное кирпичное здание, где он жил, а сам переехал в другое место. Дом этот находился на углу улиц Валовой и Мичурина. В его полуподвальном помещении была устроена Крестовая церковь в честь святителя Феодосия Черниговского и столовая для семинаристов. Некоторые воспитанники жили в старом доме в районе Глебучева оврага на Октябрьской улице, который был куплен у протоиерея Владимира Михайловича Спиридонова.

Как видно, семинарское общежитие располагалось в районе Волги, а учебное здание в другом конце города, (в районе) железнодорожного вокзала, так что воспитанникам... приходилось ехать на трамвае и еще идти несколько кварталов пешком.

Семинаристы получали стипендию в размере 90 рублей старыми деньгами. Совсем бедным за счет семинарии покупали одежду. Со временем все семинаристы были одеты одинаково».

Совет по делам РПЦ в лице председателя Г. Г. Карпова рекомендовал уполномоченному в целом лояльное отношение к духовной школе: «В отношении духовной семинарии Вам следует иметь общее наблюдение за ее деятельностью и оказывать в том или ином случае необходимое содействие в хозяйственных вопросах. Во внутреннюю жизнь семинарии вмешательство с Вашей стороны недопустимо».

Общие условия жизнедеятельности семинарии, по мнению ректора прот. Н. Черникова, нельзя было назвать нормальными. Несмотря на приобретение здания, она сначала так и не получила отдельного вполне оборудованного помещения и не имела его весь первый учебный год (в этом доме жил Владыка Борис). Не было учебного оборудования, не хватало

Здание общежития семинаристов на углу улиц Валовой и Мичурина, 1948 г.

учебников и учебных пособий. Имевшаяся в распоряжении воспитанников литература приобреталась частным образом за довольно крупные деньги. Общежитие семинаристов располагалось в маленьком домике на Октябрьской улице, где проживали 8 человек.

Через год после открытия — в середине октября 1948 года семинария расширилась, было приобретено специальное здание (на углу Посадского и Университетской) и арендовано еще одно помещение. В 1947–1948 учебном году по сведениям уполномоченного Полубабкина на содержание семинарии из средств Саратовской епархии было отпущено 83 328 руб.

В целом, можно констатировать, что возобновление учебного процесса в Саратовской духовной семинарии после тридцати лет вынужденного бездействия прошло успешно. Набор в первый класс был осуществлен, штат преподавателей для первого класса имелся, было учебное помещение и храм.

Нужно отметить, что отношение государства к религиозному образованию было весьма настороженное. В 1948 г. «Министерство (высшего образования СССР — прим. авт.) удалило из учебных программ духовных академий историю философии, логику, христианскую психологию и христианскую

педагогику, а из учебных планов семинарии — основы психологии и обзор философских учений». Так понижали общеобразовательный уровень духовенства, стремясь свести духовное образование к воспитанию требоисполнителей.

В 1948 году количество поданных в семинарию заявлений превысили число принятых 30 против 16, и конкурс «два человека на место» держался почти во все годы существования семинарии. Можно предположить, что конкурс мог быть еще больше, если бы не особые условия приема, когда абитуриент должен был иметь обязательную церковную подготовку — знание основных молитв, навыки в чтении на церковно-славянском языке и церковном пении, и рекомендацию от священника.

С 1948 года в семинарии стали преобладать посланцы других епархий. Например, в 1948 году саратовских семинаристов было всего трое из шестнадцати, 13 воспитанников прибыли из 11 епархий. Хотя по количеству поданных заявлений (8) Саратовская епархия опережала прочие. Второе место занимала Чкаловская (г. Чкаловск — сейчас г. Оренбург) епархия, командировавшая 4 воспитанников.

В 1948 году ректором семинарии был назначен архимандрит Феогност (Дерюгин), бывший доцент Ленинградской Духовной Академии. Через два года его сменил протоиерей Иоанн Сокаль, долгое время проживавший за границей, находясь в т. н. «карловацком расколе», впоследствии епископ Смоленский и Дорогобужский. Отцу Иоанну было 67 лет, из которых 31 год, с 1919 по 1950, он прожил в эмиграции. С 1931 по 1950 годы он был настоятелем подворья Московской патриархии и благочинным всех русских церквей в Югославии. Он до революции окончил Киевскую Духовную Академию. Советское гражданство о. Иоанн и вся его семья, сосоявшая из жены Марии Софроновны, сына Анатолия и дочери Нины приняла еще в 1946 году. Помимо ректорства

о. Иоанн попутно преподавал один из богословских предметов[5].

В ходе учебы многие воспитанники отсеялись, и полный четырехгодичный курс закончили только десять человек (менее половины — прим. авт.) На выпускных экзаменах присутствовал управляющий епархией архиепископ Филипп (Ставицкий) и в качестве гостя, приехавший на это знаменательное событие, архиепископ Борис (Вик). По окончании экзаменов был отслужен молебен и затем была скромная трапеза. Вечером ректор пригласил выпускников к себе домой на чашку чая и дал полезные советы.

Невзирая на все трудности и неблагоустроенность послевоенного времени, годы обучения в семинарии оставили в памяти каждого выпускника неизгладимое доброе чувство».

В связи с расширением контингента учащихся управление епархией решило сделать пристройку к зданию семинарии. Правда, после перевода епископа Бориса в Чкаловскую епархию 3 марта 1949 года временно управляющий епархией архиепископ Астраханский Филипп (Ставицкий) решил от строительства отказаться и предложил сосредоточить классы в доме епархии, а общежитие в здании семинарии. В августе 1949 года здание по адресу Мичурина, 124 было передано из ведения епархиального управления под семинарское общежитие[6]. Сообщение это довольно странно, так как двухэтажный каменный дом по ул. Мичурина 124 был изначально приобретен епископом Борисом для семинарии. Не возражал архиепископ Филипп и против предложения уполномоченного не допускать в семинарскую церковь частных граждан. По сообщению уполномоченного, архиепископ Филипп был даже сторонником закрытия семинарии. Вероятно, на настроение временно управляющего повлияло решение саратовского горсовета семинарию закрыть.

Скорее всего, многоопытный архипастырь вел дипломатическую игру, чтобы разрядить обстановку, сложившуюся вокруг Саратовской епархии после публикации статьи «Саратовская купель». И уже через год, когда страсти улеглись, архиепископ настойчиво просит уполномоченного разрешить доступ народа в семинарский храм и начать строительство пристройки. Перемена была вызвана и тем, что Патриархия дала указание о необходимости расширения семинарии и

Владыка Филипп с преподавательским составом Саратовской духовной семинарии

улучшении условий работы и быта семинаристов, на что Патриархией было выделен миллион рублей.

Труды по исполнению указаний Патриархии легли на плечи уже нового ректора — протоиерея Иоанна Сокаля, вступившего в должность 1 февраля 1950 года. Выпускник саратовской семинарии, ныне архиепископ Курский и Рыльский Ювеналий вспоминал, что семинаристы любили своего ректора и ласково называли его «красное солнышко». Впечатление саратовского уполномоченного было иным: «Человек своеобразный, который сохранил в себе много старого, к тому же долгое пребывание в эмиграции наложило на него особый отпечаток. Мнение о нем у меня складывается отрицательное».

Расширение семинарии, как учебных площадей, так и общежития, было крайне необходимо. В 1950 году в семинарии было уже 4 класса с 49 воспитанниками, а преподавательская корпорация, включая о. ректора состояла из 6 человек, из которых были приезжими 4 преподавателя, квартир не имевшие, в том числе и о. ректор. Как видно, на преподавателей легла большая нагрузка и по организации учебного процесса, так и по преодолению бытовых трудностей. И именно в

это время, когда каждый преподаватель был на вес золота, органами государственной безопасности был арестован и осужден на несколько лет по печально известной 58 статье преподаватель семинарии Л. А. Гринченко, состоявший в свое время в элитных частях царской армии. Через год семинария столкнулась с проблемой преподавательских кадров. Преподаватели Иванов и Сергиевский были признаны ректором негодными для работы по характеру и уровню знаний, преподаватель пения Яковлев умер, а преподаватель Рыгалов был безнадежно болен...

Некоторые семинаристы были вынуждены проживать на частных квартирах. Если число воспитанников и преподавателей росло, то учебные и жилые площади оставались прежними, незначительно расширяясь, уже 4 года. Так, в 1951 году семинария, как и прежде, располагалась в трех зданиях, значительно удаленных друг от друга: учебный корпус на Университетской 64, общежитие на ул. Мичурина, 124, общежитие в Глебучевом овраге. Хотя в общежитии на ул. Мичурина и были сделаны расширения, их, как признавал уполномоченный Полубабкин, «не вполне достаточно для

Владыка Филипп с воспитанниками Саратовской духовной семинарии в храме во имя преп. Серафима Саровского

нормальной работы».

Уполномоченный предложил ректору в качестве общежития использовать семинарский храм. Ректор рекомендацию не принял, ссылаясь на запрещение патриарха устраивать общежития в церкви. Уполномоченный высказал и другие предложения, которые сводились к тому, чтобы использовать для семинарских нужд уже имеющиеся епархиальные площади и не строить ничего нового ввиду большого дефицита кирпичей и стройматериалов.

Предлагалось, в течение многих лет, переоборудовать под общежитие молитвенный дом по ул. Новоузенской, 116. Но и этот вариант епархию не устраивал, а судьба самого «многострадального» молитвенного дома, вокруг которого было столько споров, быть ему или не быть, решилась просто в 1952 году — молитвенный дом стал детским садом. Правда, молитвенный дом решением епархиального совета от 15 мая 1952 года все же был передан духовной семинарии, пусть только на бумаге. Но педагогическое собрание семинарии в тот же день, сочло невозможным использовать его в учебных целях и постановило передать его в жилищный фонд г. Саратова. Можно только догадываться, какое давление было оказано на епархию.

В 1951 году о. ректор обратился к уполномоченному разрешить приобрести для общежития дом. Уполномоченный запросил Совет по делам Русской Православной Церкви. Ответ оказался положительным: «Препятствовать ректору семинарии в приобретении дома для размещения преподавателей и слушателей семинарии не следует, тем более что по Вашему сообщению, часть слушателей проживают на частных квартирах. Председатель Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете министров СССР Карпов».

Следуя государственной традиции разделять жизнь на пятилетки, ректор семинарии прот. И. Сокаль в отчете о работе СДС за 1952–1953 учебный год подвел итог первой пятилетке в истории семинарии. «...Вполне естественно, — писал он, — годы первого пятилетия в истории Саратовской духовной семинарии пошли на формирование материальной базы — внешнего оборудования и разрешению ряда неотложных задач по очищению внутреннего состава семинарии». Ректор констатировал, что семинария располагает тремя достаточно

оборудованными для учебы и размещения воспитанников зданиями, сформированным педагогическим коллективом, учебниками, учебными пособиями, учебным оборудованием, возможностью полного осуществления учебных планов, программ и улучшения качества учебно-воспитательной работы. Одним из «самых благоприятных» условий было непосредственное отеческое руководство семинарией архиепископа Филиппа и отеческое и благостное внимание архиепископа Гурия (Егорова). К разряду «благоприятных» условий о. ректор относил «неизменно благожелательное» отношение уполномоченного П. В. Полубабкина.

Среди неблагоприятных условий ректор отметил значительную территориальную разобщенность учебного корпуса и общежитий, недостаточную связь с семинарией епархий, обслуживаемых ею по плану учебного комитета.

Последнее действительно вызывает недоумение. Даже уполномоченный, в обязанности которого не входило вникать в организацию учебного процесса семинарии, постоянно сообщал в Совет по делам РПЦ об этом странном факте.

По плану Учебного комитета при Священном Синоде Саратовская семинария должна готовить кадры священнослужителей для Астраханской, Саратовской, Куйбышевской, Пензенской, Тамбовской и Чкаловской епархий, из посланцев которых прежде всего и должны были комплектоваться воспитанники. Ректор СДС в докладе отмечал, что самую тесную связь с семинарией имели Саратовская и Астраханская епархии, оказывавшие ей постоянную моральную и материальную поддержку. Из остальных епархий неослабное внимание к семинарии проявляли Тамбовская и Чкаловская епархии. «Со стороны других епархий интереса и внимания к жизни семинарии почти не проявлялось, — констатировал ректор.

Протоиерей Иоанн сетовал и на то, что епархии не вели серьезной работы по подготовке лиц, желающих поступить в семинарию, ограничиваясь только «объявлением о приеме, кандидатов не изучают, подготовки их к приемным экзаменам не организуют, детальных характеристик не составляют» — говорится в том же докладе.

В результате, среди воспитанников оказалось значительное число прибывших из епархий, не обслуживаемых семинарией.

В послевоенной семинарии проводилась активная обще-

ственно-политическая работа с целью, по выражению о. ректора, «повышения современного кругозора». Общественно-политическим воспитанием семинаристов занимался преподаватель Конституции СССР Д. Г. Яхонтов. В отчетном 1952–1953 гг. им были прочитаны доклады: «Великий Октябрь — знаменательная эра в борьбе за мир», «Сталинская Конституция — зеркало социализма СССР», «Ленинизм — знамя борьбы за коммунизм и за мир во всем мире», «Советская Армия — надежный оплот мира и безопасности народов», «И. В. Сталин — великий вождь и учитель борьбы за мир и вдохновитель» (так в тексте оригинала). Сами семинаристы занимались под руководством Яхонтова художественной самодеятельностью, выдержанной в патриотическом духе. Вот, например, содержание литературно-вокального монтажа, подготовленного к 35-летию Великой Октябрьской Социалистической революции: стихотворение «Мы за мир», «Песня о мире», «Не допустим войны» (многоголосая декламация), «В защиту мира» (хор), «Гимн демократической молодежи», «Сталин» (многоголосая декламация), хор и соло «Песнь о Сталине», «Кантата о Сталине» и некоторые другие концертные номера.

Протоиерей Иоанн Букоткин, старейший священник Самарской епархии, окончивший в свое время Саратовскую духовную семинарию, вспоминает о Владыке Филиппе следующее:

«Учиться в семинарии довелось мне при архиепископе Филиппе, возглавлявшем большую епархию с кафедрой в Астрахани, куда входили еще Саратов и Сталинград (Волгоград). Он любил на Пасху разговляться с семинаристами, после пасхальной службы сразу ехал к нам. Очень любил пироги. Это знали и всегда угощали ими Владыку.

Несмотря на свои восемьдесят лет, архиепископ Филипп отличался бодростью и подвижностью. Бывало, всенощную он служил в Астрахани, а Литургию уже в Саратове: летел туда на самолете или всю ночь ехал на машине, подложив под голову подушечку.

Еще этот архиерей славился строгостью, ревностью по Бозе. Он требовал, чтобы все священники в его епархии ходили только в сапогах и не стригли волос ни на голове, ни на бороде. «Перед кем хочешь быть красивым? — обычно говорил Владыка какому-нибудь молодому батюшке с постриженной бородой. —Перед кем?» У Владыки Иоанна (Снычева) (он тогда был иеродиаконом) болели ноги, но даже он, как и все семинаристы, помнится, ходил в сапогах.

...Однажды к Владыке Филиппу подошла прихожанка, знавшая его лично, чтобы попросить благословение на паломничество в Киево-Печерскую Лавру. Владыка не захотел ее благословлять: «Зачем ты туда едешь? Разве здесь молиться нельзя? Разве там легче душу спасать? Станешь ли ты лучше от этой поездки? А если просто посмотреть, на экскурсию, то и вовсе нехорошо». «Владыка, я уж и билет на поезд купила, — отвечает женщина, — благословите». Архипастырь благословил ее. Уехала она и очень долго не возвращалась.

Встречает ее потом Владыка и спрашивает: «Что-то давно не видно тебя в храме?» «Ой, Владыка,—рассказывает незадачливая паломница, — поехала я в Киев, да заболела, сняли меня с поезда и месяц в больнице пролежала». «Так-то вот без благословения ездить». «Как, Вы же меня благословили!» — удивляется женщина. «Да что там — благословил, когда билет был куплен».

Именно архиепископ Филипп рукополагал меня в сан священника. Я был у него предпоследним. А когда он рукополагал последнего, то сел в алтаре на архиерейское место, перекрестился и сказал: «Ну, вот и все, свое дело я выполнил». Действительно, так и произошло»[7].

Несмотря на препятствия объективного и субъективного характера, семинария разрасталась. В 1954 году семинарией был куплен дом у частного лица за 150 000 рублей, где разместились 24 воспитанника. Таким образом у семинарии имелось три дома под общежитиями и один под учебным корпусом.

В 1955 году в семинарии обучались и проживали в ее общежитиях 88 воспитанников, корпорация преподавателей

насчитывала 7 человек, обслуживающий персонал состоял из 21 человека и административный из 4 человек. Учитывая, что о. ректор, инспектор и секретарь правления, занимая административные должности еще и преподавали, число преподавательской корпорации насчитывало 11 человек.

Очередным ректором, четвертым за 9 лет работы семинарии стал в этом году прот. Иоанн Богданович, уже преклонных лет, 1888 года рождения, выпускник Московской Духовной Академии, кандидат богословия. Ему предстояло работать уже с новым уполномоченным по делам РПЦ по Саратовской области В. Ф. Филипповым.

1955 год выделяется тем, что в этом году в первый класс семинарии из Саратовской области был принят только один воспитанник. Впервые принимаются воспитанники из Ташкентской епархии, что было связано, конечно, с переводом из Ташкента в Саратов архиепископа Гурия (Егорова). Особо отметим значительный приток из Тернопольской епархии — эта тема получит в дальнейшем неожиданное разрешение. Как выяснили компетентные органы, среди приезжих с Западной Украины абитуриентов, оказалось немало «бендеровцев».

В 1956 году по распоряжению управляющего Саратовской епархией митрополита Вениамина (Федченкова) семинарии было передано здание бывшей канцелярии епархиального управления по Смурскому переулку, 19. Таким образом, в распоряжении СДС было уже пять зданий, которые, как отмечал уполномоченный Филиппов, были отремонтированы, на что затрачено 43 115 рублей. Но и этих площадей руководство семинарии не считало достаточным для нормального функционирования. Правление семинарии просило митрополита Вениамина поддержать их ходатайство перед Патриархом о надстройке 3-го этажа над зданием общежития № 1, по адресу ул. Мичурина, 124. Естественно, что ходатайство перед Патриархом было формальностью. Дело упиралось в городские власти, которые не собирались содействовать расширению семинарии. Правление ходатайствовало и о постройке нового здания на углу улиц Тулупной и Мичурина. Уполномоченный Филиппов называл эти проекты фантастическими.

В 1956 году число учащихся было около 100 человек. Эти сведения мы заимствуем из доклада ректора протоиерея Иоанна Богдановича о состоянии Саратовской духовной семинарии, сделанного на совещании благочинных Саратовско-Балашовской епархии в 1956 году под председательством митрополита Саратовского и Балашовского Вениамина (Федченкова). Как сообщал о. Иоанн, условия жизни и работы учащихся нельзя назвать вполне хорошими, но нельзя назвать и плохими. Судя по докладу, быт и денежное содержание воспитанников были вполне сносными. Все воспитанники получали форменную одежду, а также стипендию, установленную для каждого класса Учебным комитетом. Учащимся выдавались проездные деньги, особо нуждающимся оказывалась материальная помощь на приобретение одежды и обуви. Певчие семинарского хора дважды в год получали премии.

Воспитанники получали премии за отличные письменные работы, а имеющие хорошую и отличную успеваемость повышенную стипендию. Любопытно отметить, что ко дню Октябрьской революции всем воспитанникам выдавались деньги для посещения кино.

В СДС обучались посланцы епархий Среднего и Нижнего Поволжья, западной Украины и Белоруссии и всего Юго-Востока.

Существенным улучшением было то, что семинария к тому времени уже располагала библиотекой из более чем 5000 книг — богословских, общеобразовательных, художественных, общественно-политических, обеспечивающих все предметы учебной программы.

Центром духовной жизни семинарии был храм. Начало учебного года и его завершение знаменовались молебнами в его стенах. В течение учебного года богослужения совершались не только по воскресным и праздничным дням, но и два раза в неделю по будням. Проповеди в храме звучали за каждым богослужением, и произносили их не только священники, но и семинаристы выпускного четвертого класса.

Большое место в докладе о. ректора занимала тема патриотического воспитания.

«Главнейшим средством воспитания учащихся в духе глубочайшей доброжелательности по отношению к Отечеству является молитва в храме «за вся иже во власти суть...» Патриотические настроения воспитываются также на уроках, когда, например, преподаватель истории рассказывает о величественном прошлом русского народа, преподаватель

русского языка возбуждает в воспитанниках восхищение красотами родной природы, преподаватель пения говорит о богатстве народного творчества, на уроках конституции раскрываются величие и благородство Советского государства, строящего новый мир, основанный на идеях высочайшей справедливости, преподаватель нравственного богословия свидетельствует о моральных основах нашего государства.

Важное значение в деле патриотического воспитания учащихся имеют торжественные собрания с соответствующими докладами и художественной самодеятельностью (! — прим. авт.), отмечающие все памятные дни гражданского календаря».

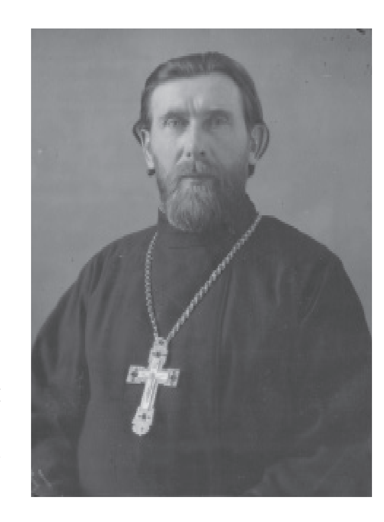
Затем, от патриотического воспитания о. ректор перешел к трудностям. «Учебно-воспитательная жизнь в Саратовской духовной семинарии проходит в трудных условиях. Разбросанность и неудобство зданий, теснота помещений, необеспеченность преподавателей квартирами, — все это создает препятствия к развитию учебно-воспитательного дела,.. а так же большие трудности для учащихся, так как значительная часть времени расходуется на переезды из одного здания в другое...»

В мае 1956 г. семинарское правление возбудило ходатайство перед соответствующими органами о передаче семинарии здания бывшей католической семинарии, но получило отказ.

Доклад о. Богдановича завершается выражением благодарностей митрополиту Вениамину за внимание к нуждам семинарии и настоятелю Свято-Троицкого собора прот. Иоанну Цветкову за участие в решении хозяйственных вопросов.

На предпоследней странице доклада находился абзац текста, заклеенный плотной белой бумагой, который был прочитан на просвет: «Не могу не отметить благожелательного отношения к семинарии со стороны Уполномоченного Совета Министров по делам Православной Церкви по Саратовской области В. Ф. Филиппова. Находясь в непосредственной связи с администрацией семинарии, и время от времени посещая ее, В. Ф. всегда внимательно относится ко всем вопросам, связанным с жизнью семинарии, дает практические советы и указания, оказывая в потребных случаях помощь и содействие семинарии».

За четырнадцать лет существования до закрытия в 1961

году семинария значительно расширилась. Так с 1954 по 1958 г. количество семинаристов увеличилось почти в три раза: с 41 до 115.

Не лишне упомянуть, что выпускниками Саратовской семинарии являются многие видные иерархи церкви, например, С. А. Тарасов, ныне архиепископ Курский и Рыльский Ювеналий, иеромонах Иоанн (Снычев), (он позже уже сам преподавал в СДС) впоследствии митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский[8] и многие другие верные сыны Церкви.

В результате гонения на Церковь в конце пятидесятых годов, резко сократился прием абитуриентов в семинарии по всей стране. Это должно было стать, по замыслу властей, удобным предлогом для закрытия духовных школ. «4 мая 1960 г. новый председатель Совета Куроедов рекомендовал Святейшему Патриарху Алексию I закрыть Киевскую, Саратовскую и Ставропольскую семинарии, ссылаясь на незначительное число учащихся и на неудовлетворительные бытовые условия; Патриарх вынужден был подчиниться. Первой жертвой стала Ставропольская семинария, которую слили с Саратовской, при этом из четырех принадлежавших ей зданий было оставлено одно. Протест Патриархии со ссылкой на постановление Совнаркома от 22 августа 1945 г. о предоставлении Церкви частичных прав юридического лица на приобретение и владение имуществом последствий не возымел. Совет разъяснил, что данное постановление предусматривало исключительно целевое владение имуществом, а поскольку семинария закрывалась, то ее здания, купленные Ставропольской епархией у частных лиц или построенные на свои средства, безвозмездно переходят в государственную собственность; заодно конфисковали и семинарский грузовик. (Точно такая же история произошла со зданиями, купленными для семинарии в Саратове. Кстати, м. б. с дальним прицелом в свое время не возвращались историче-

Иеромонах Иоанн (Снычев) с семинаристами

ски принадлежащие Церкви здания, чтобы потом было легче отбирать купленные и отремонтированные — прим. авт.). Несколько позже закрыли и Саратовскую духовную семинарию (в 1960 г. – прим. авт.)»[9]. В 1960 г. была закрыта Киевская, в 1962 г. закрыта Волынская, а в 1963 г. был последний выпуск Минской духовной семинарии.

За 13 лет своего существования Саратовская духовная семинария подготовила около 120 священников. Из них 37 человек несли службу в приходах Саратовской области. Правда, ввиду известных причин, многие оставили служение и на момент закрытия семинарии в епархиальном клире состояли 15 выпускников. По-разному сложились их судьбы. Некоторые еще в 60-х годах были довольно заметными фигурами. И в особенности для уполномоченного. Особенно «отметились» в его записях священники Н. Можаров, настоятель церкви в г. Пугачеве (добился установки парового отопления в церкви, уложил асфальт, усилил благолепие и пышность служб, что способствовало увеличению доходности церкви в 3 раза. Священник г. Хвалынска Соседкин предпринимал «аналогичные попытки с целью усиления влияния Церкви на население». Священники Энгельсского молитвенного дома Никифоров

и Земцов установили кружки для сбора пожертвований на нужды храма, благоукрашение и даже строительство нового церковного здания.

Семинария удостоилась внимания областной газеты «Коммунист», которая посвятила ей несколько публикаций.

У Церкви, после 1961 года, несмотря на огромную 100-миллионную паству осталось всего три средних учебных заведения: Московская, Ленинградская и Одесская семинарии и два высших: Академии в Москве и Ленинграде.

* * *

После апрельского 1985 г. Пленума ЦК КПСС отношение к Церкви опять меняется в лучшую сторону. Церковная политика партии и правительства становится более либеральной, и вскоре появляется возможность для епархии укрепить свое положение и расширить материально-техническую базу.

В 1985 году архиепископ Пимен обращался к председателю горсовета Мысникову с просьбой передать епархии бывшее здание архиерейского дома (ул. Волжская, 36) для размещения там Духовной семинарии. Последовал отказ. Но эпопея с передачей епархии архиерейского дома началась, и продлиться она до 1991 года.

Как уже говорилось, в новейшей истории Саратовской епархии это вторая из известных нам попыток управляющего епархией вернуть архиерейский дом. Первая была предпринята епископом Паисием (Образцовым) во время короткой послевоенной оттепели.

Из рукописного дневника архиепископа Пимена: «1990 г. 28 декабря, пятница. В горсовете «президиум»… Я выступал в защиту архиерейского дома и скита. Сильное противодействие. Так ни чего и не решили…».

За возвращение епархии архиерейского дома выступало не только епархиальное управление в лице архиепископа. Сторонники исторической справедливости нашлись и в среде общественности. 6 декабря 1990 года в постоянно действующую комиссию по историко-культурному наследию Саратовского городского Совета народных депутатов был направлен документ, озаглавленный «О культурно-историческом и архитектурном комплексе Русской Православной Церкви в г. Саратове, на углу улиц Волжской и Радищева». Документ был подписан научными сотрудниками СПКБ Саратовского

Архиеп. Филипп с семинаристами и преподавателями СДС

политехнического института Б. Н. Донецким и А. С. Папшевым и содержал краткие исторические сведения об архиерейском доме и прилегающих к нему строениях и заканчивался рекомендацией «...историко-культурный и архитектурный ансамбль-памятник возвратить Русской Православной Церкви, в лице Саратовско-Волгоградской епархии». К рекомендации научных сотрудников никто не прислушался.

В результате многочисленных обращений управляющего епархией в органы законодательной власти и во многом благодаря активности епархиального юриста Л. Г. Мануковской решение о судьбе архиерейского дома было вынесено на сессию Саратовского городского совета. В высокое собрание был приглашен архиепископ Пимен. Благодаря участию депутата Л. Каца, вопрос о передаче архиерейского дома Саратовско-Волгоградскому епархиальному управлению был поставлен на повестку дня первым, хотя первоначально таковым не значился. Решению в пользу передачи было принято значительным большинством голосов при двух воздержавшихся.

Решение было принято третьей сессией Саратовского городского совета народных депутатов двадцать первого созыва 6 мая 1991 года. Мы уделяем такое пристальное внимание всем юридическим тонкостям потому, что решение о передаче епархии архиерейского дома было в Саратовской области первым актом государственной власти, совершенным в соответствии с Законом РСФСР «О свободе вероисповеданий» от 25 октября 1990 г.

Вопрос о принадлежности архиерейского дома к категории культовых зданий был ясен не для всех. Здание принадлежало Саратовскому медицинскому институту и медики его культовым не считали. В упомянутом материале в «Саратовских епархиальных ведомостях» директор библиотеки мединститута О. Б. Краснова говорила: «Честно говоря, мы не считаем это здание культовым. Это был все-таки частный архиерейский дом. И если почти у каждого богатого купца была домовая церковь, то, естественно, была она и у архиерея. Сейчас Православная Церковь утверждает, что там был храм... Мы пытались узнать у старых людей, были ли там общедоступные службы. Насколько мы поняли, туда простой народ входа никогда не имел». Однако у стороны-оппонента нашлись «старые люди», которые помнили совсем другое. В тех же «Ведомостях...» саратовский старожил, известный коллекционер Н. И. Володин-Иванов (ныне покойный) в статье «Архиерейский дом и церковь «Утоли моя печали»» пишет ясно и недвусмысленно: «Мне не только довелось застать архиерейский дом в его первозданном виде, но и молиться в Крестовой церкви, которая располагалась на втором этаже в правом крыле дома... Крестовая церковь действовала до 1930 года, работала часовня, а в доме жил архиерей».

В указанном решении, помимо главной формулировки, меняющей юридическую принадлежность архиерейского дома, говорилось, что дом передается епархии именно под Духовную семинарию, что исполкому необходимо решить все хозяйственно-технические вопросы, связанные с передачей дома по ул. Волжская, 36 до 15 июля 1991 года и что ему же поручается в срок до 1 августа 1991 года найти соответствующее помещение для размещения учебной и научной библиотеки и культурного центра Саратовского медицинского института.

Помещения, подходящего для переселения библиотеки медицинского института, долго не могли подыскать. И ситуацию, когда на гербовой бумаге значилось, что здание принадлежит одному хозяину, а фактически владеет им другой, многие склонны были называть конфликтом. Но конфликта не было, просто медики не хотели и не могли переселяться в никуда, даже если бы их стали выгонять, а епархия спешила занять здание.

Из трех сторон, участвовавших в решении вопроса — епар-

хия, медики, власти — самым незавидным было положение последних. В их действиях чувствовалась неуверенность, проистекающая из неясной политической ситуации в стране. В результате этого, их решения по данному вопросу носили иногда половинчатый и непоследовательный характер. Например, в упомянутом решении горсовета во втором пункте исполкому поручалось решить все хозяйственно-технические вопросы, связанные с передачей архиерейского дома до 15 июля, найти соответствующее здание для медицинской библиотеки тот же исполком должен был до 1 августа.

Архиепископ Пимен принял всерьез решение горсовета и послал Святейшему Патриарху Алексию II и Св. Синоду рапорт о возобновлении деятельности Саратовской духовной семинарии. В соответствии с несколько преждевременным рапортом саратовского преосвященного высшая духовная власть в лице Св. Синода под председательством Святейшего Патриарха постановила: «Возблагодарив Всемилостивого Господа, благословить возрождение Саратовской духовной семинарии. Утвердить ректором Саратовской духовной семинарии протоиерея Николая Агафонова, клирика Волгоградской епархии».

Долгое время дело не двигалось. Скорее всего, виной тому была политическая обстановка в стране. Со стороны исполнительной власти были даже попытки дезавуировать решение городского совета. «Саратовские епархиальные ведомости» № 2 за 1992 год сообщали, что в ходе встречи представителей горисполкома с представителями духовенства в резиденции архиепископа первые утверждали, что торопиться с передачей дома не стоит, объявили решение горсовета поспешным. В том же номере журнала приводилось мнение депутата горсовета С. Б. Коннова, который напротив утверждал, что «…вопрос детально изучался в течение года, был всесторонне обсужден, решение принималось с соблюдением всех необходимых процедур».

К борьбе за здание подключился назначенный Синодом ректор Духовной семинарии протоиерей Николай Агафонов. Выступая на чрезвычайной сессии Саратовского городского совета, созванной сразу после путча 19 августа 1991 года, он призвал депутатов провести в жизнь их решение о передаче архиерейского дома. 17 декабря 1992 года Саратовская духовная семинария получила государственную регистрацию Министерства юстиции РФ. 20 февраля 1992 года ректор семинарии пишет «претензию» на имя ректора мединститута В. Ф. Киричука. Тон претензии был довольно жесткий: «Решением третьей сессии Саратовского городского совета народных депутатов от 6 мая 1991 года Саратовскому епархиальному управлению передано культовое здание (бывший архиерейский дом) по ул. Волжской, 36 под возрождение в Саратове Духовной семинарии. Несмотря на это переданное здание Вами самоуправно было занято под библиотеку. В силу того, что Духовная семинария зарегистрирована Министерством юстиции Российской Федерации; Священным Синодом Московского Патриархата назначен ректор семинарии, набран штат работников, закуплено необходимое… оборудование и имущество, а учебный процесс сорван по Вашей вине, предлагаем незамедлительно освободить незаконно занимаемое библиотекой культовое здание, в противном случае мы будем вынуждены обращаться в Арбитражный суд с предъявлением всех убытков по содержанию штата семинарии и хранению оборудования и имущества».

В ответном послание ректора мединститута говорилось: «Ваша претензия о выселении из здания по ул. Волжская, 36 рассмотрена, но удовлетворению не подлежит.

Во-первых, институт не самовольно занял это здание. Решением Саратовского областного совета народных депутатов от 21.03.84 г. № 206-р здание ранее принадлежавшее институту и занятое областным здравоохранением, возвратили на наш баланс. После проведения капитального ремонта разместили там свою библиотеку.

Во-вторых, решением Саратовского городского совета от 6 мая 1991 года в целях реализации закона о свободе вероисповедания, было указано, что исполком городского Совета должен был предоставить нам другое помещение для размещения нашей учебной и научной библиотеки. Такое помещение было предоставлено по улице Радищева, 24. Эта площадь по данным бюро технической инвентаризации составляет 1353 м^2, а нам для размещения фонда необходимо 2997 м^2.

До сего времени другого здания не предоставлено».

Если ректор семинарии был обеспокоен срывом учебного

процесса, то архиепископ Пимен был обеспокоен вдвойне. Во-первых, ситуация на политическом небосклоне была настолько переменчивой, что решению горсовета вполне мог быть дан обратный ход, и во-вторых архиерея смущал непреднамеренно, но все же ложный рапорт Его Святейшеству об открытии семинарии. И архиепископ принимает два решительных шага. Он пишет письмо вице-президенту РСФСР А. В. Руцкому и лично обращается к Президенту РСФСР Б. Н. Ельцину.

О встрече с Ельциным Владыка вспоминал в своих дневниках: «8 января (1992 г. — прим. авт.) в Саратов приехал Президент Б. Н. Ельцин. Повсюду он встречается с народом. В облисполкоме будет особая встреча с руководителями города и области. Кто-то поместил меня в список приглашенных. Я поехал. Меня провели на 6 этаж. Там в большом зале почти никого нет, также и в президиуме. В центре президиума сидит Ельцин. Увидев меня, он встал, пошел навстречу, пожал руку. Постепенно собрались начальство и приглашенные. Ельцин сделал доклад об экономике. Отметил, что очень важны религия, нравственность, благотворительность. Я выступил примерно пятым. Начал так: «Вот Вы, Борис Николаевич, говорите, что нужны нравственность и религия. Но для этого нужны священники, а их у нас крайне недостаточно. Нужна духовная семинария, а с этим вопросом у нас тупик». Далее я рассказал историю борьбы за возрождение семинарии в Саратове. Ельцин говорит: «Неужели и такой вопрос нужно выносить на обсуждение Президента? Неужели местная власть сама не может помочь Церкви?» Раздались голоса: «Все сделаем. Поможем. Откроем». В конце встречи я поблагодарил Бориса Николаевича за слова поддержки...»

Прямая поддержка Президента дело почти не ускорила. Обратимся к дневнику архиепископа: «15 января... мне позвонил Н. С. Макаревич, сказал, что могли бы из архиерейского дома вывезти библиотеку мединститута, но для этого надо отменить указ Ельцина об открытии в Саратове Кадрового центра в бывшем здании ВПШ. Здание большое, здесь все разместилось бы: и центр и библиотека. Предложил мне позвонить Бурбулису, т. к. он вел все дело. Я звонил очень долго, не дозвонился.

31 января. Послал телеграмму Бурбулису. Не знаю, поможет ли. В Саратове пошел слух, что Кадровый центр ни за что не примет библиотеку из архиерейского дома.

4 марта. Пришел отказ от Бурбулиса... А это означает новый тупик в деле возрождения семинарии».

Такой же лаконичной была запись в архиерейском дневнике от 19 августа (знаменательно!), в день церковного праздника Преображения Господня: «Сегодня началось выселение библиотеки мединститута из архиерейского дома, где будет семинария. Наконец-то. После стольких лет борьбы. Работники библиотеки забирают и увозят люстры, срывают и увозят линолеум. Хотели снимать решетки с окон и взламывать паркет. Я позвонил мэру, и варварство прекратилось. Но сорвали электропроводку и лампочки».

Архиерейский дом достался новому законному владельцу — Саратовской духовной семинарии в плачевном состоянии. Дело не только и не столько в снятых люстрах, которые исторически архиерейскому дому не принадлежали. В ходе ремонта были уничтожены уникальные настенные росписи, остатки которых стали самопроизвольно обнажаться из под плохо нанесенной штукатурки. Н. И. Володин-Иванов оставил воспоминания о росписях архиерейского дома:

«Крестовая церковь имела очень красивую отделку. По потолку и по карнизу была выполнена работа «граффитти». Эта работа такого рода: на свежую штукатурку наносятся слои цветной штукатурки, а потом мастера очень быстро вырезают рисунок, соскабливая слои ненужного цвета. «Граффитти», с итальянского переводится «выцарапывать». Это очень тонкая работа. Я допускаю, что в Крестовой церкви была и фресковая живопись. И работа «граффитти» и фресковая живопись делались у нас на основании опыта итальянских мастеров»[10].

Начало деятельности семинарии ознаменовалось молебном «на вхождение в новый дом», который отслужил ректор семинарии в сослужении первых преподавателей — протоиерея Василия Стрелкова (церковное пение), священников Александра Мурылева (русский язык и стилистика), Александра Пестрякова (Священная история), диакона Олега Полюнова (История Церкви). На службе присутствовали и кандидаты в семинаристы, среди которых около половины были посланцами других епархий. После службы абитуриентам предстояли экзамены по русскому языку и цер-

ковному пению, а также собеседование с отцом ректором.

Через год, в 1993 году во время посещения Саратовской семинарии Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II, ректор прот. Николай Агафонов признается: «Мы растем вместе с учениками». Это было правдой. Среди преподавателей семинарии многие имели светское гуманитарное образование. Священник Александр Мурылев — выпускник филологического факультета СГУ, диакон Олег Полюнов (ныне священник) окончил исторический факультет. Преподаватель истории философии Назарий Садовский имел за плечами три курса философского факультета Санкт-Петербургского университета. Преподаватель церковного пения свящ. Сергий Догадин окончил Саратовскую государственную консерваторию. Полное академическое образование имел только Александр Константинович Сычев (ныне в священном сане), а преподаватель литургики свящ. Александр Пестряков и сам отец ректор обучались заочно в Московской Духовной Академии, протоиерей Василий Стрелков окончил Московскую духовную семинарию. И, конечно же, ни у кого из преподавателей не было педагогического опыта. Однако, энтузиазм преподавателей и воспитанников был настолько велик, что компенсировал все прочие недостатки. Учились и

19 августа 1992 г. началось выселение библиотеки мединститута

преподавали с огромным интересом и азартом. По общему мнению преподавателей и священников саратовских храмов, первый выпуск Саратовской духовной семинарии был наиболее талантлив, пытлив и полон ярко одаренных личностей. Помимо семинарии Назарий Садовский и отец ректор преподавали в Поволжском кадровом центре Историю Русской Церкви.

У ректора семинарии были обширные планы. Те, кто знает этого человека, скажут, что он обладает неукротимой энергией, которая часто порождала оригинальные идеи. Одной из таких идей было придать Саратовской духовной семинарии статус высшего духовного учебного заведения (т. е. академии). Без какой либо поддержки сверху ректор начал проводить свою идею в жизнь. Первым шагом (и последним) было введение в семинарии дисциплин академического курса — истории философии, логики, греческого языка, предметов гуманитарных светских вузов — истории культуры, истории России.

Большое значение о. ректор и корпорация преподавателей придавали не очень круглому юбилею — 165-летию основания семинарии, празднование которого намечалось на 10 ноября 1995 года. В рамках торжеств предполагалась богословская конференция. Семинарии хотели присвоить имя А. П. Лопухина (выпускника Саратовской семинарии), известного русского богослова, а также учредить именные стипендии имени С. Л. Франка и А. П. Лопухина. Все эти планы остались неосуществимыми.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1 «История Русской Церкви», Т. IX. М.; изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. С. 294–296.

2 «История Русской Церкви», Т. IX. М.; изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. С. 626.

3 «Саратовские епархиальные ведомости». № 1, 1993. С. 5–6.

[4] Протоиерей Николай Иванович Черников приехал в г. Саратов примерно в 1924 г. на службу в Александро-Невскую церковь. Имел двоих детей: Ольгу и Сергея. Ольга успела до начала гонения на детей священнослужителей окончить институт, а Сергей попал под это гонение и отец уговорил его отречься от родителей, чтобы получить образование. В дальнейшем он стал крупным научным работником, академиком. Отец Николай в свое время окончил Московскую Духовную Академию. Много читал, интересовался многими вопросами науки и потому был интересным собеседником. Он обладал прекрасным голосом — тенором, которому могли бы позавидовать оперные певцы. Естественно, он любил петь и на службе делал это с особенным вдохновением. После закрытия церкви во имя иконы Божией Матери Владимирской (т. н. Маминской по имени купца В. Д. Мамина ее построившего) в 1929 г. перешел в Свято-Троицкий собор. После его закрытия и возобновления Богослужений в 1942 году оставался до конца своих дней его клириком. Скончался в 1951 г. и похоронен на Саратовском Воскресенском кладбище.

[5] В миру Иоанн Иоаннович Сокаль, родился 7 января 1883 г. в Холмской губ. Варшавское духовное училище, Холмская духовная семинария, Киевская Духовная Академия — так «от силы в силу» восходил молодой Иоанн Сокаль к вершинам Премудрости Божией. В 1910 г., по окончании Академии, он был назначен помощником инспектора Курской духовной семинарии, а в 1912 г. перемещен на должность инспектора параллельных классов Курской духовной семинарии в г. Рыльске, где 14 октября 1912 г. епископом Рыльским Никодимом был рукоположен в сан иерея и начал проходить пастырское служение. Послереволюционный период по 1950 г. прот. И. Сокаль прожил за границей, находясь до 1945 г. в составе т.н. Высшего русского церковного управления за границей (карловацкий раскол). В апреле 1945 г. прот. И. Сокаль принес покаяние Матери-Церкви, был принят в ее лоно и Указом Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия назначен настоятелем Троицкой русской церкви в Белграде и благочинным русских приходов в Югославии. В июне 1948 г. прот. И. Сокаль участвовал в Совещании Глав и представителей

Собеседование перед вступительными экзаменами

Преподавательский состав и воспитанники Саратовской духовной семинарии

Автокефальных Церквей в Москве. В январе 1950 г. о. Иоанн возвратился на Родину и был назначен на должность ректора Саратовской духовной семинарии. С 25 июня 1953 г. он ректор Минской духовной семинарии, а с 1956 г. — Одесской. 20 июля 1957 г. о. Иоанн был назначен настоятелем смоленского Успенского собора и секретарем Управления Смоленской епархией. 9 февраля 1951 г. профессорский совет Ленинградской духовной академии присудил ему ученую степень магистра богословия. Овдовев, о. Иоанн принял монашеский постриг с именем Иннокентия. 24 апреля 1959 г. постановлением Священного Синода определено после возведения в сан архимандрита ему быть епископом Смоленским и Дорогобужским. 10 мая 1959 г. в Троице-Сергиевой Лавре состоялась его хиротония. В октябре 1964 г. в связи с болезнью Владыка Иннокентий ушел на покой и прикованный к одру болезни доживал в Смоленске. 14 мая 1965 г. в 7 часов утра он тихо отошел ко Господу, напутствуемый молитвами своего преемника по кафедре епископа Антония. После отпевания в Успенском соборе гроб с телом покойного был обнесен вокруг собора и препровожден на Тихвинское кладбище г. Смоленска.

[6] Сведения из отчета ректора СДС прот. И. Сокаля за 1952–1953 учебный год.

[7] Светильник веры. М.: Изд-во им. святителя Игнатия Ставропольского. 1997. С. 85–88.

[8] В миру Иван Матвеевич Снычев, родился 9 октября 1927 г. в с. Ново-Маячка Каховского р-на Херсонской области. В 1945 г. Иоанн становится пономарем храма свв. апп. Петра и Павла г. Бузулука Оренбургской обл. Назначенный на оренбургскую кафедру епископ Мануил (Лемешевский; впоследствии — митрополит) в августе 1945 г. обращает внимание на молодого пономаря и берет его к себе в келейники и иподиаконы. 9 июня 1946 г., после пострига в рясофор, рукоположен был своим старцем-архиереем во диакона, а 14 января 1948 г. — во иерея. В сентябре 1948 г., когда архиепископа Мануила сослали в Потьму, о. Иоанн поступил в Саратовскую духовную семинарию, которую окончил по первому разряду. В 1951 г. поступает в Ленинградскую Духовную Академию и через четыре года оканчивает

со степенью кандидата богословия. В сентябре 1957 г., по ходатайству архиепископа Чебоксарского и Чувашского Мануила, иеромонах Иоанн был освобожден от преподавательской деятельности и вернулся к старцу-святителю в Чебоксары. В сентябре 1959 г. он был определен помощником инспектора и преподавателем Саратовской духовной семинарии, где преподавал гомилетику, сравнительное богословие и Св. Писание Ветхого Завета. Трудился иеромонах Иоанн в семинарии всего год, и в сентябре 1960 г. был направлен в распоряжение Преосвященного Мануила, архиепископа Куйбышевского и Сызранского, определен священником — ключарем Покровского кафедрального собора г. Куйбышева (Самары). В апреле 1961 г. иеромонах Иоанн возводится в сан игумена, а к Пасхе 1964 г. — в сан архимандрита. 12 декабря 1965 г. состоялась его хиротония во епископа Сызранского. В феврале 1966 г. епископ Иоанн защитил в Московской Духовной Академии магистерскую диссертацию и был удостоен ученой степени магистра богословия. В 1969 г. епископ Иоанн утверждается епископом Куйбышевским и Сызранским, а в сентябре ему поручается управление Чебоксарской епархией. В сентябре 1976 г. епископ Иоанн возведен в сан архиепископа. За чтение в 1988 г. в Ленинградской Духовной Академии лекций по новейшей церковной истории Владыка Иоанн получил звание доктора церковной истории. С 20 июля 1990 года и до своей кончины 2 ноября 1995 года Высокопреосвященнейший Иоанн возглавлял Санкт-Петербургскую епархию. В большом количестве стали выходить труды Владыки, его статьи, сборники под его редакцией.

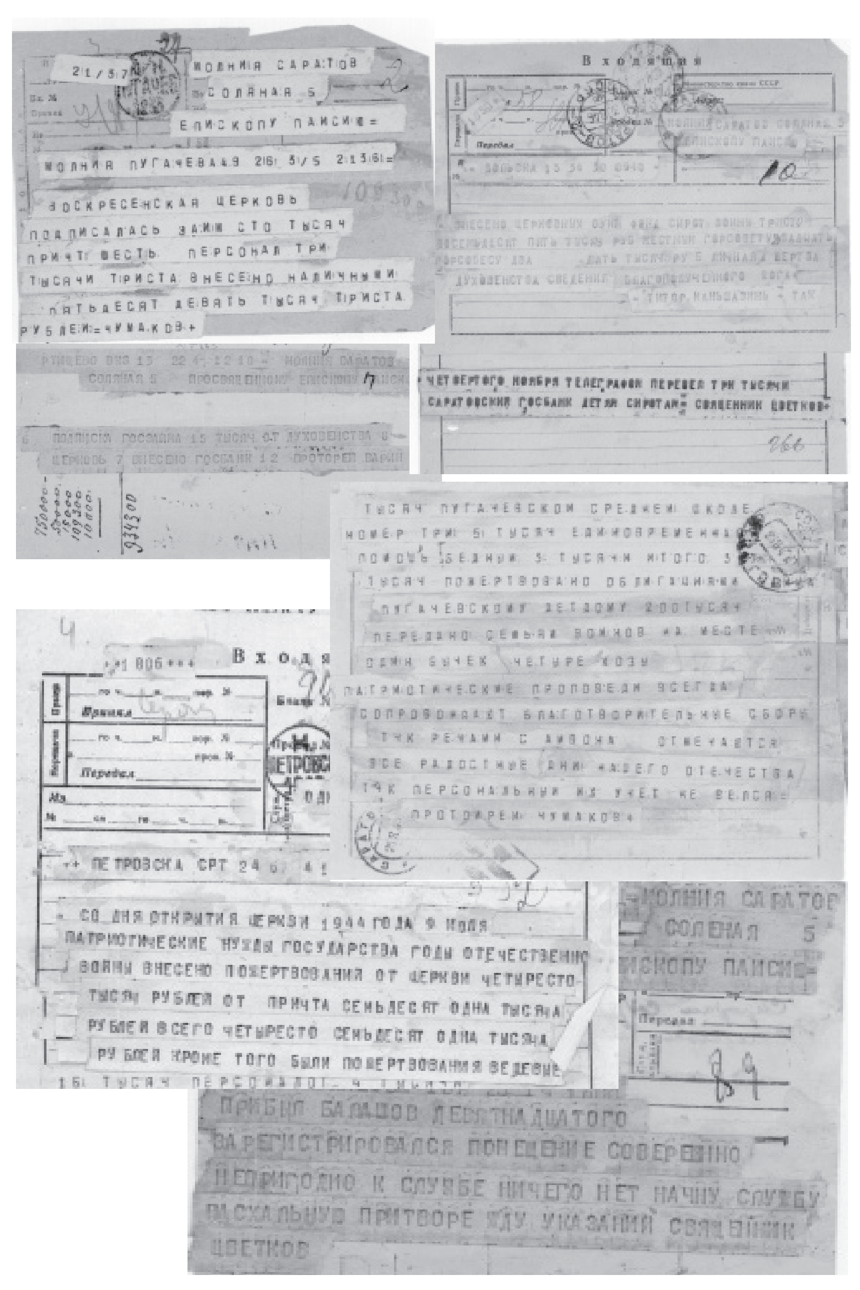
[9] «История Русской Церкви», Т. IX. М.; изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. С. 633.

[10] «Саратовские епархиальные ведомости». 1992. № 2. С. 7.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАSS ДЕSSТЕЛЬНОСТЬ САРАТОВСКОЙ ЕПАРХИИ

Широко известно не только в Саратовской области, но по всей стране имя колхозника Ф. П. Головатого, купившего на личные средства два самолета. Но мало кто знает, что несколько саратовских священников повторили его патриотический поступок.

Во время войны в Саратовской области, как и по всей России, было развернута широкая благотворительная деятельность духовенства и верующих Русской Православной Церкви по сбору средств на нужды обороны. Один из примеров патриотической позиции верующих Саратовской области, имевший место в селе Широкий Карамыш, был обнаружен в архиве Саратовского управления ФСБ РФ. В документе говорится: «В день объявления Указа Правительства о выпуске военного займа собралась большая группа верующих на площади, где когда-то была церковь, и организовала моление. Председатель сельского Совета решил воспрепятствовать им в этом. Когда он появился на площади и предложил немедленно разойтись, 75-летний старик, руководивший молением, исполняя роль священника, заявил: «Уйдите и не мешайте нам молиться о даровании победы над фашистами». Председатель вынужден был уйти. По окончании моления старик произнес речь, в которой призвал верующих... дружно всем выйти на колхозные работы и подписаться на новый заем. На другой день все участники моления подписались на заем, а многие из них тут же внесли наличными деньгами»[1].

МОЛНИЯ САРАТОВ
СОЛЯНАЯ 5
ЕПИСКОПУ ПАИСИЮ=
МОЛНИЯ ПУГАЧЕВА 49 216 5/5 21361=
ВОСКРЕСЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ
ПОДПИСАЛАСЬ ЗАЙМ СТО ТЫСЯЧ
ПРИЧТ ШЕСТЬ ПЕРСОНАЛ ТРИ
ТЫСЯЧИ ТРИСТА ВНЕСЕНО НАЛИЧНЫМИ
ПЯТЬДЕСЯТ ДЕВЯТЬ ТЫСЯЧ ТРИСТА
РУБЛЕЙ=ЧУМАКОВ+

ЧЕТВЕРТОГО НОЯБРЯ ТЕЛЕГРАФОМ ПЕРЕВЕЛ ТРИ ТЫСЯЧИ
САРАТОВСКИЙ ГОСБАНК ДЕТЯМ СИРОТАМ= СВЯЩЕННИК ЦВЕТКОВ+

ТЫСЯЧ ПУГАЧЕВСКОЙ СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ
НОМЕР ТРИ 5 ТЫСЯЧ ЕДИНОВРЕМЕННАЯ
ПОМОЩЬ БЕДНЫМ 5 ТЫСЯЧ ИТОГО
ТЫСЯЧ ПОЖЕРТВОВАНО ОБЛИГАЦИЯМИ
ПУГАЧЕВСКОМУ ДЕТДОМУ 200 ТЫСЯЧ
ПЕРЕДАНО СЕМЬЯМ ВОИНОВ НА МЕСТЕ
ОДИН БЫЧЕК ЧЕТЫРЕ КОЗЫ
ПАТРИОТИЧЕСКИЕ ПРОПОВЕДИ ВСЕГДА
СОПРОВОЖДАЮТ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ СБОРЫ
ТЧК РЕЧАМИ С АМВОНА ОТМЕЧАЮТСЯ
ВСЕ РАДОСТНЫЕ ДНИ НАШЕГО ОТЕЧЕСТВА
ТЧК ПЕРСОНАЛЬНЫЙ ИХ УЧЕТ НЕ ВЕЛСЯ=
ПРОТОИЕРЕЙ ЧУМАКОВ+

ПЕТРОВСКА СРТ
СО ДНЯ ОТКРЫТИЯ ЦЕРКВИ 1944 ГОДА 9 ИЮЛЯ
ПАТРИОТИЧЕСКИЕ НУЖДЫ ГОСУДАРСТВА ГОДЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ ВНЕСЕНО ПОЖЕРТВОВАНИЯ ОТ ЦЕРКВИ ЧЕТЫРЕСТО
ТЫСЯЧ РУБЛЕЙ ОТ ПРИЧТА СЕМЬДЕСЯТ ОДНА ТЫСЯЧА
РУБЛЕЙ ВСЕГО ЧЕТЫРЕСТО СЕМЬДЕСЯТ ОДНА ТЫСЯЧА
РУБЛЕЙ КРОМЕ ТОГО БЫЛИ ПОЖЕРТВОВАНИЯ ВЕДЕНИЕ

МОЛНИЯ САРАТОВ
СОЛЯНАЯ 5
ЕПИСКОПУ ПАИСИЮ
ПРИБЫЛ БАЛАШОВ ДЕВЯТНАДЦАТОГО
ЗАРЕГИСТРИРОВАЛСЯ ПОМЕЩЕНИЕ СОВЕРШЕННО
НЕПРИГОДНО К СЛУЖБЕ НИЧЕГО НЕТ НАЧНУ СЛУЖБУ
ПАСХАЛЬНУЮ ПРИТВОРЕ ЖДУ УКАЗАНИЙ СВЯЩЕННИК
ЦВЕТКОВ

Телеграммы саратовского духовенства епископу Паисию

Сбор денежных средств начался сразу после назначения в Саратов архиепископа Григория (Чукова), открытия первых четырех приходов и оформления органов епархиального управления. Деньги собирались до Победы в Фонд обороны, были целевые сборы на строительство танковой колонны им. Димитрия Донского, на строительство авиаэскадрильи им. св. Александра Невского на восстановление Сталинграда, в помощь семьям фронтовиков, на подарки бойцам Красной Армии, на военный займ. Благотворительная деятельность Церкви продолжалась до 1947 года, потом была прекращена по инициативе советского правительства. Всего за пять лет, с 1943 по 1947 года верующими и духовенством Саратовской епархии были собраны следующие денежные средства: в 1943 году собрано 2 338 776 рублей, в 1944 г. — 2 310 000 руб., в 1945 г. проводился сбор только на военный займ и семьям фронтовиков в сумме 4 513 000 руб., в 1946 г. — делался сбор только семьям фронтовиков в сумме 1 570 000 руб. Общая сумма собранных пожертвований составила 10 731 776 руб.

В 1944 году от 4 храмов епархии было внесено в Госбанк 700 000 рублей на строительство 7 самолетов эскадрильи им. св. Александра Невского. В связи с этим епархиальный благочинный, настоятель Свято-Троицкого кафедрального собора протоиерей Димитрий Иванович Жог обратился к уполномоченному П. В. Полубабкину с просьбой о предоставлении права духовенству епархии получить самолеты с завода и передать их воинской части. К сожалению, мы не располагаем сведениями, было ли дано такое разрешение. Помимо общецерковной работы по сбору средств, священники жертвовали и личные средства. Прот. Д. Жог, о. Георгий Иванович Осипов, священник Казанской церкви г. Петровска, о. Михаил Федорович Лобачев, священник Свято-Троицкого собора и настоятель Балашовской церкви Николай Николаевич Цветков купили на свои деньги самолет за 100 000 рублей.

За патриотическую работу наиболее отличившиеся верующие Саратовской епархии были в 1946 году награждены медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны». Вместе с управляющим епархией епископом Паисием правительственной награды удостоены священники Д. Жог, М. Лобачев, И. Варин, Г. Осипов, В. Спиридонов, Н. Цветков, А. Шереметьев.

Здесь уместно заметить, что духовенство епархии участвовало (разумеется, до хиротонии) в общем деле победы над фашизмом не только доблестным, но и ратным трудом. Клирики епархии воевали на разных фронтах Великой Отечественной Войны и были отмечены боевыми наградами. Протоиерей Анатолий Шумов во время войны находился в партизанских отрядах на Харьковщине. Протоиерей Николай Архангельский участвовал в боях на территории Венгрии, награжден медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией», «За взятие Будапешта», «За взятие Вены». Диакон церкви г. Ртищево Михаил Антипов сражался на 4-м Украинском фронте, награжден медалями «За отвагу», «За победу над Германией». О. Михаил вспоминал, что его лечащий врач в госпитале Вячеслав Островидов впоследствии стал священником и некоторое время служил в Саратовской епархии. Его память сохранила также поразительный факт, что после объявления о победе над Германией, некоторые верующие приветствовали друг друга словами «Христос воскресе!». Священник Духосошественского собора Михаил Юткин служил в 38-й Гвардейской стрелковой дивизии, участвовал в прорыве Курско-Белгородской дуги. Лично уничтожил немецкий танк «Тигр», за что был награжден медалью «За отвагу». В боевых действиях участвовали и другие клирики и церковнослужители епархии.

Сбор средств сопровождался активной проповеднической деятельностью духовенства и епископа, насыщенной патриотическим содержанием. В Указе епископа Паисия (Образцова) от 9 марта 1946 года говорилось: «...Предлагаю церковным советам Саратовского кафедрального собора, городов Вольска, Петровска, Пугачева и Ртищева отчислить ко дню Святой Пасхи все свободные церковные денежные средства и сдать на текущий счет в Фонд помощи детям и семьям павших в Великую Отечественную войну бойцов Красной Армии. Пастыри и миряне! В преддверии великого христианского праздника — Светлого Христова Воскресения, проявим чувства деятельной любви и христианского долга в этом великом и святом деле. Этим мы явимся участниками подвига многих святых, подвизавшихся в вере и любви. Раскроем сердца наши для участия к ним, откроем щедрую руку помощи детям и семьям наших родных воинов, которые защитили и отстояли нашу веру, нашу Родину, наш родной народ, наш покой и безопасность и благо всего человечества.

Нет большей любви, как кто душу свою положит за други своя — говорит Спаситель. Бог любви да вознаградит дело любви нашей».

Все денежные средства саратовские церкви направляли на счет № 160 в Госбанке. Церквам запрещалось оказывать благотворительность по своему усмотрению, равно и местные исполнительные органы и нуждающиеся гуманитарные организации не могли эту помощь запрашивать. Все распределялось централизованно. В циркулярном инструктивном письме Совета по делам Русской Православной Церкви (№ 2 от 20 апреля 1944 года) говорилось: «Внесенные верующими средства (вещи, деньги) в фонд обороны и на подарки бойцам Красной Армии не сдаются в банк, сберегательные кассы, комиссии по приему вещей и другие соответствующие организации, а распределяются руководителями церковных общин непосредственно среди отдельных семей красноармейцев, инвалидов Отечественной войны, больных в госпиталях и раздаются отдельным гражданам по своему усмотрению. Иногда религиозные организации допускаются к постоянному шефству над госпиталями и детскими домами. Раздачу денежных пособий отдельным лицам и шефство над лечебными и детскими учреждениями религиозные организации используют для усиления своего влияния на массы». Факты частной

благотворительности церковных общин были и в Саратовской области. В 1946 году церковный совет пугачевской церкви сдал в сберкассу на счет Пугачевского детского дома облигации госзайма на сумму 200 000 рублей и внес 14 000 рублей деньгами на ремонт. В связи с этим уполномоченный предложил пугачевскому горсовету запретить подведомственным организациям принимать от церковного совета деньги и материальные средства. Еще по одному факту адресной благотворительности разгорелась почти детективная история. Где-то весной 1947 года, когда саратовский уполномоченный Полубабкин находился в служебной командировке, управляющий епархией епископ Паисий и заведующий областным отделом социального обеспечения тов. Митин договорились о перечислении областному собесу приличной суммы в 520 000 рублей. Узнав о «беззаконии», уполномоченный стал бить во все колокола, требуя перечислить деньги на спецсчет госбюджета. Но самочинник в ответ на возмущение уполномоченного и прямое указание зам. Пред. Облисполкома тов. Сотникова отдать деньги, заявил, что средства уже распределяются по районам. Никаких репрессивных действий в отношении тов. Митина не последовало, а резолюция, поставленная председателем Облисполкома тов. Кузьминым на докладной записке уполномоченного «Тов. Митину и Полубабкину — разберитесь» не оставляет сомнений: местная власть сочла за благо оставить деньги в своем хозяйстве, чем отправлять в Москву.

Надо заметить, что позиция Совета по делам Русской Православной Церкви была принципиальной: пожертвования перечисляются Церковью исключительно на спецсчет, Церковь не оказывает помощи ни госучреждениям и организациям и частным лицам, ни организации не обращаются за помощью в Церковь. Вот как эмоционально говорится по этому вопросу в одном из циркулярных писем СДРПЦ, обычно чрезвычайно сухих и выдержанных в официально-деловом стиле: «По имеющимся в Совете по делам Русской Православной Церкви при СНК СССР сведениям имели место факты обращений местных организаций в епархиальные управления о производстве в церквах сборов средств на строительство детских домов и другие общественные цели. Совет считает подобные действия представителей местных органов неправильными и противоречащими отношениям, сложившимся между

Церковью и государством. Если Церковь и производит сборы средств на какие-либо общественные цели, то это она делает по собственному желанию и инициативе, а не по просьбе советских органов. Обращения с такого рода просьбами к Церкви, отделенной от государства, носит характер выпрашивания, что недостойно советских органов. Уполномоченным Совета следует предупреждать такие факты»[2]. Приведенная цитата показывает довольно противоречивое отношение к церковной благотворительности: за нее награждают государственными наградами, выражает благодарность Верховный главнокомандующий и вместе с тем — это частное дело Церкви…

В 1947 году церковная благотворительность была прекращена по инициативе правительства (напомним, что началась она по инициативе Церкви). Причем ее прекращение было обосновано, в том числе, заботой об интересах самой Церкви: «…Министерство финансов Союза ССР, принимая во внимание ряд соображений, поставило вопрос о возможности прекращения этих сборов. Совет… находит своевременным поставить вопрос о прекращении сборов и отчислений Православной Церковью на патриотические цели, тем более, что у Церкви выросли потребности в средствах на содержание духовных учебных заведений, ремонт храмов, содержание управленческих органов Церкви и др. расходы»[3].

Правда, вскоре, после создания в СССР Фонда мира, церковные отчисления возобновились. Только теперь речь шла не о патриотических целях, а о борьбе за мир во всем мире. Надо ли говорить, что абстрактная борьба за мир внушала мало доверия и энтузиазма в сборе средств, а потому приходилось их собирать в добровольно-принудительном порядке. Стоило церквам заняться ремонтом, увеличением хоров или повышением зарплаты обслуживающему персоналу, как следовало «разъяснение», что лучше бы направить эти средства в Фонд мира. 8 января 1959 года было сделано первое (и далеко не последнее) перечисление в этот фонд в сумме 472 000 рублей. Деньги немалые.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1] «Саратовские епархиальные ведомости». № 2. 1995 С. 33; А. Е. Сабуров. «Гражданин Ферапонт Головатый» // «На страже безопасности России». Саратов, изд-во «Летопись», 1997. С. 81.

[2] Информационное письмо № 4. № 297/С от 13 декабря 1945 г.

[3] Циркулярное письмо № 21 от 30 января 1947 г.

СОДЕРЖАНИЕ

À. À. ßêîâëåâ
Î÷ÅÐÊ ÈÑÒÎÐÈÈ ÑÀÐÀÒÎÂÑÊÎÉ ÅÏÀÐÕÈÈ
(1943–1993 ãã.)

Историко-публицистическое издание

Редактор А. А. Яковлев
Верстка В. В. Теплов
Корректор Н. В. Иванова

Лицензия ИД № 05692 от 27 августа 2001 г.
410600, г. Саратов, ул. Чернышевского, 60/62, оф. 304.
Тел.: (8452) 25-71-13.

Сдано в набор 22.05.02 г. Подписано в печать 31.10.02 г.
Формат 60 x 90 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Times».
Усл. п. л. 13. Тираж 1000 экз. Заказ _____.

Государственное унитарное предприятие ордена Трудового Красного Знамени
полиграфический комбинат Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 59